

**ФРАНСИС
КАРСАК**

**Робинзоны
космоса**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Франсис Карсак

Робинзоны космоса

«Азбука-Аттикус»

1955-1979

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-445

Карсак Ф.

Робинзоны космоса / Ф. Карсак — «Азбука-Аттикус»,
1955-1979 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-20147-7

Франция не очень фантастическая страна по сравнению, например, с Америкой. Кого, кроме Жюль Верна, вы можете вспомнить из французских фантастов? Почти никого. Рони-старший с его «Борьбой за огонь», Морис Ренар, Жерар Клейн... Кто еще? Но есть в фантастике Франции имя, которое наш отечественный читатель знает наверняка, – Франсис Карсак. Роман «Робинзоны космоса», переведенный и опубликованный в нашей стране в самом начале 1960-х, сразу же вывел Карсака на одно из ведущих мест в рейтинге симпатий российских читателей. Вселенская катастрофа, кусок планеты отрывается от Земли, и люди, на нем живущие, оказываются в миллионах километров от дома, в мире, который нужно освоить и покорить. Из крупных произведений, кроме «Робинзонов космоса», в этот том вошли: «Бегство Земли», книга о человеке из далекого будущего, рассказавшем людям современной эпохи о том, какая беда поставит под угрозу планету и как правнуки ради спасения человечества решатся на грандиозный эксперимент – «побег» Земли на орбиту чужого солнца; а также знаменитые «Львы Эльдорадо» и повести, примыкающие к роману, – история о человеке и о льве, разумном помощнике человека, о планете Эльдорадо, ее бедах и ее защитниках. В корпусе произведений Карсака, представленных в этом томе, восстановлены сокращения и пропуски, допущенные в предыдущих изданиях; многие из вошедших в книгу работ писателя публикуются на русском впервые.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-445

ISBN 978-5-389-20147-7

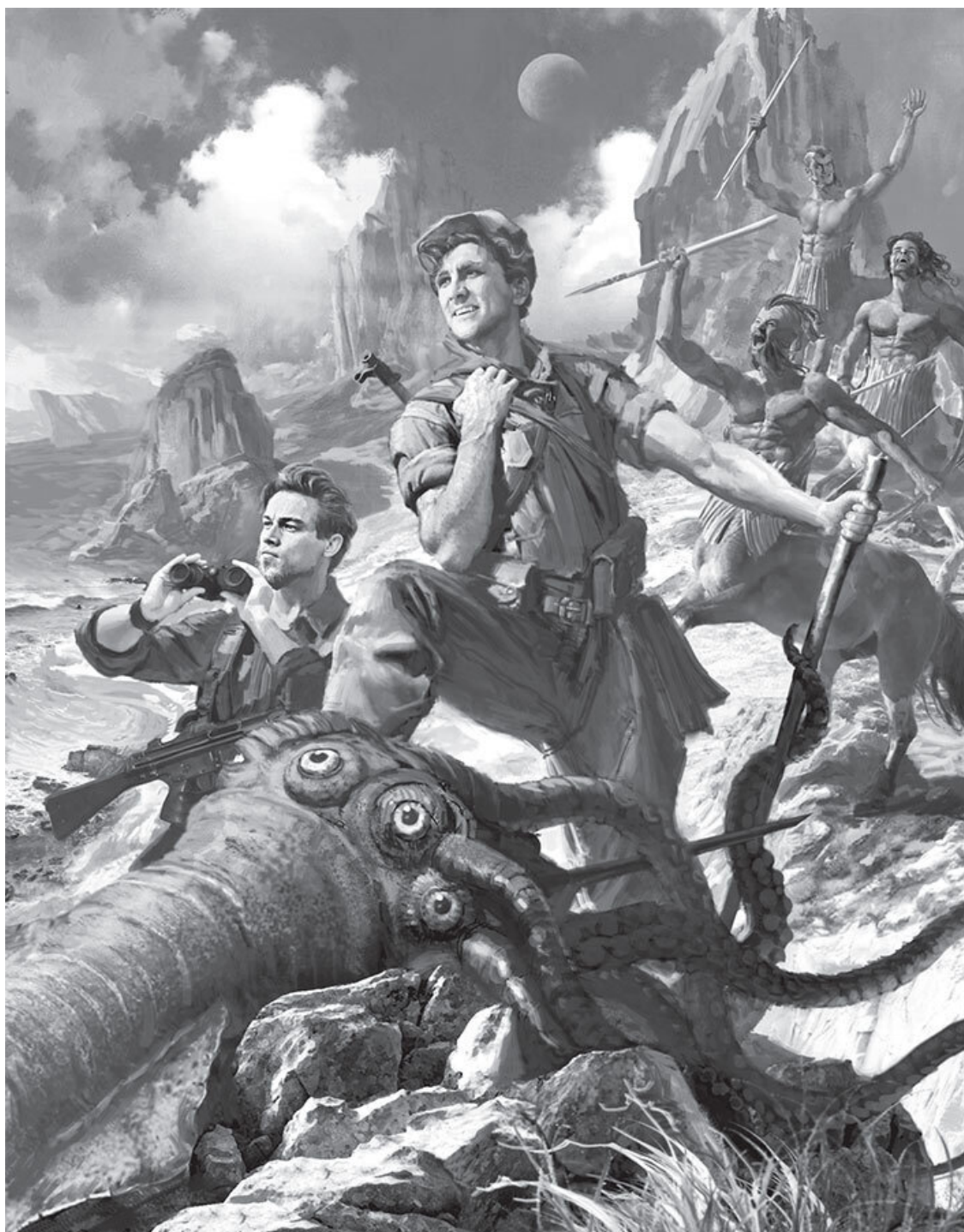
© Карсак Ф., 1955-1979

© Азбука-Аттикус, 1955-1979

Содержание

Человек-гора французской фантастики	8
Робинзоны космоса[4]	14
Пролог	15
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	20
Часть вторая	23
Глава 1	23
Глава 2	30
Глава 3	34
Глава 4	38
Часть третья	45
Глава 1	45
Глава 2	51
Глава 3	60
Глава 4	65
Глава 5	79
Глава 6	82
Часть четвертая	86
Глава 1	86
Глава 2	91
Глава 3	95
Глава 4	98
Глава 5	104
Глава 6	109
Эпилог	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Франсис Карсак Робинзоны космоса

Francis Carsac
LES ROBINSONS DU COSMOS
Copyright © 1955 by Francis Carsac
TERRE EN FUITE
Copyright © 1960 by Francis Carsac
LES MONTS DE DESTIN

Copyright © 1966 by Francis Carsac
LES MAINS PROPRES

Copyright © 1981 by Francis Carsac
LA VERMINE DU LION

Copyright © 1967 by Francis Carsac
HACHURES

Copyright © 1954 by Francis Carsac
GENÈSE

Copyright © 1958 by Francis Carsac
L'HOMME QUI PARLAIT AUX MARTIENS

Copyright © 1958 by Francis Carsac
SABLES MORTS

Copyright © 1959 by Francis Carsac
LA BAISER DE LA VIE

Copyright © 1959 by Francis Carsac
PREMIER EMPIRE

Copyright © 1960 by Francis Carsac
LA VOIX DU LOUP

Copyright © 1960 by Francis Carsac
L'ANCÊTRE

Copyright © 1962 by Francis Carsac
L'HOMME QUI VOULUT ÊTRE DIEU

Copyright © 1979 by Francis Carsac

© В. А. Каспаров, перевод, 2021

© Ф. Л. Мендельсон (наследники), перевод, 1960, 1972, 1981

© Л. С. Самуйлов, предисловие, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Человек-гора французской фантастики

Франсис Карсак (настоящее имя Франсуа Борд) родился 30 декабря 1919 года в Перигоре. Вся свою жизнь он будет связан с этими местами, играющими важную роль в истории первобытного общества, – там же писатель будет и похоронен.

В семь лет Франсуа вырезал из камня наконечники для стрел и стрелял ими из лука по птицам в фамильном парке; юношей, а позднее и зрелым мужчиной безустанно раскапывал доисторические поселения в долинах Сены и Дордони, а в конце жизни – на берегах реки Мерчисон, в Западной Австралии... То был его собственный способ узнать что-либо о происшедшем много тысячелетий назад, в прошлом, когда древние цивилизации, жившие в совсем иной, нежели наша, природной среде, за счет эволюции и адаптации добывались значительных антропологических и культурных преобразований. С десятилетнего возраста и до самой смерти он регулярно перечитывал «Борьбу за огонь» Ж. А. Рони-старшего (с этой книгой из «нельсоновского собрания» он никогда не расставался), а также произведения других авторов – например, «Войну миров» Г. Дж. Уэллса.

В шестнадцать лет Франсуа сдал экзамены на степень бакалавра, после чего поехал в Индокитай, где муж его сестры служил колониальным управляющим.

Через четыре года после его возвращения во Францию началась война. Франсуа Борд был мобилизован. Затем пришло поражение... В период оккупации он возобновил свои занятия в университетах Бордо и Тулузы. Там он встретил свою будущую жену, Денизу де Сонвиль, впоследствии тоже ставшую археологом. В течение некоторого времени, чтобы уклониться от S. T. O.¹, он вынужден был работать в шахте, добывая бурый уголь, после чего вместе с женой присоединился к Сопротивлению. Затем наконец наступило освобождение. При штурме немецких частей близ Руайяна Франсуа Борд был серьезно ранен: в него попало около пятидесяти осколков гранаты. Его бумажник во внутреннем кармане остановил один из них около сердца.

«Выкарабкался я просто чудом, – вспоминал сам Борд. – После того ранения я получил вторую жизнь».

О своем здоровье Франсуа Борд говорить не любил. Он во всех смыслах оставался Человеком-Горой. Таким же, как Тераи Лапрад из «Львов Эльдорадо». И как у Лапрада, под львиной внешностью у него скрывалось доброе сердце.

Писать Франсуа Борд начал еще до Второй мировой войны, но самый первый его роман, «На бесплодной планете», написанный в 1943–1944 годах, когда Борд сражался в рядах французского Сопротивления, вышел в свет только через пятнадцать лет после смерти автора, в 1996 году. Сам Франсуа в интервью 1967 года фэнзину «Lunatique» отзывался об этом романе так: «Мой первый роман? Он так и остался неизданным... Да он мне, по правде сказать, самому не нравится. С этой книгой связана одна история... Во время войны, прежде чем вместе с другими студентами уйти в подполье, я работал шахтером в Дордони. Как-то раз мои товарищи попросили меня рассказать им что-нибудь интересное. А для меня это – раз плюнуть. Вот я и сочинил одну такую байку. Позднее она превратилась в роман. Но это было произведение дебютанта, не отличавшееся цельностью и полное несуразностей».

Превосходное знание английского языка (он писал свои статьи по палеолиту и геологии четвертичного периода на английском) и частые поездки по работе в США открыли Франсуа Борду американскую научную фантастику, а с некоторыми американскими писателями-фантастами, такими как, например, Пол Андерсон и Лайон Спрэг де Камп, он даже дружил семьями. Но предоставим слово им самим.

¹ S. T. O. (Service du travail obligatoire) – обязательная трудовая повинность, принудительный выезд и работа на заводах в Германии.

«Работа писателя порой вознаграждается самым неожиданным образом, – говорит Пол Андерсон. – Моя дружба с Франсуа Бордом стала результатом статьи, которую я опубликовал в 1954 году в одном научно-фантастическом журнале и где пытался поправить некоторые широко распространенные ложные представления о первобытном человеке. Так вышло, что я и сам сделал несколько ошибок, и он написал мне по этому поводу любезное письмо. Я ответил, и вскоре мы уже вели постоянную переписку. Спустя несколько лет он впервые приехал в США в качестве приглашенного профессора. Когда он завершил свои дела, моя супруга и я позвали его к нам в гости. Он принял приглашение и пробыл у нас неделю, на протяжении которой мы возили его по всему региону.

Это был очаровательный гость, преисполненный юмора и жажды жизни, всегда находивший для нас какие-то интересные истории. Естественно, нас завораживала его работа... в частности, его новаторский труд по воссозданию палеолитических технологий изготовления каменных изделий. Я прекрасно помню, как в один из дней, когда мы шли вдоль берега моря, он продемонстрировал нам, как это делалось в те далекие времена; затем остановился ненадолго передохнуть и разбросал все фрагменты, чтобы не вводить в заблуждение будущих коллег! В другом посещаемом туристами месте, на берегу океана, где, вероятно, бывает миллион человек в год, он вдруг остановился на усыпанной гравием аллее и показал нам небольшие обломки камней, свидетельствовавшие о том, что в этом месте когда-то находилось индейское поселение, оставшееся незамеченным даже археологами. Он изготовил для нас несколько кремневых и обсидиановых наконечников, которые мы храним до сих пор. Ближе к концу своего пребывания у нас он пожелал преподнести моей жене необычный подарок. В лавке, где продавались минералы, он нашел фрагмент авантюрина – искусственного, стекловидного и очень красивого материала.

Из этого камня он намеревался вырезать наконечники для стрел, которые она могла бы носить как украшение. На моих глазах он принялся за работу с кусочка оленьего рога, и я узнал немало французских ругательств: камень никак не желал раскалываться должным образом. Тем не менее он проявил настойчивость, и теперь эти наконечники являются предметом гордости в коллекции моей супруги.

Всякий раз, когда это было возможно, он гостил у нас снова и снова. Мы всегда заранее ждали этих okazji. Мы и сами дважды приезжали к нему и его жене в гости, когда были во Франции. В первый раз мы пробыли у них довольно долго, и нас принимали с потрясающим гостеприимством. Нам показали прекрасный регион, департамент Дордонь, – не только места археологических раскопок, относящиеся к доисторическому периоду, но все, что было здесь интересного, – причем столь полным образом, что у нас сложилось впечатление, будто мы прожили там порядочное время.

Второй наш визит оказался более коротким и продлился всего двое или трое суток, но нам опять показывали днем потрясающие вещи, а вечера мы проводили за душевными разговорами и после пары-тройки стаканов вина даже пели песни.

В промежутках между этими встречами мы обменивались многочисленными письмами, так как в основном имели схожие вкусы. Даже когда мы в чем-то не соглашались друг с другом – порой это случалось на почве политики, – наши противоречия всегда были дружескими и интересными (это вовсе не означает, что Франсуа принадлежал к типу людей спокойных и мирных; он мог прийти в состояние внезапной ярости, когда имел на то вескую причину; опять же, в прошлом он был героем Сопротивления). Каждому из нас нравились произведения другого, и мы взяли за привычку обмениваться экземплярами всего того, что издавали. Он лично перевел для журнала „Фиксьон“ один из моих рассказов, действие которого происходит во Франции эпохи палеолита².

² Пол Андерсон. Далекие воспоминания (The Long Remembering), рассказ 1957 года.

Будучи ученым честным и справедливым, он добавил кое-какие примечания, поясняющие допущенные мною ошибки. Одно из них касалось саблезубого тигра. Он указал на то, что, хотя в Америке в тот период это животное все еще обитало, в Европе оно уже вымерло. В частной переписке он заметил мне следующее: „Мне кажется, что хищники с длинными зубами и сейчас сохраняются в Америке дольше“.

Я, в свою очередь, всегда хотел перевести его научно-фантастические рассказы для англоязычной публики, которой они, несомненно, пришлись бы по вкусу. Но у меня все никак не находилось на это времени и наверняка уже не найдется. Надеюсь, это сделает кто-то другой.

Он разделял мою недоверчивость по отношению к так называемому интеллектуальному классу: нам обоим больше нравились люди, мысли и действия которых имеют практическую направленность. Тем не менее нам обоим было присуще одно широко распространенное среди интеллектуалов пристрастие – к хорошей фолк-музыке и современным балладам. Я и моя жена часто слушаем полученные от него в подарок записи. Все это не подразумевает, что Франсуа так или иначе восхищался невежеством или вульгарностью. Напротив, то был один из самых образованных и гуманных людей, каких я когда-либо знал».

Вспоминает Лайон Спрэг де Камп: «У Франсуа было множество друзей-американцев; Андерсоны, моя супруга и я также входили в их число. Мы навещали Франсуа во время его летних раскопок в Дордони. Нам показывали знаменитые пещеры, такие как Фон-де-Гом, Кап-Блан, Лез-Эзи и Ложери-От; две первые украшены наскальными изображениями эпохи палеолита, представляющими мамонтов, бизонов, диких лошадей, львов и других животных послеледниковой эпохи».

Когда моя жена Кэтрин и я были у него в гостях в 1968 году, нам довелось услышать его объяснения о технике изготовления каменных изделий первобытных людей, после чего он продемонстрировал, как это делалось. Затем он позволил мне самому произвести кое-какие раскопки: они заключались в том, чтобы соскрести миниатюрной лопаткой грунт с твердыми вложениями и поместить его в небольшое медное ведро. Дважды я решил было, что нашел палеолитические предметы, но то оказалась обычная галька.

В другой раз мы нанесли ему визит вместе с семьей наших друзей. В то время, если кто-то желал провести раскопки в пещерах, нужно было получить его, Ф. Борда, разрешение. Когда мы прибыли в пещеры, Франсуа обнаружил, что кто-то копал там без его позволения. Личность виновного установить оказалось нетрудно, вместе с ним был какой-то паренек, который забыл там кепку с проставленной на ней фамилией. Легко выходящий из себя Франсуа бросился в деревенский полицейский участок и разбудил дремавшего в своем кабинете полицейского:

– Месье! Совершено ужаснейшее преступление! Вы должны немедленно послать рапорт в Париж, в Сюртэ, кабинет такой-то! В пяти экземплярах!

Ошеломленный флик³ объяснил, что он не в курсе этого правонарушения, что ему никогда не доводилось бывать в подобной ситуации и что он просто-напросто не знает, как составлять такой рапорт.

– Писать же вы умеете, не так ли? – продолжал неистовствовать Франсуа.

– Да, месье, писать я умею.

– Тогда я продиктую, а вы пишете! В пяти экземплярах!

Утомленный блюститель порядка вставил в печатную машинку формуляры и копировальную бумагу и принялся печатать. Необходимо было представить свидетелей правонарушения, и ими стали Джон и Мэделин Дейл. Бедный полицейский верно записал их имена, но, когда спросил адрес и услышал, что они проживают в Галф-Миллс, Коншохокен, штат Пенсильвания, пришел в отчаяние. Он воскликнул:

– Но это же не французский адрес!

³ Флик – полицейский (фр., жарг.).

– Это уже не ваше дело; продолжайте! – Франсуа был неумолим.

– Но это хоть в христианской стране? В цивилизованной?

– Месье! – сурово произнес Франсуа. – Господин и госпожа Дейл живут неподалеку от Филадельфии. В Филадельфии есть французский консул; а там, где есть французский консул, есть и цивилизация!

Можно ли представить себе что-то более французское?»

В начале 50-х годов Франсуа Борд продолжал занятия в Парижском университете. В это время научная фантастика, во многом подражавшая американской, робко внедрялась во Франции книжной серией «Рэйон фантастик» («Фантастический луч»), журналами «Фиксьон» и «Галакси».

В 1951–1952 годах, параллельно с работой над диссертацией по геологии, Франсуа Борд написал роман «Пришельцы ниоткуда», предложив его для серии «Рэйон фантастик» под псевдонимом Франсис Карсак. Причина взятия псевдонима простая: ученые мужи того времени относились с определенным недоверием к любому почитателю научной фантастики, а Франсуа Борд собирался строить серьезную научную карьеру. (Карсак – название деревушки, расположенной неподалеку от Сарлата, что в департаменте Дордонь; в ней Борд когда-то лично руководил раскопками на месте одной из палеолитических стоянок.)

Вот что говорил об этих романах Франсуа Борд: «„Робинзонов космоса“ я написал, даже не помышляя о том, чтобы когда-либо выпустить их в виде книги. Затем, примерно в то же время, когда появилась серия „Рэйон фантастик“, я завершил свой третий роман – „Пришельцы ниоткуда“. Я предложил его – он был принят и издан. У меня даже попросили еще один. Тогда я вернулся к рукописи „Робинзонов“ и создал из нее роман, сильно отличавшийся, как мне кажется, от изначального варианта. Эта книга, из всех мною написанных, имела наибольший успех. Она была переведена на испанский, итальянский, румынский, болгарский и русский. В России ее публикация обернулась настоящим триумфом. Там, за железным занавесом, этот роман очень нравится читателям».

В то время Франсис Карсак посещал книжный магазин «Баланс», принадлежавший Валери Шмидту, – магазин, который являлся настоящей штаб-квартирой парижских фантастов; здесь встречались Филипп Кюрваль, Жак Бержье, Шарль Эннеберг, Жерар Клейн и другие писатели. Сам не подозревая того, Франсис Карсак начал литературное течение, вызвавшее тогда у многих читателей психологический шок.

В 1956 году, став доктором наук, Франсуа Борд получил кафедру палеонтологии четвертичного периода на факультете естественных наук Университета Бордо, который располагается в Талансе. Он возвратился в Аквитанию, и научная фантастика от этого пострадала. Отныне он так был занят работой, что времени на занятия литературным трудом уже почти не оставалось.

В 1960 году появилось «Бегство Земли» – роман, начатый еще до войны и законченный двадцатью годами позже. В 1962-м – «Этот мир – наш».

Пьер Бамель вспоминал: «Я был в Оране, когда прочитал „Этот мир – наш“, и должен сказать, что в годы падения Французского Алжира „стальной“ закон находил в этом романе любопытный отклик. Спустя одиннадцать лет Франсис Карсак объяснил мне, что это произведение, написанное с 1952 по 1959 год, служило своеобразным намеком на Индокитай, где он жил когда-то, и что, по его мнению, любая расовая проблема может быть разрешена одной только метисацией. По ироническому совпадению он получил тогда письмо одного репатрианта, которое заканчивалось словами: „Радует уже то, что хотя бы *вы* нас понимаете“, и письмо старого феллаха, содержавшее точно те же слова...»

В 1962 году был опубликован роман «Наша родина – космос», посвященный теме звездных ковчегов; в нем Карсак демонстрировал свой отказ от всех видов тоталитаризма.

Затем читателям пришлось ждать до 1967 года, когда им наконец выпала возможность прочесть «Львов Эльдорадо», вышедших в издательстве «Флёв нуар». (Впрочем, сам Кар-

сак как-то раз признался своему другу Франсису Валери, что этот роман предназначался для «Рэйн фантастик», но закрытие серии в 1964 году надолго задержало публикацию. Эта информация позволяет полагать, что «Львы Эльдорадо» были написаны примерно в то же время, когда были изданы предыдущие два романа.)

Своим уровнем этот роман значительно превосходил обычные публикации, и это оказалось для «Флёв нуар» счастливой неожиданностью. Франсис Карсак написал его всего за три месяца летних каникул. В этой книге, за десять лет до того, как тема стала модным сюжетом, он встал на защиту экологии, и делал это куда более интересно, чем многочисленные сторонники экологической доктрины впоследствии.

Шло время. От пустыни Аризоны до пустынь Австралии, через землю Дордони, Франсис Карсак занимался раскопками в поисках наших предков. Его ковбойская шляпа и знаменитая трубка сделались легендарными.

Карсак написал два пролога по сорок страниц к роману «Львы Эльдорадо». Другие незавершенные рукописи уснули вечным сном в его обширной библиотеке. Он закончил лишь несколько рассказов, которые добавились к тем, что выходили в разные годы в журналах «Фиксьон» и «Сателлит». Но история первобытных людей интересовала его гораздо сильнее, а время подтачивало жизнь.

Так вот и вышло, что сочинения Карсака ограничиваются семью романами и двумя десятками новелл. Его текстами в течение нескольких десятилетий восхищались самые искушенные любители фантастики. К сожалению, начавшееся в конце 1970-х годов переиздание сочинений Карсака в издательстве «Пресс-пocket» ограничилось выходом всего двух романов: «Этот мир – наш» и «Наша родина – космос». Франсису Карсаку не понравились иллюстрации к обложкам, сделанные Войтеком Сюдмаком, и он аннулировал договор.

«Я запретил им продолжать, – с возмущением объяснял сам автор. – Они поместили на обложки моих книг совершенно голых красоток, в то время как в самих текстах их нет! Это невероятно! Я не целомудрен, но не понимаю, зачем нужно помещать на обложку голых женщин, если сцен, оправдывающих это, в романе нет!»

На переделку обложки, возобновление выпуска романов у какого-нибудь другого издателя Карсаку было, похоже, наплевать...

Франсуа Борд умер от сердечного приступа 1 мая 1981 года, когда находился у своих друзей в Тусоне, штат Аризона. Его тело самолетом доставили во Францию, где оно было захоронено в семейном склепе в деревушке Карсак, в долине Дордони.

Оригинальность Борда-Карсака – как литературная, так и научная – была общепризнанной и неоспоримой, его широкая многогранная культурная деятельность простирается далеко за пределы профессиональных интересов, связанных с изучением истории первобытного общества и естественными науками – геологией, зоологией и ботаникой, – она затрагивает и современные физику с астрономией, и сравнительную этнографию, не говоря уж о военно-морском флоте, на котором он когда-то мечтал служить. Реалистическое и красочное воображение писателя – он даже сны видел «в цвете» – охватывает всю земную действительность, восходя к космическому будущему человечества, изобилующему техническими и социальными изобретениями. Это будущее в его книгах предвосхищает гипотезы и проблемы нашего времени, то удивляя своими визионерскими образами, то погружая в зловещий ужас неожиданных катаклизмов.

Покидая пределы нашей галактики, решительные и волевые земляне – а это, как правило, исследователи, врачи, геологи или этнографы – внезапно оказываются втянутыми в ту или иную переделку, с неизменным оптимизмом проходят через катастрофы и стихийные бедствия и благодаря своим врожденным талантам преодолевают все трудности, общественные или психологические, которые ставят перед ними новые непредсказуемые жизненные обстоятельства.

Именно по этим причинам – а также благодаря яркой индивидуальности автора – произведения Франсиса Карсака и сегодня пользуются успехом у читателей самого разного возраста, образования, языка и национальности.

Л. Самуйлов

Робинзоны космоса⁴

Роман

Предупреждение

Персонажи данной истории являются вымышленными, любые совпадения имен или портретных черт с реальными людьми – случайные.

⁴ Перевод Ф. Мендельсона.

Пролог

Я не стану описывать здесь ни историю катаклизма, ни историю завоевания Теллуса: все это, изученное в мельчайших деталях, вы найдете в трудах моего брата. Я просто хочу рассказать о своей жизни. Быть может, вам, моим потомкам и потомкам моих товарищей, живущим в этом мире по праву рождения, будет интересно узнать впечатления и страдания человека, родившегося на другой планете и перенесенного сюда в результате беспрецедентного и пока не объясненного явления, человека, едва не отчаявшегося, прежде чем он смог осознать, какое чудесное приключение уготовила ему судьба.

Для чего я пишу эту книгу? Вероятно, сейчас лишь немногие из вас захотят ее прочесть, так как суть ее всем известна. Но я пишу ее главным образом для будущих поколений. Я помню, как на неведомой вам Земле, затерянной где-то в космосе, историки высоко ценили свидетельства людей, являвшихся непосредственными участниками тех или иных событий прошлого. Пройдет пять или шесть веков – и моя книга тоже будет представлять интерес, ибо это рассказ очевидца Великого Начала.

В те времена, с которых начинается мой рассказ, я еще не был тем согбенным и немного вздорным стариком, каким являюсь сейчас. Шестьдесят лет тому назад мне было всего двадцать три! Да-да, целых шестьдесят лет пронеслось с тех пор стремительным потоком. Я знаю, что уже сильно сдал: движения мои утратили былую точность, я быстро устаю и уже мало что люблю в этой жизни – разве только моих детей, внуков, быть может, еще чуть-чуть геологию да погреться на солнце – или, скорее, *на солнцах*, ибо здесь для вас светят целых два. Вот почему я спешу продиктовать моему внуку Пьеру – мои собственные руки так дрожат, что я не могу писать, – незаменимую и уникальную историю человеческой судьбы. В этом мне помогает дневник, который я вел на протяжении всей своей жизни и который я уничтожу, как только задача моя будет окончена. Все, что важно, будет сказано здесь. А что до остального, то мне вовсе не хочется предавать порой немного садистскому любопытству историков свои скромные радости и печали.

Диктуя, я смотрю в окно, за которым колышется на ветру пшеница, и иногда мне кажется, будто я снова на моей родной Земле, – но ровно до того момента, как я замечаю, что деревья отбрасывают две тени...

Часть первая Катаклизм

Глава 1 Предзнаменование

Прежде всего – о том, кто я такой. Конечно, вы, мои ближайшие потомки, это и так знаете. Но скоро ваши дети и дети ваших детей забудут даже о том, что когда-то я вообще существовал. Много ли сам я знаю о собственном прадеде?

В июле 1985 года заканчивался мой первый год работы ассистентом-лаборантом на геологическом факультете в Бордо, одном из городов Земли. Мне тогда было двадцать три, и, хотя красавцем меня не называли, скроен я был ладно.

Если сейчас я, согбенный старик, выгляжу жалко в этом мире юных гигантов, то на Земле мой метр восемьдесят три сантиметра и широкоплечая фигура внушали уважение. Это для вас метр восемьдесят три сантиметра – всего лишь средний рост! Если хотите знать, что я собой представлял, посмотрите на моего первого внука Жана. Как и он, я был молодым брюнетом с большим носом, длинными руками и зелеными глазами.

Год назад я был очень рад своему назначению и возвращению в лабораторию, где за несколько лет до того впервые зарисовал окаменелости. Теперь меня забавляли ошибки студентов, путавших схожие виды, которые человек искусственный различал тотчас же и без труда.

Итак, наступил июль. Экзамены закончились, и вместе с моим братом Полем я готовился отправиться на каникулы к нашему дяде Пьеру Бурна, директору только что построенной в Альпах обсерватории, гигантское (пять метров пятьдесят сантиметров в диаметре) зеркало телескопа которой отныне позволяло французским астрономам на равных соперничать с их американскими коллегами. Дяде должны были помогать его ассистент Робер Менар, необычайно сведущий и неприметный мужчина лет сорока, и целая армия астрономов, вычислителей и техников, которые к моменту катастрофы либо еще не прибыли на место, либо находились в отпуске или в какой-нибудь поездке. Словом, рядом с дядей тогда, помимо Менара, были только два его ученика – брат и сестра, Мишель и Мартина Соваж, с которыми я тогда еще не имел чести быть знакомым.

Мишеля нет с нами уже шесть лет, а ваша бабушка Мартина, как вы знаете, покинула меня три месяца назад. В то время я не предполагал, однако же, какие чувства свяжут нас в будущем. По правде сказать, при моем довольно-таки замкнутом характере, я бы вполне удовлетворился компанией дяди и брата – Менара в расчет я не брал – и потому заранее рассматривал этих двоих как неприятное приложение, даже несмотря или, скорее, именно по причине их молодости: Мишелю тогда было тридцать, а Мартине – двадцать два.

О первых признаках приближающегося катаклизма я узнал 12 июля 1985 года, в четыре часа пополудни. Я уже практически собрал чемоданы, когда в дверь позвонили. Я открыл и увидел перед собой моего кузена Бернара Верильяка, геолога, как и сам я. Тремя годами ранее он принимал участие в первой международной экспедиции «Земля – Марс», а в прошлом году отправился в новую.

- И откуда ты на этот раз? – спросил у него я.
- Прошли без посадки по эллиптической орбите Нептуна. Как какая-нибудь комета.
- За такой короткий срок?
- Поль хорошо поработал над нашим старым «Рони» – теперь он делает две тысячи километров в секунду, и хоть бы что!

– Удачно слетали?

– Конечно! Сделали кучу потрясающих снимков. Правда, на обратном пути нам пришлось туго.

– Возникли какие-то неполадки?

– Да нет. Нас немного снесло. Поль и наш штурман-астроном Клод Ромье уверяли, что впечатление такое, будто в нашу Солнечную систему вторглась масса материи, огромная, но совершенно невидимая. Правда, Сигурд думает по-другому, а наш журналист Рэй Макли вообще уверяет, что мы просто выпили лишнего в честь ухода с орбиты Нептуна и поэтому все наши расчеты никуда не годятся.

Он взглянул на часы:

– Двадцать минут пятого. Ну, мне пора. Счастливого отдохнуть! Сам-то когда собираешься с нами? Следующая цель – спутники Юпитера. Работы там, как понимаешь, хватит и для двух геологов – а может, и их окажется мало! Получишь прекрасную тему для диссертации – из тех, каких еще ни у кого не бывало. Ну да ладно, обсудить это мы еще успеем. Как-нибудь летом я намерен навеститься к твоему дяде.

Дверь за ним закрылась. Больше мы так никогда и не свиделись! Старина Бернар!.. Вероятно, он уже умер. Сейчас ему было бы девяносто шесть. Правда, Бернар уверял, что марсиане умеют увеличивать срок жизни почти вдвое, и, возможно, он еще жив и странствует где-то в космосе. Знал бы он, что меня ждет, он бы со мной наверняка не расстался!

В тот же вечер мы с братом сели в поезд и уже на следующий день, часа в четыре пополудни, прибыли на вокзал... впрочем, название этого места, которое я не записал, а сейчас уже и не помню, не так уж и важно. Это была маленькая, незначительная станция. Нас ожидали. Долговязый блондин, еще более высокий, чем я, стоявший прислонившись к капоту авто, помахал нам рукой. Мы подошли, и он представился:

– Мишель Соваж. Ваш дядя извиняется, что не смог вас встретить, но у него важная и срочная работа.

– Что-то новое среди туманностей? – спросил мой брат.

– Да нет, не среди туманностей. Скорее уж, во всей Вселенной. Вчера вечером я хотел сфотографировать туманность Андромеды – есть там одна недавно открытая сверхновая звезда. Сделав расчет, я включил автоматику большого телескопа, но, к счастью, из чистого любопытства заглянул в «искатель» – маленькую подзорную трубу, укрепленную параллельно с большим объективом. И Андромеды там не оказалось! Я ее обнаружил... в восемнадцати градусах от ее обычного положения!

– Ну и ну! – живо откликнулся я. – А знаете, не далее как вчера Бернар Верильяк сказал мне...

– Так он вернулся? – перебил меня Мишель.

– Да, с орбиты Нептуна. Так вот, он сказал, что они ошиблись в расчетах или же что-то отклонило корабль на обратном пути.

– Месье Бурна это будет крайне интересно...

– Бернар должен заскочить в обсерваторию летом. Пока же я могу написать ему, попросить, чтобы сообщил подробности...

Пока мы так болтали, машина стремительно неслась по долине. Рядом с шоссе проходила железная дорога.

– Так теперь поезд идет до самой деревни?

– Нет, эту линию проложили совсем недавно к заводу легких металлов, который достался нам по наследству. К счастью, он полностью электрифицирован – шел бы дым, пришлось бы переносить либо завод, либо обсерваторию.

– И большой он, этот завод?

– Сейчас там триста пятьдесят рабочих, но в будущем их должно стать как минимум вдвое больше.

Мы выехали на извилистую дорогу, поднимавшуюся к обсерватории. У подножия небольшой горы, на которой она стояла, раскинулась высокогорная долина с маленькой симпатичной деревушкой. Чуть выше деревни виднелся поселок из сборных домиков, сгрудившихся вокруг завода. Вдаль, за гребни гор, уходила линия высокого напряжения.

– Ток идет от плотины, построенной специально для завода, – объяснил Мишель. – Мы сами получаем электричество от нее.

Прямо у подножия холма, на котором стояла обсерватория, возвышались дома моего дяди и его ассистентов.

– А за эти два года тут многое изменилось! – заметил мой брат.

– Вечером за столом намечается большая компания: ваш дядя, Менар, вы двое, мы с сестрой, биолог Вандаль...

– Вандаль? Я знаю его с самого детства! Он старый друг нашей семьи.

– Он здесь с одним из своих коллег по Медицинской академии, знаменитым хирургом Массакром.

– Занятная фамилия для хирурга!⁵ – пошутил мой брат Поль. – Брр! Не хотел бы я у него оперироваться...

– И напрасно. Это самый искусный хирург Франции, а может, и всей Европы. С ним, кстати, приехал один из его друзей – и одновременно учеников – антрополог Андре Бреффор.

– Тот самый Бреффор, что занимается патагонцами? – спросил я.

– Так точно. Словом, каким бы просторным дом ни был, сейчас все комнаты в нем заняты.

Сразу же по прибытии я прошел в обсерваторию и постучался в дверь кабинета дяди.

– Войдите! – проревел он, но, увидев меня, смягчился. – А, это ты!..

Поднявшись из кресла во весь свой гигантский рост, он заключил меня в медвежьи объятия. Таким я вижу его и сейчас: седые волосы и брови, черные как уголь глаза, широкая черная-пречерная борода, веером опускающаяся на жилет.

Робкое «добрый день, месье Бурна!» заставило меня сделать полуоборот: у своего стола, заваленного листками с алгебраическими формулами, стоял Менар. То был невысокий мужчина в очках, с козлиной бородкой и огромным морщинистым лбом. Под столъ незначительной внешностью скрывался человек, знавший с десятков языков и способный извлекать немислимые корни, человек, которому самые дерзкие теории физики и математики были так же ясны, как мне – бурдигальские ярусы в окрестностях Бордо. В этом мой дядя, превосходный исследователь и экспериментатор, не годился Менару даже в подметки, зато вдвоем они составляли могучую пару в области астрономии и атомной физики.

Стрекот пишущей машинки привлек мое внимание к другому углу.

– Ах да! – спохватился дядя. – Забыл тебя представить. Мадемуазель, это мой племянник Жан, бездельник, так и не научившийся точному счету. Позор нашей семьи!

– Не один же я такой, – возразил я. – Поль в арифметике смыслит не больше меня!

– Тут ты прав, – признал дядя. – И это притом что их отец щелкал интегралы как орехи! Хиреет наш род, хиреет... Впрочем, с ними тоже не все так плохо. Жан обещает стать прекрасным геологом, а Поль, я надеюсь, кое-что все же понимает в этих его ассирийцах.

– В индусах, дядюшка, в индусах!

– Да какая, в общем, разница: что одни полный сброд, что другие! Жан, это Мартина Соваж, сестра Мишеля, наша ассистентка.

– Как поживаете? – произнесла девушка, протягивая мне руку.

⁵ Массакр (Massacre) – калечение, истребление (фр.).

Я пожал ее, не успев даже толком прийти в себя. Я ожидал увидеть остроносую лабораторную крысу в очках, а передо мной стояла крепкая девушка с фигурой греческой статуи и столь правильным лицом, что его совершенство приводило в отчаяние. Впрочем, лоб, возможно, был чуть низковат, но под ним сияли восхитительные серо-зеленые глаза, а обрамляли его длинные пряди на удивление черных – ведь брат ее был блондином! – волос. Ее нельзя было назвать хорошенькой. Нет, она была по-настоящему красива, красивее всех женщин, каких я когда-либо видел.

Ее рукопожатие было дружеским и коротким, и она сразу же снова погрузилась в свои расчеты. Дядя увлек меня в сторону.

– Вижу, Мартина произвела на тебя впечатление, – усмехнулся он. – Впрочем, как и на всех, кто ее видел; полагаю, дело тут в контрасте с этим местом. А теперь извини меня, но мне еще до вечера нужно закончить работу, чтобы подойти к ночным наблюдениям во всеоружии. Как тебе известно, персонал я все еще не набрал. Ужинаем мы в половине восьмого.

– И как важная работа? – спросил я. – Мишель сказал, происходят какие-то странные явления...

– Странные! Эти явления опрокидывают всю нашу науку! Ты только представь себе это: туманность Андромеды, отклонившуюся на восемнадцать градусов от своего обычного положения! Одно из двух: либо эта туманность действительно сдвинулась, но тогда она должна развить скорость физически невозможную, потому что еще позавчера она была на своем месте, либо, как полагаем я и мои коллеги из Паломарской обсерватории, свет этой туманности отклонился из-за какого-то феномена, которого позавчера еще не было. И не только *ее* свет, но и всех звезд, расположенных в том же направлении, свет Нептуна, возможно, даже... Из всех гипотез наименее абсурдной кажется следующая: ты, конечно же, знаешь – или, скорее, наоборот, не знаешь, – что луч света способен отклонить мощное гравитационное поле. Сейчас все происходит так, как если бы где-то в Солнечной системе, между Андромедой и нами, появилась некая огромная масса материи и эта масса невидима! Это глупо, немислимо, но тем не менее это так!

– Бернар мне говорил, что когда они возвращались из своей последней экспедиции...

– Ты его видел? Когда?

– Вчера.

– А когда он вернулся?

– Позапрошлой ночью, и как раз с орбиты Нептуна. Так вот, он говорил, что, по всей видимости, их тоже что-то отклонило...

– Насколько? И когда?

– Этого я у него не спросил. Он забежал буквально на минутку и снова умчался. Но он заедет сюда этим летом!

– Этим летом! Право же! Этим летом! Составь телеграмму: пусть немедленно приезжает со всеми своими товарищами и бортовым журналом. Сын садовника отнесет ее на почту. Быть может, в этом и кроется разгадка тайны? Этим летом! Давай беги! Да что же ты стоишь, ей-богу!..

Я мигом исчез, набросал телеграмму, и малыш Бенуа убежал с нею в деревню. Получил ее Бернар или же нет, мне так и не суждено было узнать.

Когда я добрался до дома дяди, все гости были уже в сборе. Первым мне попался на глаза Вандаль, который был моим учителем, когда я еще готовился к экзаменам на аттестат зрелости: высокий и сутуловатый, он был совершенно сед, хотя тогда ему было не более сорока пяти лет. Он представил меня своему другу Массакру, невысокому смуглому мужчине с округлыми жестами, и Бреффору, костистому и молчаливому верзиле.

Ровно в семь двадцать прибыли мой дядя и его свита, в половине восьмого мы сели за стол.

За исключением моего дяди и Менара, выглядевших заметно встревоженными, мы все были веселы, даже Бреффор, не без юмора рассказавший, как ему едва удалось избежать, конечно, весьма почетной, но не слишком приятной женитьбы на дочери вождя племени она с Огненной Земли. Я же, словно зачарованный, не сводил глаз с Мартины. Когда она была серьезна, ее прелестное личико напоминало застывшую маску мраморной статуи, но когда смеялась, откидывая назад голову и отбрасывая тяжелую копну волос, глаза ее сверкали, и она была чудо как хороша!

Впрочем, в тот вечер я не долго наслаждался ее обществом. В четверть девятого дядя встал из-за стола и подал ей знак. Они удалились вместе с Менаром, и через окно я увидел, как они направляются к обсерватории.

Глава 2 Катаклизм

Мы вышли на террасу, чтобы выпить кофе. Вечер был тихий. Далеко на западе заходящее солнце окрашивало в красный цвет высокие горы. Мишель говорил о всеобщем безразличии к астрономическому изучению планет с тех пор, как экспедиция Поля Бернадака начала изучать их, как говорится, «на местах». Вандализм ввел нас в курс последних открытий в области биологии. Наступила ночь. Над горами висел полумесяц, мерцали звезды.

С темнотой пришла прохлада, и мы вернулись в гостиную, но свет зажигать не стали. Я сел лицом к окну рядом с Мишелем. И сейчас, после стольких лет, я с поразительной ясностью помню мельчайшие подробности этого вечера! Я видел четко вырисовывавшийся на фоне ночного неба купол обсерватории, по бокам которого располагались небольшие башенки со вспомогательными телескопами. Общий разговор вскоре распался на уединенные беседы; я говорил с Мишелем. Даже не знаю почему, но на душе у меня было легко и радостно. Мне казалось, что я ничего не вешу, и мне было столь же комфортно в моем кресле, как бывает прекрасному пловцу в воде.

В обсерватории загорелось, погасло, снова загорелось небольшое оконце.

– Я нужен патрону, – сказал Мишель. – Придется идти.

Он взглянул на светящийся циферблат своих часов.

– Который час? – спросил я.

– Одиннадцать тридцать шесть.

Он встал, и – к его и нашему величайшему изумлению – это простое движение отбросило его к расположенной в добрых трех метрах стене.

– Но... Я же совсем ничего не вешу!

Я тоже поднялся и, несмотря на все предосторожности, врезался головой прямо в стену.

– Ну и дела!

Со всех сторон неслись удивленные возгласы. Какое-то время мы вихрем кружились по гостиной, словно пылинки, подхваченные ветром. У всех нас возникло одно и то же тревожное ощущение, некое внутреннее опустошение, головокружение, практически полная утрата понимания того, где теперь верх, где низ. Цепляясь за мебель, я кое-как добрался до окна. Нет, этого не могло быть, – должно быть, я сошел с ума!

Казалось, звезды отплясывают бешеную сарабанду, как это делают их отражения в бурной воде. Они мерцали, разгорались, угасали, снова вспыхивали, резко перемещались с места на место.

– Смотрите! – воскликнул я.

– Конец света, – простонал Массакр.

– Похоже на то, – прошептал Мишель, и я почувствовал, как его пальцы судорожно вцепились в мое плечо.

От этой пляски звезд рябило в глазах; я перевел взгляд ниже и снова воскликнул:
– Взгляните на горы!

Вершины гор исчезали одна за другой! Наиболее приближенные к нам были еще целыми, но те, что располагались подальше, слева, выглядели срезанными так же ровно, как головки сыра, срезанные ножом. И это надвигалось на нас!

– Моя сестра! – хрипло вскрикнул Мишель и кинулся к двери.

Я видел, как он мчится по тропинке к обсерватории нелепыми длинными скачками метров по десять каждый. Ни о чем не думая, не испытывая ничего, даже страха, я машинально отмечал все происходящее.

Все выглядело так, будто сверху и чуть наискосок на нас падало огромное лезвие, незримое лезвие, выше которого все исчезало. Это длилось, быть может, секунд двадцать!

Я слышал приглушенные возгласы моих спутников, увидел, как ворвался в обсерваторию Мишель. И вдруг она, эта обсерватория, тоже исчезла! Я еще успел заметить, как в нескольких сотнях метров ниже гора разверзлась, словно на геологической диаграмме, обнажая все свои геологические пласты, озаренные странным мертвенно-бледным светом, светом Иного Мира. И уже в следующее мгновение на нас с оглушительным грохотом обрушилась катастрофа.

Дом задрожал, я вцепился в какой-то предмет мебели, уж и не помню в какой, и тут окно вылетело, словно вышибленное изнутри гигантским коленом. Сильнейшим ветром меня вместе с остальными вышвырнуло наружу, и я покатился вниз по склону, ударяясь о камни и напарываясь на кусты, оглушенный, задыхающийся, с сильно разбитым носом. Несколько секунд – и все это закончилось. Я обнаружил, что лежу на земле метрах в пятистах от дома, среди разбросанных тел, обломков деревьев, осколков стекла и черепицы. Обсерватория снова появилась – на первый взгляд, совершенно невредимая. И все вокруг было залито необычным медно-красным светом. Я поднял глаза и увидел солнце – уменьшившееся в размерах, красноватое, далекое. В ушах у меня гудело, левое колено распухло, глаза застилало пеленой. Воздух казался пропитанным странным запахом.

Первая моя мысль была о брате. Он лежал на спине в нескольких метрах от меня. Я бросился к нему, с удивлением ощущая, что снова обрел вес. Глаза Поля были закрыты, из правой ноги, глубоко разрезанной осколком стекла чуть выше щиколотки, шла кровь. Пока я перетягивал ему ногу жгутом, свернутым из носового платка, он пришел в себя.

– Мы еще живы?

– Да, ты ранен, но ничего серьезного. Пойду посмотрю, что с остальными.

Ему удалось сесть.

– Ступай!

Вандаль уже поднимался, Массакр и вовсе отделался всего лишь фонарем под глазом. Он направился к Полю, осмотрел его.

– Пустяки! Жгут, пожалуй, не нужен. Крупные сосуды не задеты.

Больше всех пострадал Бреффор: он лежал без сознания с пробитым черепом.

– Его нужно срочно оперировать, – заметил хирург. – В доме вашего дяди у меня есть все, что для этого необходимо.

Я взглянул на дом: он вышел из этого испытания с минимальными потерями. Часть крыши была снесена, окна выбиты, ставни сорваны, но все прочее на первый взгляд уцелело. Общими усилиями мы перенесли в дом Бреффора и Поля. Внутри все было перевернуто вверх дном, содержимое шкафов, столов, комодов валялось на полу. Кое-как мы поставили на место большой стол и уложили на него Бреффора. Вандаль взялся помогать Массакру.

Только тогда я наконец вспомнил о своем дяде. Дверь обсерватории была открыта, но никто оттуда не показывался.

– Схожу посмотрю, – проговорил я и, прихрамывая, вышел.

Не успел я завернуть за угол, как наткнулся на садовника, папашу Ансельма, о котором я совершенно забыл. Все его лицо было в крови. Отправив его на перевязку, я доковылял до обсерватории и поднялся по лестнице. Под куполом, возле большого телескопа, не было ни души. В кабинете выглядевший слегка ошеломленным Менар возился со своими очками.

– Где мой дядя? – прокричал ему я.

Протерев окуляры, он ответил:

– Когда это произошло, они уже собирались выйти, так что, где они сейчас, я не знаю...

Выбежав наружу, я принялся кричать:

– Дядя! Мишель! Мартина!

Ответом мне стало чье-то «эй!». Обогнув груды сошедших с горы камней, я увидел дядю, который сидел привалившись спиной к обломку скалы.

– У него вывихнута лодыжка, – пояснила Мартина.

– А где Мишель?

Несмотря на обстоятельства, я залюбовался округлостью ее плеча под разорванным платьем.

– Пошел за водой к ручью.

– Ну и как вы все это объясните, дядя? – спросил я.

– И что я должен тебе сказать? Сам ничего не знаю. Как там остальные?

Я рассказал ему, как обстоят дела.

– Нужно спуститься в деревню, посмотреть, что там... – сказал он.

– К несчастью, солнце уже садится...

– Садится? Да нет же, встает!

– Солнце заходит, дядя. Еще минут десять тому назад оно висело гораздо выше.

– А! Так ты говоришь об этом жалком медном фонарике? Оглянись-ка лучше назад!

Обернувшись, я увидел над порядком осевшими горами сияющий голубоватый шар. Глаза меня не обманывали: мы находились в мире, где было два солнца.

Мои часы показывали десять минут первого.

Часть вторая Робинзоны космоса

Глава 1 Развалины

Описать всю ту лавину эмоций, что обрушились на меня, я просто-напросто не смогу. Бессознательно, каким бы странным ни казалось мне происходящее, я старался приравнять эту катастрофу к привычным земным нормам: цунами, подземным толчкам, извержениям вулкана.

И вдруг я оказался перед лицом невысказанного, безумного, но в то же время совершенно реального факта: я находился в мире, где светило два солнца! Нет, я не в силах передать охватившее меня смятение. Я пытался отрицать очевидное.

– Но... мы же все-таки на Земле! Вот гора, обсерватория, а там, внизу, деревня...

– Я, конечно же, сижу на частичке Земли! – ответил дядя. – Однако, насколько я смыслю в астрономии, в нашей системе лишь одно солнце – только полные невежи могут не знать столь важного факта, – а здесь, как видишь, их два.

– Но где же мы в таком случае?

– Говорю же: не знаю! Мы были в обсерватории. Она задрожала. Я подумал, что началось землетрясение, и мы – я и Мартина – выбежали. На лестнице столкнулись с Мишелем, и почти тотчас же нас всех выкинуло наружу. Мы потеряли сознание и потому ничего не видели.

– Зато я видел, – проговорил я, вздрагивая. – Видел, как горы вместе с обсерваторией исчезли в каком-то мертвенном свете. Потом меня тоже вышвырнуло, а когда я пришел в себя, лаборатория снова стояла на своем прежнем месте.

– Подумать только! – горестно воскликнул дядя. – Из четырех астрономов ни один не был свидетелем всему этому!

– Мишель видел самое начало. Кстати, где он? Что-то он долго...

– Действительно, – согласилась Мартина. – Пойду посмотрю.

– Нет, лучше схожу я. Но, дядя, умоляю, скажите: где мы, по-вашему, очутились?

– Повторяю тебе: не знаю! Но уж точно не на Земле. И может быть, даже не в нашей Вселенной, – добавил он вполголоса.

– Значит, о Земле мы теперь... можем забыть навсегда?

– Боюсь, что да. Но займись лучше поисками Мишеля.

Я увидел его, не пройдя и нескольких метров. С ним было двое мужчин: брюнет лет тридцати и рыжеволосый крепыш, которому на вид было под сорок. Мишель представил нас друг другу, что, учитывая обстоятельства, показалось мне комичным. Это были Симон Бевен, инженер-электрик, и Жак Этранж, инженер-металлург, директор завода.

– Мы пришли узнать, что случилось, – объяснил Этранж. – Сначала мы, правда, спустились в деревню: там уже работают спасательные команды, и мы послали им на помощь своих рабочих. Церковь обрушилась. Мэр, его жена и дети оказались погребенными под руинами мэрии. По первым донесениям, в деревне около полусотни раненых, несколько человек получили весьма тяжелые травмы. Помимо мэра с семьей, одиннадцать погибших. Но большинство домов уцелело.

– А у вас на заводе? – спросил мой дядя.

– Ущерб невелик, – сказал Бевен. – Вы же знаете, каковы эти сборные конструкции – они легкие и монолитные. На самом заводе вырвало из пола несколько станков. Моя супруга получила несколько глубоких порезов. Других пострадавших нет.

– Среди нас есть хирург. Мы сейчас же пошлем его в деревню, – сказал дядя. Затем, повернувшись к нам с Мишелем, добавил: – Вы двое, помогите-ка мне: нужно добраться до дому. Мартина, приведите Менара. Пойдемте с нами, господа.

Войдя в дом, мы увидели, что Вандаль и Массакр потрудились на славу: все снова было в полном порядке. Мой брат и Бреффор лежали в постелях. Массакр собирал свой медицинский саквояж.

– Спустишь вниз, в деревню, – сказал он. – Полагаю, там для меня тоже найдется работа.

– В этом вы правы, – отозвался дядя. – Эти господа только что оттуда; раненых там хватает.

Я присел на краешек кровати Поля:

– Как чувствуешь себя, старина?

– Прекрасно. Разве что нога немного побаливает.

– А Бреффор?

– Тоже неплохо. Уже пришел в сознание. Все обстоит не столь серьезно, как можно было подумать.

– Тогда и я схожу в деревню.

– Ступай, – согласился дядя. – Мишель, Мартина, Вандаль, вы тоже идите. Мы с Менаром управимся без вас.

Мы ушли. По дороге я спросил у инженеров:

– Есть хоть малейшее представление о масштабе катастрофы?

– Нет. С этим придется подождать. Сначала займемся деревней и ближайшими фермами, а уж что там дальше, посмотрим потом...

Главная улица была практически вся завалена обломками домов, зато другие, поперечные, улочки почти все уцелели. Больше всего пострадала центральная площадь: располагавшиеся на ней церковь и мэрия превратились в груды развалин. Когда мы подошли, из-под обломков как раз извлекали труп мэра. Среди спасателей я отметил для себя одну группу, которая действовала наиболее слаженно. В какой-то момент от нее отделился некий молодой человек и подошел к нам.

– А вот и подкрепление! – радостно воскликнул он. – Вы весьма кстати!

Облаченный в синий комбинезон, он был чуть ниже меня ростом, но гораздо массивнее и, должно быть, обладал недюжинной силой. Под копной черных волос, озаряя все его костистое, с резкими чертами лицо, сверкали пронизательные серые глаза. Я сразу же проникся к нему необъяснимой симпатией, которой в дальнейшем предстояло перерасти в настоящую дружбу.

– Где раненые? – спросил Массакр.

– В банкетном зале. Вы врач? Там ваш коллега, он не откажется от помощи.

– Я хирург.

– Вот так удача! Эй, Жан-Пьер, проводи-ка доктора в медпункт!

– Я пойду с вами, – сказала Мартина. – Буду помогать.

Мишель и я присоединились к группе, разбиравшей завалы. Молодой человек горячо поспорил о чем-то с инженером, затем вернулся к нам.

– Нелегко же было их убедить, что первым делом нужно дать воду и, по возможности, электричество. Они тоже хотели заняться расчисткой! Когда же они будут пользоваться своими знаниями, если не сейчас? Кстати, а вы сами кто по профессии?

– Геолог.

– Астроном.

– Отлично, потом, возможно, пригодится и это. Сейчас есть дела поважнее. За работу!

– Потом? Что вы хотите этим сказать?

– Думаю, вы и так уже знаете, что мы больше не на Земле. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы это заметить! И все-таки это странно. Еще вчера все эти инженеры давали мне указания, а сегодня уже я говорю им, что делать.

– А сами-то вы кто? – поинтересовался Мишель.

– Луи Морьер, старший мастер с завода. Тогда, может, и вы представитесь?

– Его зовут Мишель Соваж, меня – Жан Бурна.

– Стало быть, вы родственник старика? Мировой мужик!

Так, разговаривая о том о сем, мы приступили к разборке обвалившегося дома. К нам присоединились еще двое рабочих.

– Тихо! – сказал вдруг Мишель. – Я что-то слышу.

Из-под груды развалин доносились слабые крики о помощи.

– Скажи-ка, Пьер, – обратился Луи к одному из рабочих, – кто тут жил?

– Мамаша Феррье с дочкой, симпатичной такой девахой лет шестнадцати. Постой-ка! Я как-то раз заходил к ним. Вот здесь была кухня. Должно быть, они в комнате, вон там!

Он указал на полуобвалившуюся часть стены. Мишель нагнулся и крикнул в расщелину:

– Держитесь! Сейчас вы вас вытащим!

Все напряженно прислушались.

Наконец взволнованный девичий голос ответил:

– Скорее! Скорее...

Быстро, но методично мы начали рыть в обломках туннель, иногда натываясь на самые неожиданные предметы: веник, корзинку для рукоделия, радиоприемник. Спустя полчаса призывы о помощи прекратились. Продолжив рыть, мы пошли на риск, ускорили работу и успели вовремя извлечь из-под развалин Розу Феррье. Ее мать была мертва.

Об этом эпизоде спасательных работ я рассказываю в подробностях лишь потому, что позднее Розе, пусть и невольно, предстояло сыграть роль этакой Елены Спартанской – именно из-за нее и разгорелась первая теллусийская война.

Мы перенесли девушку в медпункт и, так как у нас уже урчало в животах от голода, сели заморить червячка. Голубое солнце стояло в зените, а на моих часах было только семь семнадцать утра. Взошло оно около полуночи. Стало быть, голубой день длился здесь примерно четырнадцать с половиной часов.

Всю вторую половину дня мы работали не покладая рук. Вечером, когда голубое солнце закатилось за горизонт на западе, а на востоке поднялось крохотное красное солнце, под развалинами не осталось ни одного раненого. Всего их оказалось восемьдесят один. Двадцать один человек погиб.

Вокруг колодца, теперь иссякшего, раскинулся пестрый лагерь. Растянутые на шестах одеяла служили палатками тем, кто остался без крова. Одну такую, для рабочих своей спасательной команды, соорудил и Луи.

Мы сели перед ней и поужинали холодным мясом и хлебом, запивая еду красным вином, которое мне показалось лучшим из всего, что я вообще когда-либо пил в жизни. Потом, в надежде увидеться с Мартиной, я дошел до медпункта, но девушка уже спала. Массакр был доволен: опасных случаев было не много. По его указанию туда же, в санчасть, перенесли на носилках и Бреффора с моим братом. Оба чувствовали себя гораздо лучше.

– Простите, буквально падаю с ног от усталости, – сказал мне хирург, – а завтра у меня операция, которая в данных обстоятельствах обещает быть весьма сложной.

Я вернулся в палатку, улегся на толстый слой соломы и мгновенно уснул.

Разбудил меня шум мотора. Была еще «ночь», тот самый пурпурный сумрак, который теперь называют «красной ночью». Позади одного из разрушенных домов остановился автомобиль. Я обошел руины и увидел своего дядю. Он спустился с горы вместе с Вандалем, чтобы узнать, как идут дела.

– Что нового? – спросил я.

– Ничего. Так как нет электричества, то и купол обсерватории теперь не вращается. Я был на заводе. Этранж говорит, что тока не будет еще долго: плотина осталась на Земле. Кстати, могу тебе сказать, что мы сейчас на планете, которая оборачивается вокруг собственной оси за двадцать девять часов, и что ось ее совсем немного наклонена, если вообще наклонена, по отношению к плоскости орбиты.

– Откуда ты это знаешь?

– Тут нет ничего сложного. Голубой день длился четырнадцать с половиной часов. Красное солнце дошло до зенита за семь часов с четвертью. Стало быть, сутки здесь продолжаются двадцать девять часов. С другой стороны, день и ночь равны, так что мы, несомненно, находимся далеко от экватора, скорее всего, на сорок пятом градусе северной широты. Из этого я делаю вывод, что ось планеты имеет весьма незначительный наклон, если только мы, конечно же, не угодили точно в период равноденствия. Красное солнце располагается за пределами нашей орбиты и, вероятно, так же как и мы, вращается вокруг голубого солнца. Мы перенеслись сюда в тот момент, когда оба солнца и мы сами противостояем планете. Позднее нам следует ожидать дней, когда будут светить сразу оба солнца или же, напротив, ни одно из них. Тогда наступят черные ночи – или, скорее, лунные.

– Лунные? Так здесь есть луна?

– Взгляни на небо!

Я поднял глаза. Бледные в розовом небе, над нашими головами действительно сияли две луны: одна была примерно такой же, как и наша старая, земная луна, другая – гораздо более крупной.

– Только что их было и вовсе три, – продолжал дядя. – Самая маленькая уже зашла.

– Сколько же еще продлится эта «ночь»?

– Около часа. На завод заходили крестьяне с окрестных ферм. Там жертв не много. Но вот дальше...

– Не мешало бы съездить туда, – сказал я. – Я возьму твою машину, и мы отправимся с Мишелем и Луи. Надо же узнать, как далеко простирается наша территория!

– Тогда я поеду с вами.

– Нет, дядя, у тебя вывихнута нога. Мы можем где-нибудь поломаться и будем вынуждены идти пешком. Сейчас мы совершим сверхбыструю вылазку. Но позднее...

– Ладно, так и быть. Помогите мне тогда выйти и доведи до вашей санчасти. Вы со мной, Вандаль?

– Я бы тоже не прочь поучаствовать в этом рейде, – ответил биолог. – Полагаю, участок земной поверхности здесь не очень велик, и вы намерены объехать его весь, не так ли?

– Если найдем проезжие дороги. Что ж, поедemте с нами. Возможно, обнаружим какую-нибудь неизвестную фауну. Да и вообще, эта поездка рискует оказаться нелегкой, так что ваш опыт путешествий по Новой Гвинее вполне может оказаться полезным.

Я разбудил Мишеля и Луи.

– Хорошо, я готов, – сказал последний, – только сначала хотел бы поговорить с вашим дядей. Вас не затруднит, месье Бурна, – обратился он к астроному, – в наше отсутствие подсчитать жителей, запасы продовольствия, оружия, инструментов и прочего? После смерти мэра вы здесь единственный, к кому все прислушаются. Вы в хороших отношениях и с кюре, и с учителем. По-моему, если кто вас здесь и недолюбливает, так только кабатчик Жюль – возможно, потому, что вы никогда к нему не заходите. Но этого я беру на себя – будет как шелковый. Естественно, мы вернемся еще до того, как вы закончите.

Мы погрузились в автомобиль, старой открытой модели, но вполне еще надежный. Я уже взялся за руль, когда дядя окликнул меня:

– Постой! Захвати-ка с собой то, что лежит в моем портфеле!

Открыв портфель, я вытащил оттуда пистолет уставного образца, сорок пятого калибра.
– Это мой офицерский, – сказал дядя. – Возьми его. Кто знает, что вам там встретится?
В бардачке лежат две коробки патронов.

– Вот это здравая мысль! – одобритительно заметил Луи. – А другого оружия у вас нет?

– У меня нет, но в деревне, полагаю, найдутся охотничьи ружья.

– А ведь и правда! Заскочим по пути к папаше Борю. Когда-то он был адъютаном⁶ в колониальных войсках, а сейчас сделался заядлым охотником.

Мы разбудили старика и, несмотря на его бурные возражения, реквизировали добрую половину его арсенала: один винчестер, два охотничьих ружья и заряженные крупной дробью патроны.

Выехав с рассветом, мы двинулись на восток. Сначала, пока это было возможно, ехали по дороге; местами она была перерезана неприятными разломами, но нам, если не считать одного небольшого объезда, удавалось их преодолевать. Примерно на час нас задержал довольно-таки серьезный завал. Часа через три после выезда мы угодили в зону сплошного хаоса: впереди, на сколько хватало глаз, громоздились вздыбленные горы, огромные кучи земли, камней, деревьев и – увы! – развалины домов.

– Должно быть, мы уже совсем рядом с краем земли, – сказал Мишель. – Пойдемте пешком.

Оставив – возможно, и опрометчиво – автомобиль без охраны, мы прихватили оружие, немного еды и углубились в опустошенную зону. Больше часа мы с трудом продвигались вперед. Для меня, геолога, окружавший нас ландшафт выглядел совершенно невероятным. Здесь перепуталось все: осадочные породы, кристаллическая магма, мезозойские и третичные отложения, настолько перемешанные, что в одном и том же месте я обнаружил трилобит, сеноманский аммонит и третичные нуммулиты.

Пока я собирал окаменелости, Луи и Вандаль, возглавлявшие шествие, взобрались по склону. Достигнув гребня, они оба практически в один голос изумленно вскрикнули, и мы с Мишелем поспешили присоединиться к ним. До самого горизонта перед нами простиралось огромное, с маслянистыми водами, болото, поросшее жесткой, сероватой, словно припорошенной пылью растительностью. Пейзаж был зловещий и грандиозный. Вандаль достал бинокль и принялся внимательно глядеть в даль.

– Там горы! – сказал он.

Он протянул мне свой оптический аппарат. Далеко-далеко, на юго-востоке, на фоне неба вырисовывалась голубоватая линия.

Во все стороны от мыса, образывавшего «зону суши», собираясь в складки и поглощая растительность, тянулись ил и тина. Мы осторожно спустились к краю воды. Вблизи она показалась нам довольно прозрачной, тогда как само болото выглядело весьма глубоким.

– Куда ни глянь – сплошная пустота, – заметил Вандаль. – Ни рыбы, ни птиц.

– Посмотрите-ка туда! – сказал Мишель.

Он указывал на тинистую отмель чуть поодаль, где лежало какое-то зеленоватое существо примерно метровой длины.

С одного его конца можно было различить ротовое отверстие, окруженное шестью мягкими щупальцами; у основания каждого из них светился неподвижный сине-зеленый глаз. На другом конце туловища был мощный хвост, заканчивающийся сплюснутым плавником. Рассмотреть больше деталей нам не удалось: отмель была недоступна. Но когда мы уже взбирались на склон, точно такое же существо быстро пролетело над поверхностью воды с прижатыми к телу щупальцами и тут же – мы едва успели его заметить – снова ушло под воду.

⁶ *Адъютан* – унтер-офицерское звание во французской армии.

Прежде чем вернуться к авто, мы бросили последний взгляд на болото и тут впервые с момента нашего прибытия на эту планету увидели проплывавшее высоко в небе облачко. Оно было зеленоватого цвета. Лишь позднее нам суждено было узнать его зловещее значение.

Вернувшись, мы обнаружили, что машина стоит с включенными фарами.

– Я, однако же, совершенно уверен, – сказал я, – что оставил их выключенными. Кто-то определенно порылся тут!

Но вокруг автомобиля, на пыльной земле, были отпечатки только наших собственных ног. Я щелкнул тумблером, чтобы выключить фары, и вскрикнул: рукоятка оказалась покрыта какой-то клейкой и холодной субстанцией, напоминавшей слизь улитки.

Доехав до развилки, мы повернули на север и довольно скоро вынуждены были остановиться у крупного нагромождения горной породы, – судя по всему, здесь случился обвал.

– Лучше вернуться в деревню и уже оттуда рвануть по дороге, что идет вдоль поляны, – сказал Луи. – Здесь мы практически у границы мертвой зоны.

Так мы и поступили. В деревне мы обнаружили моего дядю сидящим в кресле с вытянутой вперед перевязанной ногой и о чем-то беседующим с кюре и учителем. Мы объявили, что раньше завтрашнего дня нас ждать не следует, и погнали прямо на север. Дорога сначала поднялась на небольшой перевал, потом спустилась в вытянутую параллельно хребту долину. Мы обнаружили несколько ферм, которые практически не пострадали: крестьяне присматривали за скотом и занимались своими делами, словно ничего и не произошло. Еще через несколько километров путь нам снова преградили обвалы. Но здесь зона разрушений была менее широкой, и посреди нее возвышалась уцелевшая гора. Мы взобрались на нее и смогли обозреть местность сверху. Здесь «зону суши» также окаймляли одни болота. Уже подступала красная ночь, и мы, порядком уставшие за день, заночевали на одной из ферм. После шести часов восстановительного сна мы двинулись на запад. На сей раз нас остановили уже не болота, но унылое море.

Тогда мы повернули на юг. До мертвой зоны километров на двенадцать простиралась земля. Дорога каким-то чудом уцелела среди обвалов, что значительно облегчало разведку. Ехать, однако, приходилось очень медленно, потому что местами часть дороги загромождали обломки скал. Внезапно за поворотом перед нами возник совершенно нетронутый уголок – окруженная лесами и лугами небольшая долина.

Осыпи здесь запрудили горную речушку, и она разлилась в сверкающее озерцо. На пологом склоне стоял маленький замок, к которому вела тенистая аллея. Проехав по ней какое-то время, я заметил табличку: «Въезд воспрещен! Частная собственность!»

– Думаю, – пробормотал Мишель, – что, учитывая обстоятельства...

Не успели мы остановиться перед замком, как на крыльце появились молодой человек и две девушки. Лицо юноши искажала гримаса злобного удивления. Он был довольно высок, смугловат, плотно сбит и по-своему даже красив. Одна девушка, тоже довольно хорошенькая, явно приходилась ему сестрой. Другая – она выглядела постарше – была слишком яркой блондинкой, чтобы цвет ее волос можно было принять за естественный. Молодой человек быстро сбежал по ступеням:

– Вы что, читать не умеете?

– Я думал, – начал было Вандаль, – что в подобных обстоятельствах...

– Какие еще могут быть обстоятельства? Это частная собственность, и я не желаю видеть здесь никого, кроме тех, кто сюда приглашен!

В то время я был молод, горяч и не слишком учтив, а потому не сдержался:

– Послушай-ка, сосунок, мы приехали посмотреть, не обрушился ли этот славный замок, который, судя по всему, едва ли является вашим родовым именем, на то, что тебе заменяет голову, а вы вот, значит, как нас встречаете?

– Проваливайте с нашей земли, – завопил он, – или я прикажу вышвырнуть вас отсюда вместе с вашей колымагой!

Я уже собирался выскочить из машины, когда в разговор вмешался Вандаль:

– Не нужно на нас кричать. Мы, конечно, уедем, и уедем без всякого сожаления. Но позвольте предупредить вас, что теперь мы на другой планете, где ваши деньги едва ли имеют хождение...

– Что здесь происходит?

На крыльце, в сопровождении дюжины здоровенных и малосимпатичных парней, появился широкоплечий мужчина в самом расцвете лет.

– Отец, эти типы въехали сюда без разрешения и теперь...

– Заткнись, Шарль! – оборвал его хозяин замка. Затем, обращаясь к Вандалу, промолвил: – Вы что-то там говорили о другой планете. Как вас понимать?

Вандаль объяснил.

– Стало быть, мы уже не на Земле? Интересно, очень интересно... И эта планета девственная?

– Пока что, должен признаться, мы видели только болота с двух сторон и море – с третьей. Остается разведать, что находится с четвертой – вашей – стороны, если, конечно, ваш сын нам позволит!

– Шарль молод и не знал, что случилось. Мы практически ничего из этого не поняли. Сначала я решил, что произошло землетрясение, но когда увидел два солнца и три луны... Спасибо, что прояснили ситуацию. Надеюсь, вы пропустите с нами по рюмочке?..

– Благодарю, но мы спешим.

– Ну что вы! Ида, скажи, пусть приготовят...

– Честное слово, – прервал его я, – мы действительно очень торопимся! Нам еще нужно добраться до края этой земли и к вечеру вернуться в деревню.

– В таком случае не буду настаивать. Завтра я к вам заеду узнать результаты вашей разведки.

Мы двинулись дальше.

– Не слишком-то симпатичные люди, – заметил Мишель.

– Да уж, весьма мерзопакостные, – согласился Луи. – Знаете, кто они? Оннегеры, швейцарцы – как они сами уверяют, – миллиардеры, сколотившие состояние на торговле оружием. Сын еще хуже отца. Уверен, что раз у него водятся деньжата, все девушки только о том и мечтают, что упасть в его объятия. Нет в мире справедливости! Уж лучше бы *их* завалило камнями вместо бедняги-мэра! Хороший был мужик, порядочный во всех отношениях...

– А что за белокурая красотка была с ними?

– Мадлен Дюше, – ответил Мишель. – Киноактриса. Более известна своими скандальными похождениями, чем игрой. Ее фото были во всех газетах.

– А дюжина типов с физиономиями висельников?

– Вероятно, подручные, которые нужны для их грязных делишек, – сказал Луи.

– Боюсь, эти люди доставят нам немало хлопот, – задумчиво произнес Вандаль.

Мы въехали в еще одну мертвую зону. На то, чтобы пересечь ее, у нас ушло четыре часа пешей прогулки, но зато на сей раз, к нашему величайшему удовольствию, за ней оказалась твердая почва. Я чувствовал себя взволнованным. Стоя на обломке известняка, наполовину скрытом неведомой растительностью, я с пару мгновений не решался ступить ногой на почву иного мира. В итоге Луи и Мишель, менее впечатлительные, в этом меня опередили.

Мы собрали образцы растительности. То были зеленоватые травы с жесткими, режущими стеблями без соцветий, кустарники с поразительно прямыми стволами и серой корой металлического отлива. Смогли мы как следует рассмотреть и одного из представителей местной фауны. Обнаружил его Луи. То оказалось некое пресмыкающееся, имевшее форму плоской,

длиной около трех метров, змеи, слепое и беспозвоночное. На предполагаемой голове у него были две большие, заостренные, с каналами внутри мандибулы – примерно такие же, по словам Вандаля, имеются у личинок жука-плавунца. В земной фауне чего-то похожего на эту «слепую змею» ему не встречалось. Правда, и эта была мертвой, уже начинавшей иссыхать. Я заметил на ее коже рваное отверстие, вокруг которого застыла блестящая слизь.

Вандаль очень хотел захватить нашу находку с собой, но, присмотревшись, мы увидели – скорее, даже ощутили, – что сухой была только кожа, а внутренности неведомого создания находятся в крайней стадии разложения, поэтому пришлось удовлетвориться одним лишь фотографированием. Так как в высокой траве могли скрываться и другие подобные экземпляры – только живые и, вероятно, опасные, – мы поспешили отправиться в обратный путь.

За нашей спиной, куда ни кинь взгляд, простиралась травянистая степь, вдали плавало по небу зеленое облако.

Глава 2 Одиночество

Прежде чем думать об исследовании планеты, нужно было как следует обосноваться на том клочке земной территории, который последовал за нами, и организовать здесь хоть какое-то общество. В деревне нас ждала хорошая новость: в колодцах снова появилась вода. Произведенный Вандалем анализ выявил, что она вполне пригодна для питья, пусть и немного солоновата. Полным ходом шла перепись. С людьми дело обстояло просто, со скотом – чуть сложнее, но труднее всего – с материальными запасами. Прав был мой дядя, когда говорил: «Меня здесь, конечно же, знают, но я для них тут никто – не мэр и даже не муниципальный советник».

Из подсчетов вытекало, что население деревни и окрестностей составляет 943 мужчины, 1007 женщин и 897 детей в возрасте до шестнадцати лет, итого – 2847 человек. Скота, похоже, было много, особенно рогатого.

Ознакомившись с докладом, Луи сказал:

– Завтра утром нужно провести общее собрание.

Он нашел добровольного глашатая и вручил ему клочок бумаги, на котором карандашом был написан некий текст.

Этот листок до сих пор у меня, весь пожелтевший и едва уже не рассыпающийся.

Вот полный текст воззвания:

«Гражданки и граждане, завтра утром на площади у колодца состоится общее собрание. Месье Бурна, астроном, объяснит причины катастрофы. Луи Морьер и его товарищи расскажут о результатах разведки.

Сбор через два часа после восхода голубого солнца. Нужно принять несколько важных решений на будущее. Присутствие обязательно».

Я как сейчас помню это первое собрание. Сначала слово взял Луи:

– Прежде чем месье Бурна объяснит, насколько это возможно, что с нами случилось, я сам скажу пару слов. Вы, должно быть, уже осознали, что мы больше не на Земле.

Теперь, когда со спасением раненых покончено, нам придется решать трудные задачи. Первым делом нужно организовать себя. Ни одно человеческое сообщество не может жить без законов. За нами последовала часть Земли длиной примерно тридцать километров и шириной километров семнадцать, этакий неправильной формы ромб площадью около пятисот квадратных километров. Но обольщаться не стоит: только четверть этой площади пригодна для обработки, все остальное там – развороченные горы. Думаю, чтобы прокормиться, земли нам хватит, хотя по итогам переписи наше население может значительно возрасти. Но главная проблема заключается не в земле – ее любой желающий сможет получить хоть по несколько тысяч

гектаров, потому что нас ждет целая планета. Главная проблема – рабочая сила. Теперь нам понадобится каждый человек, и работать придется всем. Нам неслыханно повезло с тем, что здесь вместе с нами оказались инженеры и ученые. Но все равно нам придется рассматривать себя как пионеров и проникнуться их менталитетом. Тот, кто вместо помощи соседу вредит ему, – преступник, и таковым и будет считаться. Хотим мы этого или же нет, отныне таков наш закон, и нам придется либо подчиниться ему, либо сдохнуть! После собрания, вместе с добровольцами, я проведу перепись профессий. Те, кто явились сюда, предоставят сведения об отсутствующих. Послезавтра общее собрание выберет депутатов, которые создадут правительство; обычными делами будет по-прежнему заниматься муниципальный совет. А теперь я передаю слово месье Бурна.

– Дорогие друзья! Как вы знаете, беспрецедентная катастрофа оторвала нас – боюсь, что навсегда, – от нашей старушки Земли, забросив в неведомый мир. Что это за мир? Пока я не могу вам этого сказать. Вы уже могли заметить, что здесь два солнца и три луны. Пусть это вас не пугает. Месье кюре и ваш учитель, которые не раз заходили ко мне в обсерваторию, могут вам подтвердить, что подобные вещи можно наблюдать в небе довольно-таки часто. По некоей ниспосланной Провидением случайности (здесь кюре одобрительно кивнул) мы попали на планету, воздух которой, по правде сказать, мало чем отличается от земного и вполне нам подходит. Согласно моим предварительным расчетам, эта планета должна быть чуть больше Земли. Луи Морьер только что объяснил, и вполне доходчиво, что нам остается делать. Когда я узнаю что-нибудь новое об этом мире, который теперь стал *нашим* миром, я вам об этом сообщу.

Реакция аудитории в целом оказалась хорошей. Крестьяне с отдаленных ферм явно уже примирились с катастрофой: семьянины и домоседы, привязанные к своим полям, они по большей части сохранили все, что у них было, а прочим не очень-то и интересовались. Жители деревни оказались куда более недоверчивыми.

– Да что он нам, старик-то, тут заливает про этот его иной мир!.. Туда и попадают-то только после смерти, а мы еще живы!

– И однако же, здесь и вправду два солнца!

– Ну, второе-то совсем маленькое. И потом, с этой их наукой мы еще и не такое увидим. Если хотите знать мое мнение, все это происки китайцев, и это второе солнце – что-то вроде атомной бомбы.

Семейные драмы также разыгрывались в основном среди деревенского населения. Один юноша никак не мог свыкнуться с мыслью, что больше никогда не увидит свою невесту, которая уехала погостить к кузине, и потому во что бы то ни стало хотел послать ей телеграмму. У многих в результате обвалов гор или под развалинами домов погибли родные.

Утром следующего дня – это было воскресенье – нас разбудил колокольный звон. С помощью прихожан кюре извлек из-под развалин церкви колокола, и теперь, подвешенные к большой ветке дуба, они всю трезвонили. Когда мы подошли, он уже отслужил воскресную мессу под открытым небом. Славный человек был этот кюре, и позднее он доказал, что в его упитанном теле жила героическая душа.

Я приблизился к нему:

– Что ж, монсеньор, поздравляю. Ваши колокола напомнили нам о родной Земле. До чего же приятные воспоминания!..

– Монсеньор? – вскинул брови кюре.

– Ну да, вы же теперь епископ. Да что я говорю? Папа!

– Боже милостивый, об этом я и не подумал! Это же колоссальная ответственность, – добавил он, бледнея.

– Полноте! Все будет в порядке!

Я оставил ошеломленного толстяка и направился к Луи, уже обосновавшемуся в школе. Ему помогали учитель с женой, оба еще совсем молоденькие.

– Как твоя перепись? Продвигается?

– Ну да, потихоньку. Если один что-нибудь скрывает, за него всегда готовы сказать другие. Предварительный подсчет таков: два учителя, два каретника, три каменщика, один плотник, один ученик плотника, один автовеломеханик, один кюре, один пономарь, три владельца кафе, один булочник, два пекаря, два галантерейщика, три бакалейщика, один кузнец с двумя подручными, шесть каменоломов, два жандарма, триста пятьдесят рабочих завода, пять старших мастеров, пять инженеров, четыре астронома, один геолог (ты), один хирург, один врач, один аптекарь, один биолог, один историк (твой брат), один антрополог, один ветеринар, один часовщик, он же радиомастер, один портной с двумя учениками, две швеи, один сельский полицейский. Остальные – земледельцы. Что касается папаши Борю, то он настоял, чтобы его записали как «браконьера». Ах да, совсем забыл! Еще владец замка с сыном, дочерью, любовницей и по меньшей мере дюжиной сбиров, не считая прочей челяди. От этих, кроме неприятностей, ничего другого ждать не приходится.

– Каковы материальные ресурсы?

– Одиннадцать машин на ходу плюс автомобиль твоего дяди и двадцатисильный железный конь Мишеля, потребляющий слишком много бензина; восемь тракторов, один из которых гусеничный; восемнадцать грузовиков, из них пятнадцать – заводские; десять мотоциклов и около сотни велосипедов. К сожалению, осталось лишь двенадцать тысяч литров бензина и тринадцать тысяч шестьсот литров дизельного топлива. Запасных шин тоже маловато.

– В крайнем случае обойдемся без бензина – будем ездить на дровяных газогенераторах.

– И где ты их возьмешь, эти газогенераторы?

– На заводе сделаем.

– Нигде нет электричества! Правда, есть аварийные генераторы с паровыми двигателями, но у нас крайне мало угля, да и дров недостаточно.

– Тут, в горах, неподалеку, были целые залежи угля. Они должны были перенестись сюда вместе с нами. Конечно, не слишком удобные для разработки, но другого выхода у нас нет.

– Найди их. Это твоя работа. Что касается продовольствия, то им мы вполне обеспечены, но до следующего урожая нужно будет вести строгий учет. Может быть, даже придется ввести продовольственные карточки, хотя, по правде сказать, я даже не представляю, как народ отнесется к подобному предложению.

Первые выборы на Теллусе прошли уже на следующий день. Никакой конкретной программы не было: собравшимся просто объявили, что они должны избрать совет, или Комитет общественного спасения.

Предполагалось, что комитет этот будет состоять из девяти человек: каждому избирателю нужно было подать список с девятью именами, и в совет проходили набравшие больше всех голосов.

Результаты удивили многих. Первым избранным, с 987 голосами из 1302, стал первый заместитель мэра, Альфред Шарнье, богатый крестьянин.

Вторым, 900 голосами, был избран некий школьный учитель, его дальний родственник; третьим, набрав 830 голосов, прошел кюре. Далее последовали Луи Морьер (802 голоса), Мари Прель, бывшая муниципальная советница, крестьянка, но притом женщина весьма образованная (801 голос), мой дядя (798 голосов), Этранж (780 голосов) и, как ни странно, Мишель (706 голосов) – оказалось, он весьма популярен среди женской половины населения! – и даже я сам (700 голосов).

Позднее я узнал, что своим избранием обязан Луи, который провел за меня настоящую избирательную кампанию, говоря всем, что только я смогу отыскать столь необходимые железо

и уголь. Зато владелец самого большого в деревне кабака, к его величайшему разочарованию, получил всего 346 голосов!

Что нас удивило больше всего, так это малое число избранных крестьян. Возможно, в этих необычных обстоятельствах избиратели решили довериться тем, кто, по их мнению, за счет своих знаний мог извлечь пользу из чего угодно, а может быть, они просто не слишком доверяли друг другу и предпочли выбрать людей, далеких от деревенских склок.

Мы предложили должность председателя Альфреду Шарнье как получившему больше всех голосов, но он отказался, и ее по очереди занимали кюре и учитель.

В тот же вечер Луи, деливший одну комнату со мной и Мишелем, сказал нам:

– Нам нужно сформировать блок. Ваш дядя будет с нами. Думаю, мы можем рассчитывать и на учителя. Нас будет пятеро, а это уже большинство. Конечно, придется навязывать свои взгляды – что будет не всегда легко. Но нас поддержат рабочие и даже, возможно, часть деревенских жителей, быть может, даже инженеры. И дело не в личных амбициях – я действительно полагаю, что только мы отчетливо понимаем, как именно нужно управлять этим клочком планеты.

– То есть, – сказал Мишель, – ты предлагаешь нам установить диктатуру?

– Диктатуру? Да нет, всего лишь сильное правительство.

– Особой разницы я не вижу, – проговорил я, – но думаю, что это действительно необходимо. У нас появится оппозиция...

– Кюре... – начал Мишель.

– Совсем необязательно! – прервал его Луи. – Он умен, и, так как в религиозные дела мы вмешиваться не будем, полагаю, мы и его сможем привлечь на свою сторону. Крестьяне? Они получают столько земли, сколько смогут обработать. В том крайне умеренном коллективизме, который я для нас наметил, нет ничего такого, что может их встревожить. Нет, трудности придут, когда мы начнем ломать старые привычные представления. Вначале, в ближайшем будущем, уж точно будет непросто. Позднее, через несколько поколений, возникнут новые проблемы, сейчас же речь идет исключительно о выживании. И если мы начнем изводить себя по пустякам или позволим воцариться здесь беззаконию...

– Так и быть, я с тобой.

– Я тоже, – промолвил Мишель. – Хотя если бы кто-нибудь предсказал, что однажды я стану членом дирекции...

Первое заседание совета было посвящено распределению «министерских портфелей».

– Начнем с народного просвещения, – сказал Мишель. – Предлагаю избрать министром месье Бурна. Мы во что бы то ни стало обязаны сохранить наше научное наследие. Каждый из нас, ученых, должен выбрать себе среди школьников наиболее способных учеников. Сначала мы передадим им свои практические знания. Теорию будем преподавать потом, отличникам, если таковые найдутся. Одновременно с этим нужно будет написать книги, чтобы пополнить библиотеку обсерватории – к счастью, там сохранилось достаточное количество самых разнообразных научных трудов – и библиотеку школы.

– Прекрасно! – согласился Луи. – Министром промышленности предлагаю назначить месье Этранжа, сельское хозяйство поручить господину Шарнье. Ты, Жан, будешь министром геологии, – это очень важный пост. Месье кюре станет нашим министром юстиции; господин учитель, на досуге изучавший политическую экономию, – министром финансов. Нам придется запустить в оборот деньги, чтобы иметь хоть какое-то средство обмена.

– А я? – спросил Мишель.

– Ты займешься организацией полиции.

– Хочешь, чтобы я стал легавым?

– Да. Правда, придется потрудиться – на твои плечи лягут всевозможные описи, реквизиции, поддержание порядка и так далее. Ты пользуешься популярностью, – это тебе поможет.

– Так я быстро растеряю все симпатии! А ты что будешь делать?

– погоди. Мари Прель станет министром здравоохранения, в помощники ей определим доктора Массакра и доктора Жюльена. Что касается меня, то я, если позволите, займусь армией.

– Армией? Почему бы тогда еще и не флотом?

– Кто знает, что нам уготовила эта планета? К тому же я буду весьма удивлен, если в самое ближайшее время так или иначе не проявит себя тот мрачный тип из замка.

Луи как в воду глядел. Уже на следующий день на наших стенах появились десятки листовок, отпечатанных типографским способом. Говорилось в них следующее:

«Горожане и крестьяне!

Так называемый Комитет общественного спасения захватил власть, прикрываясь видимостью демократии. Кто входит в этот комитет? Из девяти членов – пятеро чужаков! Рабочий, трое „интеллектуалов“, инженер, учитель – вот уже шесть голосов против трех крестьян и голоса господина Кюре, втянутого в эту авантюру вопреки его воле. Что могут понимать все эти люди в ваших законных чаяниях? Кто лучше, чем я, крупный землевладелец, сумеет постичь ваши стремления и разделить их с вами? Вставайте на мою сторону, разгоните эту клику! Приходите к моему замку в Долине!

Иоахим Оннегер».

Луи торжествовал:

– Я же вам говорил! Придется принять меры.

Первой такой мерой стала реквизиция всего оружия и раздача его гвардии, набранной среди наиболее надежных элементов. Гвардия состояла из пятидесяти человек и была поставлена под командование Симона Бевена, лейтенанта запаса. Этот зародыш армии, несмотря на самое пестрое вооружение, тем не менее представлял собой уже довольно-таки значительную полицейскую силу.

К тому времени окончательно выяснилось, что мы на планете одни. Инженерам, которым помогали Мишель и мой дядя, удалось собрать весьма мощный передатчик, Радио-Теллус. В память о Земле мы назвали нашу новую планету Теллусом – таково было латинское имя нашей родины. Большая луна стала Фебом, средняя – Селеной, маленькая – Артемидой. Голубое солнце получило имя Гелиос, красное – Соль. Под этими именами знаете их и вы.

С вполне объяснимым волнением Симон Бевен отправил в эфир первые позывные. Пробуя волны самой разной длины, мы повторяли передачи на протяжении двух недель, но так и не получили никакого ответа. Так как угля было мало, дальнейшие передачи мы вели уже только раз в неделю, но и на эти наши призывы никто не откликнулся. В конечном счете мы вынуждены были смириться с тем, что отныне обречены на одиночество. Кроме нас самих, людей на Теллусе не оказалось – разве что, возможно, какие-то отдельные группки, не имеющие радиоприемников.

Глава 3

Гидры

Если не считать появления новых листовок примерно такого же содержания, Оннегер нас больше не беспокоил. Поймать расклеящиков пока не удавалось. Но вскоре владелец замка напомнил о своем существовании самым трагическим образом.

Я уже говорил Розе Феррье, девушке, которую мы вытащили из-под развалин в первый день после катастрофы? Несмотря на молодость – ей едва исполнилось шестнадцать лет, – она была самой красивой девушкой деревни. Учитель предупредил нас, что до катастрофы за

ней усиленно приударял Шарль Оннегер. И вот однажды – была красная ночь – мы проснулись от выстрелов. Мишель и я мгновенно поднялись, однако Луи оказался еще быстрее, и мы выбежали на улицу уже вслед за ним. Навстречу нам из багрового полумрака выскакивали обезумевшие люди. С револьверами в руках мы бросились к месту перестрелки. Там уже действовал ночной патруль: раздавались выстрелы охотничьих ружей и сухой треск винчестера папаши Борю, который вступил в нашу армию в прежнем чине аджудана. Взметнулись языки пламени, освещая улицу: один дом горел. Перестрелка была беспорядочной, суматошной. Едва мы высунулись на площадь, как пули засвистели над нашими головами и послышались автоматные очереди: у нападавших были автоматы! Мы ползком добрались до папаши Борю.

– Одного снял, – сообщил он нам, светясь от гордости. – Прямо на бегу, как когда-то серн сбивал!

– Одного – кого? – спросил Мишель.

– А я почему знаю! Одного из тех мерзавцев, что напали на нас.

Прозвучали еще несколько выстрелов, и сразу же вслед за ними – отчаянный женский крик:

– Ко мне! Кто-нибудь! Помогите!..

– Это Роза Феррье, – сказал Луи. – Похоже, этот подлец Оннегер вздумал ее похитить.

Автоматная очередь заставила нас пригнуться. Крики затихали вдали. Заурчал мотор автомобиля.

– Ну, погоди немного, свинья! – прокричал Мишель.

Ему ответил ехидный смех, потом шум мотора удалился. Возле горящего дома осталось несколько убитых и один раненый, который пытался уползти в сторону. Мы не верили своим глазам, – это был деревенский портной! Картечь пробила ему икры. В кармане у него мы нашли магазин от автомата.

Допрос занял немного времени. Надеясь спасти свою шкуру, предатель раскрыл все планы Оннегера, во всяком случае то, что знал. Владелец замка намеревался захватить деревню и стать диктатором Теллуса. У него было человек пятьдесят наемных бандитов и большой запас современного оружия. К счастью для нас, его сынок не захотел ждать и решил с дюжиной гангстеров похитить Розу Феррье, которой он давно, но тщетно помогался. Портной был его шпионом; после налета он рассчитывал укрыться в замке. Вместе с портным листовки Оннегера расклеивал кабатчик Жюль Модрю. В ту же ночь мы повесили обоих предателей на ветке большого дуба.

Мы потеряли в схватке трех человек убитыми, шестеро были ранены. Исчезли три девушки: Роза, Мишель Одуи и Жаклин Прель, племянница Мари. Но зато после ночного налета все жители деревни и окрестных ферм встали на нашу сторону. Бандиты оставили на месте боя двух убитых, два автомата, револьвер и довольно значительное количество патронов. На рассвете, еще до восхода голубого солнца, совет единогласно объявил Шарля и Иоахима Оннегеров вместе со всеми их сообщниками вне закона и отдал приказ о мобилизации. Однако неожиданные события заставили нас отложить наступление на замок.

В то утро, когда наша армия собиралась на площади, в деревню ворвался обезумевший от ужаса мотоциклист. Этот крестьянин жил со своей женой и двумя детьми на уединенной ферме километрах в пяти от деревни. Дня три назад он сообщил нам о том, что одна из его коров погибла при весьма странных обстоятельствах: утром она была совершенно здорова, а вечером хозяин нашел на пастбище только ее скелет да шкуру, из-под которой словно высосали всю кровь, мясо и внутренности. На коже осталось с десяток непонятных отверстий. И вот сегодня этот крестьянин примчался вновь. Он соскочил с мотоцикла так поспешно, что упал на землю и прохрипел:

– Эти паразиты несут смерть! Они – что-то вроде летучих осьминогов и убивают одним ударом!..

Несчастный был бледен как мел и весь дрожал. Только выпив полный стакан водки, он смог рассказать нам, что произошло:

– В общем, выгнал я на заре коров, хотел хлев почистить. Пьер, мой сынишка, погнал их на пастбище. Я, конечно, видел в небе зеленое облачко, да кто же, черт его, знал, что это за штука! В этом мире два солнца и три луны, думал я, так почему бы не быть зеленым облакам? Ну и вот. Пьер уже возвращался, когда облако вдруг начало падать. Да и упало! И я увидел, что это добрая сотня зеленых осьминогов и у всех присоски болтаются вроде рук. Они обрушились прямо на стадо, и бедные коровы попадали замертво. Я крикнул Пьеру: «Прячься!» – только он не успел, бедняга. Один осьминог полетел к нему и сверху, метров с трех, ударил его чем-то вроде длинного языка, и он сразу умер. Тогда я запер жену со вторым ребенком в доме, сказал им, пусть сидят и не выходят, а сам вскочил на мотоцикл – и сюда! Они за мной гнались, проклятые твари, да не догнали. Прошу вас, поедemте со мной, я боюсь, что они ворвутся в дом!

По описанию крестьянина мы тотчас узнали странных обитателей болот, но нас удивило, что они могут летать. Так или иначе, угроза была серьезной. Мы с Мишелем захватили два автомата и сели в закрытую машину; Вандаль, никого не спрашивая, устроился на заднем сиденье, Бевен с целым взводом своих гвардейцев влез на грузовик с крытым верхом, и мы отправились.

Через два километра нам встретилась первая гидра, – так Мишель окрестил этих тварей, и это название за ними осталось. Гидра порхала над лугом, гоняясь за овцами. Мы сбили ее из ружья и остановились, несмотря на мольбы крестьянина поторопиться.

– Нужно узнать своего врага, прежде чем с ним сражаться, – объяснил Вандаль.

Животное походило на огромный вытянутый бурдюк длиной метра четыре с могучим плоским хвостом. Спереди болталось шесть полых щупалец с роговыми когтями на концах, из-под которых выделялась слизь. У основания каждого щупальца было по глазу. В середине, в кругу, образованном щупальцами, выступал конический бугор, из которого торчала длинная трубка; ее роговой конец был срезан наискосок, как у иглы шприца.

– Жало наверняка ядовитое, – сказал Вандаль. – Советую стрелять, не выходя из грузовика: брезент – толстый, возможно, и защитит вас. Таковую же тварь мы видели и тогда, на болоте, только эта гораздо крупнее и способна летать. Вот только за счет чего они это делают?

Вдоль всей верхней части туловища у гидры висели какие-то два мешка, пробитые пулями. Позади щупалец, куда попал основной заряд, в зеленом мясе зияла дыра, в которую можно было просунуть кулак.

Мы двинулись дальше. Мишель вел машину. Приспустив со своей стороны стекло, я высунул наружу ствол автомата; второй автомат взял Вандаль, который стал охранять левую сторону. Грузовик шел за нами.

За поворотом между деревьями мы увидели еще одну гидру. Она неподвижно парила в воздухе метрах в трех от земли, свободно свесив чуть шевелившиеся щупальца. От неожиданности первой очередью я промазал. Гидра ударила хвостом и зигзагами начала набирать высоту с огромной скоростью – километров шестьдесят в час! Сбить ее так и не удалось. Еще через полкилометра показалась ферма; мирный дымок струйками поднимался над ее трубой. Мы проехали мимо, свернув на грунтовую дорогу, где колеса машины еле выбирались из глубоких колеи. За стеклом окна мелькнули испуганные лица крестьянки и ее второго сына – мальчишки лет одиннадцати-двенадцати.

Мы пересекли поле и оказались на выгоне. Здесь копошились на трупах коров по крайней мере шестьдесят гидр; у каждой одно-два щупальца были погружены в тело жертвы.

– Тут только что были и другие, – прокричал нам фермер, – так что будьте осторожны!

Пока не прозвучал первый выстрел, гидры не обращали на нас внимания. Некоторые, отяжелев, отваливались от трупов коров и отправлялись к воде – по-видимому, пить. Во всяком

случае, в тот момент мы разглядели только, как гидры, подлетев к большой луже, погружали в нее особое, более толстое щупальце и жадно сосали воду. После этого они заметно раздувались, но летать им, как ни странно, становилось явно легче.

Каждый выбрал по цели. Я тщательно прицелился в ближайшую группу, состоящую из шести тварей, присосавшихся к одной и той же корове.

– Огонь! – скомандовал Бевен.

Протрещал залп, словно лопнуло, раздираясь, шелковое полотнище. Пустые гильзы из моего автомата зазвенели о боковое стекло; одна из них отскочила за шиворот Мишелью, и он коротко выругался, почувствовав под рубашкой горячий металл. Гидры заметались. Многие сразу рухнули наземь, как продырявленные мешки, – я косил их в упор. Вандаль, более удачливый или более меткий, чем я, ухитрился снять сразу двух одной очередью. Картечь охотничьих ружей рвала гидр на куски.

Те, что не были сразу задеты, с удивительной скоростью ринулись вверх и через несколько секунд повисли высоко над нами зеленым облачком. Перезарядив автоматы, мы вылезли из машины. Остальные на грузовике были настороже, чтобы в случае чего прикрыть нас огнем. Шкуры мертвых коров были сплошь продырявлены; роговые зубцы на концах щупалец гидр оставили рваные круглые отверстия. Все мясо под шкурами превратилось в какую-то черноватую грязь.

– Пищеварение внешнее, – пояснил Вандаль, – как у личинки жука-плавунца. Гидра убивает своим ядовитым жалом, потом через щупальца впрыскивает в тело жертвы желудочные соки, которые превращает плоть в питательную слизь, и затем уже высасывает эту массу.

Чтобы рассмотреть чудовище получше, он нагнулся, присел на корточки, но задел при этом рукой зеленую кожу и вскрикнул от боли.

– Осторожно! Не прикасайтесь. Она обжигает.

Его левая рука покрылась беловатой сыпью.

– Будто какая-нибудь медуза! Вы ведь знаете, какие ожоги они вызывают? Здесь результат тот же, пусть способ и другой. При малейшем прикосновении уколется так, что мало не покажется.

Рука его быстро раздулась и два дня отзывалась острой болью, но затем все прошло.

Тем временем зеленое облако по-прежнему висело над нашими головами, и мы не знали, что делать. Уйти? А вдруг гидры после нашего отъезда снова нападут на ферму! Остаться? Но что, если Оннегер без нас захватит деревню? Гидры сами вывели нас из нерешительности.

– В укрытие! – закричал вдруг наблюдавший за ними Мишель.

Мы бросились к машине; первым в нее вскочил Вандаль, за ним мы с Мишелем. Я уже захлопывал за собой дверцу, когда одна гидра спикировала на машину и разбилась о крышу, которая, к счастью, выдержала удар. Остальные чудовища с огромной скоростью закружились над грузовиком в фантастической карусели. Торопливо подняв стекло, я смотрел на них, готовый в любую секунду открыть огонь.

Из грузовика началась беспорядочная стрельба. Наши гвардейцы не жалели пороха! Раненые гидры, корчась, шлепались на землю, остальные продолжали носиться в бешеном круговороте. Внезапно, словно по команде, они ринулись в атаку, вытянув ядовитые жала. Раздался вопль, – очевидно, одна из гидр пробила брезент своим отравленным оружием и уколола кого-то в кузове. Грузовик сразу тронулся с места.

Теперь мы тоже открыли огонь и на сей раз стреляли весьма удачно. Гидры облепили грузовик, мы боялись ранить товарищей, но, поскольку на нас никто не нападал, мы целились не торопясь и били на выбор, как в тире. За несколько минут нам удалось уничтожить еще тридцать чудовищ, а всего – более семидесяти. На этот раз урок не прошел даром: гидры взмыли ввысь и наконец улетели.

Одна мертвая, но не продырявленная гидра осталась висеть метрах в двух над грузовиком. Мы ловко накинули на нее петлю и отбуксировали по воздуху в деревню, как вражеский воздушный шар. Крестьянина с семьей и наполовину переваренный труп его сына тоже увезли с собой. На поле остались тела двенадцати коров и гидр, лишь одну по просьбе Вандаля обвязали веревками и осторожно втащили на грузовик, чтобы потом на досуге произвести подробное вскрытие.

Кстати, выяснилось, что наше беспокойство было напрасным: в грузовике никто не пострадал, просто один из гвардейцев вскрикнул от страха. Несмотря на это, мы теперь знали, сколь грозную опасность представляет для нас мир неведомых чудовищ Теллуса.

В деревню мы вернулись победителями. Гвардейцы пели. Рабочие распевали боевые революционные песни, а мы с Мишелем во всю мочь трубили марш из «Аиды», стараясь сделать побольше шума.

Новости, которыми встретил нас Луи, слегка охладили наш безудержный энтузиазм.

Глава 4

Сила против насилия

Двенадцать гвардейцев, проводивших разведку у замка, были встречены очередью крупнокалиберного – двадцатимиллиметрового – пулемета. В доказательство они принесли неразорвавшуюся пулю.

– Вот вам и факт, – сказал Луи. – Вооружены эти мерзавцы гораздо лучше, чем мы. Против вот этого, – он подбросил на ладони разрывную пулю, – у нас только ружья для охоты на кроликов да сарбаканы... Единственное наше серьезное оружие – винчестер папаши Борю.

– И два автомата, – добавил я.

– Пригодные для боя на расстоянии не более чем в тридцать метров! Да и потом, много ли к ним патронов? А сражаться все равно придется: так мы этого оставить не можем. По сути, Мишель, ваша сестра в обсерватории тоже не в безопасности.

– Негодяи! Если они посмеют...

– Посмеют, старина, посмеют! У нас – человек пятьдесят, вооруженных абы как, тогда как у них порядка шестидесяти и прекрасное оружие. А тут еще эти мерзкие зеленые осьминоги, черт бы их побрал! Ах! Был бы здесь Констан...

– А это еще кто?

– Инженер, специалист по ракетам. А, ну да, ты же не в курсе! Помимо всего прочего, наш завод должен был выпускать боевые ракеты для самолетов. Мы их наделали целую кучу, но там только обычные металлические корпуса, зарядов к ним нет. В химической лаборатории, конечно же, осталось все то, что нужно для начинки, но персонала, способного этим заняться, у нас нет.

Я схватил его за руки и завертел в неистовом круговороте:

– Луи, старина, мы спасены! Тебе ведь известно, что мой дядя – майор артиллерии в запасе?

– Ну да, но что из этого? Орудий-то у нас все равно нет!

– Дело все в том, что в последние годы он служил в ракетных противовоздушных частях! В ракетах он сечет как никто другой! Если у вас там действительно сохранились необходимые химические вещества, все в порядке! Дядя и Бевен со всем справятся. Если понадобится, зарядим ракеты черным порохом, – этого будет вполне достаточно!

– Прекрасно, но ведь это займет дней десять-пятнадцать. А тем временем...

– Да-да, тем временем нужно чем-нибудь занять этих парней, что засели в замке. Постойка!

Я рванул в госпиталь, где в компании Бреффора все еще отлеживался мой брат.

– Послушай, Поль, ты смог бы построить римскую катапульту?

– Ну да, без проблем. Но зачем?

– Для обстрела замка. Далеко она бьет?

– О! Все зависит от веса посылаемого снаряда. От тридцати до ста метров – влегкую.

– Отлично! Набросай-ка чертеж.

Вернувшись к Луи и Мишелю, я изложил им свой план.

– Неплохо, – заметил Луи. – Но сто метров – это сто метров, а двадцатимиллиметровый пулемет бьет гораздо дальше!

– Возле замка, если память меня не подводит, есть ложбина, к которой можно подъехать по скрытой за холмами местности дороге. Там, в этой ложбине, мы и установим катапульту.

– Если я правильно тебя понял, – сказал Мишель, – ты хочешь метать в них самодельные бомбы, начиненные железным ломом. Но где ты возьмешь взрывчатку?

– В карьере есть килограммов триста динамита. Его завезли перед самой катастрофой.

– С этим замок не захватишь, – покачал головой Мишель.

– А нам это и не нужно! Главное – выиграть время, заставить их поверить в то, что мы расходует боеприпасы на бесполезный обстрел! А тем временем подспеют и ракеты.

И я рассказал Мишелю о том, что узнал от Луи.

По приказу совета Бевен направил патрули – прощупать оборонительные порядки врага. Одновременно эти патрули должны были сообщать и о появлении гидр; мы снабдили их небольшим передатчиком, который собрал на досуге Этранж. После этого мы приступили к сооружению катапульты: сколотили раму, выточили ложку, на которую пришлось пожертвовать молоденький ясень, и опробовали это допотопное орудие, метнув несколько каменных глыб. Дальность боя оказалась вполне удовлетворительной.

Вскоре наша небольшая армия во главе с Бевеном выступила в поход на замок: впереди, на трех грузовиках, ехали гвардейцы, следом три трактора тащили катапульты. Первая неделя прошла в незначительных стычках. На заводе тем временем кипела лихорадочная работа. На девятый день я отправился на фронт вместе с Мишелем.

– Ну что, – спросил Бевен, – готово?

– Первые ракеты придут сегодня или завтра, – ответил я.

– Уф! Признаюсь, я сильно волновался. Если бы они вздумали предпринять вылазку...

Мы направились к аванпостам.

– Не высовывайтесь, – предупредил нас папаша Борю, который, на правах бывшего аджудана и ветерана войны 1939–1945 годов, теперь командовал авангардом. – За гребнем все простреливается пулеметами. Насколько мне известно, их там четыре: два двадцатимиллиметровых и еще два, вероятнее всего, калибра семь с половиной миллиметров. Есть и автоматы.

– Можно их накрыть катапультами?

– Пока еще не пробовали, – ответил Бевен. – Мы тщательно старались не обнаруживать дальность боя наших орудий.

– Что с другой стороны замка?

– Они укрепили все вокруг стволами деревьев. Плюс держат дорогу под обстрелом, так что катапульты не подтащишь.

– Подождем.

Ползком мы добрались до гребня. Его обстреливал тяжелый пулемет.

– Этот можно попытаться подавить, – заметил Мишель.

– Возможно. Вот только пока не подвезут ракеты, атаковать не будем. Думаю, они будут тут уже к следующей голубой заре.

В указанный час из деревни прибыл грузовик, в котором сидели мой дядя, Бреффор и Этранж. Они выгрузили несколько ящиков.

– Гранаты, – пояснил Этранж.

Они представляли собой обрезки чугунных труб, снабженных детонаторами.

– А здесь ракеты, – сказал дядя. – Мы их уже испытали. Дальность – три с половиной километра, точность – вполне достаточная. В головках – с килограмм чугунных обломков и тринитротолуол, ровно столько, сколько и нужно. Сейчас подойдет еще один грузовик с направляющими подставками и остальными ящиками. Всего у нас пятьдесят ракет этой модели, но на заводе уже готовят другие, более мощные.

– Хе-хе! – просиял Бевен. – Наша артиллерия пополняется!

Едва он произнес эти слова, как в лощину скатился один из наших людей.

– Они машут белым флагом! – сказал он.

– Сдаются? – недоверчиво пробормотал я.

– Нет, хотят выслать парламентаря.

– Ответьте: «Пусть присылают», – приказал Бевен.

На стороне противника поднялся человек и двинулся к нам, размахивая носовым платком. Папаша Борю встретил его на полпути на нейтральной территории и привел к нам. Это оказался Шарль Оннегер собственной персоной.

– Чего вы хотите? – спросил Бевен.

– Поговорить с вашими командирами.

– Здесь их аж четыре.

– Во избежание бесполезного кровопролития предлагаем следующее: вы распускаете ваш совет, складываете оружие и передаете власть нам. Тогда вам ничего не будет.

– Ну да, вы просто превратите нас в рабов, – сказал я. – Вот наши контрпредложения: вы возвращаете похищенных девушек и сдаетесь. Ваших людей мы берем под наблюдение, а вас и вашего отца сажаем до суда в тюрьму.

– Наглости, я вижу, вам не занимать! Что ж, продолжайте и дальше – с вашими-то охотничьими пугачами.

– Предупреждаю, – вмешался Мишель, – если мы победим, но с нашей стороны погибнет хоть один человек, вы будете повешены!

– Постараюсь запомнить!

– Раз вы не желаете сдаваться, – продолжал я, – предлагаю вам вот что. Поместите похищенных девушек, а также вашу сестру и мадемуазель Дюше в безопасное место, хотя бы вон на тот горный пик.

– Ну уж дудки! Ни Мад, ни моя сестра ничего не боятся, а на остальных мне наплевать. Если убьют этих, после победы найдутся другие – например, ваша сестричка...

В ту же секунду негодяй повалился на землю с разбитой физиономией – Мишель оказался более быстрым, чем я. Бледный от ярости, Шарль Оннегер поднялся на ноги.

– Вы ударили парламентаря, – прошипел он.

– Вы – не парламентар, а гнусный мерзавец. Мотайте отсюда, да поскорее!

И его выпроводили под усиленным конвоем. Не успел Оннегер скрыться за гребнем, как прибыл второй грузовик, и мы быстро установили подставки для запуска ракет.

– Через десять минут открываем огонь, – сказал Бевен. – Жаль только, что у нас нет наблюдательного пункта!

– Как насчет вон того пригорка? – спросил я, показывая на крутую, метров в пятьдесят высотой, возвышенность, поднимавшуюся в сотне шагов позади нас.

– Он весь простреливается.

– Да, но оттуда должен быть виден даже сам замок! Зрение у меня превосходное, поднимусь на него с этим вот телефоном. Провода должно хватить.

– Я с тобой, – сказал Мишель.

Мы полезли вверх, на ходу разматывая телефонный провод, но не успели добраться и до середины склона, как послышались резкие щелчки и во все стороны полетели осколки камней:

нас заметили. Прижимаясь к земле, мы обогнули вершину и начали пробираться дальше по противоположному склону.

Сверху вражеские линии просматривались лучше некуда. От выдвинутого вперед небольшого дота с тяжелым пулеметом к тылам тянулась глубокая траншея. По флангам были разбросаны гнезда автоматчиков. То тут, то там в одиночных окопах шевелились люди.

– По словам портного, их должно быть человек пятьдесят-шестьдесят, но, судя по линиям укреплений, может оказаться и больше, – заметил Мишель.

Примерно в километре от нас по прямой, на склоне горы, виднелась поляна, посреди которой стоял замок. Рядом с ним сновали туда-сюда маленькие черные фигурки.

– Досадно, что Вандаль разбил свой бинокль!

– Увы! Теперь у нас остались одни лишь телескопы. Аппараты, конечно, мощные, но ведь их с места не сдвинешь!

– Почему бы нам не снять с телескопа маленький видоискатель?

– Время на это у тебя еще будет. Я сильно удивлюсь, если мы возьмем замок уже сегодня.

– Алло! Алло! – загундосил телефон. – Через минуту открываем огонь по замку. Наблюдайте!

Я бросил взгляд на наш лагерь. Половина гвардейцев, развернувшись цепью, залегла под самым гребнем лощины. Остальные суетились вокруг катапульт. Этранж и мой дядя тщательно отлаживали направляющие подставки ракет. Грузовики уже уехали.

Ровно в половине девятого шесть огненных струй вырвались из наших укреплений и взмыли высоко в небо, оставляя за собой дымные хвосты. Потом след оборвался: ракеты израсходовали горючее. На лужайке перед замком сверкнули шесть вспышек, тут же превратившихся в шесть небольших облачков дыма. Через несколько секунд до нас донеслись сухие разрывы.

– Недолет тридцать метров, – сообщил я в трубку.

Снова взлетело шесть ракет. На сей раз они упали точно: одна взорвалась прямо на крыльце, и находившиеся на нем маленькие фигурки попадали; потом три поднялись и потащили четвертую внутрь. Еще одна из ракет угодила в окно замка. Остальные взорвались от ударов о стены, которые, похоже, не особо пострадали.

– Попали! – прокричал я.

Одна за другой взмыли вверх еще восемнадцать ракет. Первая же из выпущенных попала в машину Оннегера, стоявшую справа от дома, и та загорелась.

– Отставить ракеты, – слышался в телефоне голос Бевена. – Корректируйте катапульты.

Три первых снаряда взлетели в воздух, но совсем чуть-чуть разминулись с фортом.

– Небольшой перелет, – сообщил Мишель.

Я стащил его вниз. Будучи не в силах поразить наших людей, укравшихся в лощине, враг начал поливать из одного тяжелого и нескольких ручных пулеметов нас. Некоторое время мы не осмеливались даже пошевелиться: рой пуль с жужжанием проносился над нашими головами, заставляя прижиматься к камням. Пули, выпущенные из двадцатимиллиметрового пулемета, ложились совсем рядом, чуть ниже по склону.

– Хорошо еще, что у них нет снарядов дистанционного действия!

– Нужно будет укрепить этот наблюдательный пункт. А пока давай спустимся ниже.

Тяжелый пулемет смолк, ручные пулеметы тоже прекратили огонь.

– Открываем беглый огонь по территории противника! – сообщил телефон. – Наблюдайте!

Ракеты разрывались где попало на открытой местности или исчезали в пихтовой роще, не причиняя заметного ущерба, если не считать загоревшейся копны соломы. Неприятель снова открыл огонь, но теперь уже по гребню лощины. Один из наших людей, раненный, скатился вниз.

Подъехал еще один грузовик – с ракетами уже более крупного калибра. Из кабины выскочил Массакр.

– Катапульти, внимание... залп!

На этот раз все бомбы взорвались прямо на вражеском доте. Оттуда слышались крики боли, стоны, однако пулемет продолжал стрекотать.

– Вот тебе и пример явного превосходства навесного огня в позиционной войне, – заметил Мишель. – Рано или поздно мы уничтожим их халупу, а они нам ничего сделать не могут.

– Странно, что они даже не попытались захватить гребень лощины.

– Такую атаку легко отбить... Ну вот, что я тебе говорил! Внимание! – крикнул Мишель в телефон. – Слева ползут шестеро!

Четверо гвардейцев переместились на левый фланг. Неприятель поливал гребень лощины из автоматов с такой яростью, что удерживаться там стало для нас невозможно, и папаша Борю со своими людьми отступил. Из вражеских окопов выскочило человек тридцать. Они бежали, ложились, снова вскакивали.

– Атака по фронту!

Слева уже вспыхнула перестрелка. Бевен подпустил противника метров на пятнадцать к лощине, а затем отдал приказ гранатометчикам. Обрезки чугунных труб, начиненные взрывчаткой, отлично справились с отведенной им ролью, уложив зараз одиннадцать человек: кого-то убило, кого-то ранило. Прежде чем враг отошел, папаша Борю снял еще двоих из своего винчестера. На левом фланге у нас был один убитый и двое раненых, тогда как со стороны противника погибли трое и один был ранен. Этого мы захватили в плен, но у него вся правая рука была буквально разворочена картечью, и он истек кровью, прежде чем Массакр успел наложить ему жгут.

Катапульти не успокаивались еще с четверть часа. Двенадцатый залп оказался особенно удачным: одна из бомб угодила в дот, и тяжелый пулемет умолк, теперь уже окончательно. Три гнезда пулеметчиков также были подавлены, а четвертый ручной пулемет замолчал сам по себе: судя по всему, заело затвор. Наши люди пошли в атаку и ценой двух человек ранеными ворвались во вражеские окопы и захватили трех пленных. Остальным удалось убежать.

Пока разведчики осторожно продвигались вперед, мы обстреливали замок. Примерно с десяток ракет достигло цели.

Я с любопытством следил за траекторией первых шести ракет крупного калибра. На этот раз стены не выдержали, и целое крыло дома обрушилось.

Быстрый допрос пленных позволил установить численность сил противника. Они потеряли семнадцать человек убитыми и двадцать ранеными, но в замке оставалось еще около пятидесяти защитников. После первой победы мы захватили два ручных пулемета, неповрежденный двадцатимиллиметровый пулемет и большое количество боеприпасов. Наша небольшая армия тотчас же стала представлять собой серьезную силу. В ожидании разведчиков мы продолжали обстрел, и вскоре в замке вспыхнул пожар.

Наконец вернулись разведчики. Вторая линия вражеской обороны в двухстах метрах от замка состояла из окопов с тремя пулеметными гнездами и небольшим количеством автоматических ружей. Закончив с рапортом, папаша Борю добавил:

– Вот только непонятно, что они собирались делать со всем этим оружием? Не могли же они знать наперед, что с ними случится! Надо сообщить о них в полицию.

– Так ведь мы теперь и есть полиция, старина!

– А ведь и правда! Ну это все упрощает!

Бевен вместе с нами поднялся на вершину холма, тщательно осмотрел местность и попросил Мишеля, превосходно рисовавшего на досуге, наскоро набросать план окрестностей.

– Вы останетесь здесь с двумя бойцами и артиллерией. Я заберу с собой остальных, а также катапульти и пулемет. У меня тут три сигнальные ракеты, как увидите их – сразу же

прекращайте огонь. Вражеские рубежи тянутся вон по тому невысокому валу, внизу поляны. Стреляйте поточнее!

– Массакра вы тоже берете?

– Нет, он останется здесь. Он – единственный хирург на этой планете!

– Хорошо. Но не забывайте, что вы – инженер!

Волоча за собой пулемет и катапульты, их отряд двинулся к замку.

Я отдал артиллерии приказ открыть огонь по окопам. Обстрел продолжался сорок пять минут, по две ракеты в минуту – приходилось экономить боеприпасы, так как у нас было всего двести десять ракет, а завод и так творил чудеса. За неимением бинокля, нам не удавалось точно определить из наблюдательного пункта, какой урон мы нанесли врагу.

В общем и целом мы лишь старались сосредоточить огонь в центре или по самым краям окопов, там, где разведчики засекли пулеметные гнезда. Мы дали уже тридцать пять залпов, когда наконец заговорил *наш* пулемет. Сорок пятый угодил прямо на вал. Спустя пару мгновений я увидел дымный хвост сигнальной ракеты.

– Прекратить огонь! – прокричал я.

По ту сторону замка вспыхнула перестрелка. Наши атаковали и с фронта, и с тыла. Я с облегчением отметил, что вражеские пулеметы молчат. Яростное сражение продолжалось минут двадцать. То и дело слышались разрывы гранат; глухо рвались бомбы катапульт. Потом вдруг все стихло. Мы обменялись обеспокоенными взглядами, спрашивая себя, успешно ли прошла атака, много ли жертв с нашей стороны.

Наконец из лесу, размахивая листком бумаги, показался один из гвардейцев. Буквально скатившись по склону, он подбежал к нам.

– Все в порядке, – проговорил он, с трудом переводя дыхание, и протянул донесение.

Мишель лихорадочно развернул листок и прочел вслух: «Окопы захвачены. Пятеро убитых, двенадцать раненых. Противник понес большие потери. Человек двадцать забаррикадировались в замке. Возьмите грузовик, подвезите реактивные минометы и доктора. Остановитесь у домика егерей. Будьте осторожны, в лесу еще могут скрываться вражеские элементы».

Мы нашли Бевена в охотничьей сторожке.

– Схватка была горячей, но закончилась быстро. Ваши ракеты, – сказал он дяде, – дали превосходный результат! Без них... и без ваших катапульт... – добавил он, поворачиваясь ко мне, – даже не знаю, что бы мы делали.

– Кого именно из наших убили?

– Трех рабочих: Салавена, Фрё и Робера. И двоих крестьян – их имен я не знаю. Тут, в соседней комнате, трое тяжелораненых.

Массакр тотчас же направился к ним.

– Легкораненых – девять, – продолжал Бевен, – и я один из них. – Он указал на свою забинтованную левую руку. – Ерунда: у основания большого пальца засел осколок.

– А с их стороны?

– Много убитых и раненых. Три последних залпа угодили прямо в окопы. Пойдемте посмотрим.

То была действительно чистая работа. Даже настоящая артиллерия вряд ли смогла бы сработать чище. Едва мы высунулись из окопа, как просвистевшая над нашими головами автоматная очередь напомнила нам об осторожности.

– Им удалось унести легкий пулемет и одно автоматическое ружье, – сказал Бевен, – так что, месье Бурна, вам придется показать парочке наших парней, как управлять этими вашими подставками для ракет.

– Зачем? Я займусь этим сам!

– Я не позволю вам рисковать!

– Во-первых, в сорок третьем я прошел всю итальянскую кампанию, а эти бандиты не страшнее гитлеровских фрицев. Во-вторых, астрономов тут и без меня хватает! А в-третьих, я майор запаса, а вы всего лишь лейтенант, так что вы можете идти, больше вас не задерживаю! – закончил он шуткой.

– Хорошо. Но будьте осторожны.

Мы установили ракетные подставки в окопах, метрах в двухстах от замка. Величественное здание сильно пострадало: все правое крыло сгорело, окна и двери были забаррикадированы. На поляне виднелась куча рваного почерневшего железа – все, что осталось от роскошного авто Оннегера.

– Вы не знаете, что стало с нашими девушками? – спросил Мишель.

– Один из пленных заверил нас, что еще в самом начале наступления их заперли в глубоком сводчатом подвале. Похоже, мадемуазель Оннегер не разделяет идей своих родственников. По всей видимости, она тоже там – за то, что хотела предупредить нас о замыслах своего папаша и брата. Цельтесь в дверь и окна, – закончил Бевен, обращаясь к моему дяде.

Приветствуемые новой очередью всякий раз, как кто-нибудь из нас поднимал голову, мы навели направляющие подставки. Дядя включил электрический контакт. Коротко взвыли ракеты, и последовал оглушительный взрыв.

– Попал!

После второго залпа ракеты исчезли в разбитых окнах и разорвались внутри. Пулемет противника замолчал. Мы дали еще три залпа. Из-за наших спин гвардейцы поливали пулеметным огнем зияющие окна замка. Из слухового окошка под крышей высунулась чья-то рука и замахала белой тряпкой.

– Сдаются!

Внутри замка послышалось еще несколько выстрелов. По-видимому, сторонники сдачи утихомиривали тех, кто желал сражаться до конца. Белое полотнище исчезло, потом появилось снова. Перестрелка смолкла. Опасаясь подвоха, мы не вылезали из окопов, но огонь тоже прекратили. Наконец в проеме выбитой двери возник человек с развернутым носовым платком.

– Подойдите ближе! – скомандовал Бевен.

Человек повинился. Это был совсем молоденький блондин с приятным, но измученным лицом и запавшими глазами.

– Вы сохраните нам жизнь, если мы сдадимся?

– Вас будут судить. Но если вы не сдадитесь, не пройдет часа, как все вы погибнете. Выдайте нам Оннегеров и выходите на поляну с поднятыми руками.

– Шарль Оннегер мертв. Его отца пришлось вырубить, но он жив. Он стрелял в нас, когда мы выбросили белый флаг.

– Где девушки?

– Они в подвале вместе с Идой – пардон, с мадемуазель Оннегер – и Мадлен Дюше.

– С ними все в порядке?

Парень пожал плечами.

– Понятно... Что ж, выходите.

Часть третья Завоевание

Глава 1 Суд

Двенадцать выживших безропотно выстроились на поляне – руки за головой, оружие брошено на землю. Двое последних вынесли все еще пребывавшего в бессознательном состоянии Оннегера, и его тотчас же взяли под строгую охрану. Мы с Мишелем, держа автоматы в руках, прошли в замок вслед за одним из пленных.

Внутри царил полный разгром. На стенах гостиной висели, вкривь и вкось, изрешеченные пулями полотна известных мастеров. Два пустых пенных огнетушителя свидетельствовали о том, что здесь был потушен уже начавший разгораться пожар. В вестибюле, пол и стены которого были усеяны осколками, мы обнаружили обезображенный труп Шарля Оннегера.

По каменной винтовой лестнице мы спустились в подвал, железная дверь которого сотрясалась от ударов – кто-то стучал изнутри. Едва мы отодвинули засов, как в коридор выскочила Ида Оннегер.

Мишель схватил ее за запястье:

– Куда это вы?

– Где мой отец? Брат?..

– Ваш брат мертв. Отец... пока еще жив.

– Но вы же его не убьете?

– Мадемуазель, – сказал я, – из-за него погибли около десяти наших людей, не говоря уже о ваших.

– О! Это так ужасно! Зачем, зачем они это сделали? – пробормотала она, заливаясь слезами.

– Для нас это все еще пока загадка, – ответил Мишель. – Где девушки, которых они похитили? И мадемуазель... ну, эта, как там ее... кинозвезда!

– Мад Дюше? Там, в погребе. Остальные заперты в другом, том, что слева, полагаю.

Мы спустились в тускло освещаемое керосиновой лампой подземелье. Мадлен Дюше, очень бледная, сидела в углу.

– Непохоже, что совесть у нее чиста, – сказал Мишель и грубо добавил: – Поднимайтесь – и на выход!

Затем мы освободили трех деревенских девушек. Поднявшись на первый этаж, я обнаружил там Луи, прибывшего вместе с остальными членами совета.

– Старик Оннегер пришел в себя. Пойдем, мы собираемся его допросить.

Оннегер сидел на поляне, рядом с дочерью. Увидев нас, он поднялся:

– Я вас недооценил, господа. Мне следовало самому подумать о том, чтобы привлечь на нашу сторону инженеров. Тогда бы мы наверняка завладели этой планетой!

– Но для чего? – спросил я.

– Как – для чего? Неужели вам не понятно, что в этом заключался единственный наш шанс на контроль над человеческой эволюцией? За несколько поколений мы могли бы создать расу сверхлюдей!

– Это из вашего-то человеческого материала? – саркастически спросил я.

– У моего человеческого материала хватало положительных качеств, таких как мужество, настойчивость, пренебрежение жизнью. Вас в своих планах я тоже учитывал. Моя ошибка

заклучалась в одном: я полагал, что смогу захватить власть *без* вас. Нужно было сделать это *вместе* с вами. – Он наклонился к плачущей дочери. – Не будьте к ней жестокими. Она ничего не знала о моих планах и даже потом пыталась нам помешать. А теперь прощайте, господа.

Быстрым движением он поднес что-то к своему рту.

– Цианид, – пробормотал он и рухнул на землю.

– Что ж, одним подсудимым меньше, – сказал Мишель вместо надгробного слова.

Наши люди уже грузили на машины трофеи: четыре пулемета, шесть автоматических ружей, сто пятьдесят обычных ружей и автоматов, пятьдесят револьверов и большое количество боеприпасов. Замок представлял собой настоящий арсенал, но самой ценной из всех находок оказался небольшой печатный станок, совершенно новый.

– Интересно, что они собирались делать со всей этой техникой на Земле.

– По словам одного из пленных, Оннегер возглавлял некую фашистскую лигу, – сказал Луи.

– Впрочем, для нас это даже к лучшему. Теперь есть чем сразиться с гидрами!

– Кстати, их больше пока не видели. Вандаль и Бреффор как раз заканчивают препарировать маленькую, которую поместили в бочку со спиртом. Этот парень, Бреффор, просто незаменим! Он уже научил молодежь лепить глиняную посуду на манер южноамериканских индейцев.

Когда мы вернулись в деревню, было ровно четыре часа пополудни. Сражение продлилось менее суток! Добравшись до дому, я тут же уснул, совершенно обессиленный. Мне снилась моя старая бордоская лаборатория, лицо моего «патрона», желавшего мне приятного отпуска («Уверен, там, куда вы направляетесь, для вас найдется немало того, что стоило бы изучить...»). О! Какая ирония! Действительно «немало» – целая планета!.. Потом я увидел широкоплечую фигуру моего кузена Бернара в дверном проеме, гору, срезанную на сотни метров подо мной...

Около шести вечера меня разбудил брат, и я отправился к Вандалью. Он был в одном из кабинетов школы: на столе перед ним, распространяя удушливый запах спирта, лежала наполовину препарированная гидра. То на классной доске, то на листках бумаги Вандаль делал какие-то зарисовки. Бреффор и Массакр помогали ему.

– А! Это ты, Жан, – бросил мне Вандаль. – Я бы отдал десять лет жизни, чтобы иметь возможность продемонстрировать этот образчик в нашей Академии! Поразительное строение!

Он подвел меня к своим схемам.

– Я только начал изучать анатомию этих животных, но уже узнал много интересного. Судя по целому ряду признаков, они относятся к самым низшим организмам. В них есть что-то от наших кишечнополостных – как минимум те многочисленные нематоциты, вызывающие ожог кожи клетки, что содержатся в их оболочке. Система кровообращения очень проста: сердце с двумя желудочками, голубоватая кровь. Всего одна разветвленная артерия, а дальше кровь идет по лимфатическим путям и возвращается к сердцу по одной толстой собирающей вене. Очень большую роль играют подкожные полости; у гидр даже после смерти плотность тела остается крайне незначительной. Пищеварение внешнее; желудочный сок впрыскивается в добычу, а затем питательная масса всасывается в желудок-глотку. Кишечник предельно простой. Но вот что удивительно! Во-первых, нервные центры: у гидр они необычайно сложны и развиты; у основания щупалец в хитиновой оболочке расположен настоящий мозг, под ним находится любопытный орган, напоминающий электрический аппарат ската. Этот орган и сами щупальца снабжены богато разветвленными нервами. Глаза столь же совершенны, как у наших млекопитающих. Если выяснится, что эти животные в какой-то степени разумны, я ничуть этому не удивлюсь. И вторая интересная вещь – водородные мешки. В этих огромных перепончатых мешках, занимающих всю верхнюю часть гидры, четыре пятых объема занимает водород, и вырабатывается этот водород в результате разложения воды при низкой температуре.

По пористому каналу в специальном щупальце вода поступает в особый орган, где происходит ее химический распад. Полагаю, кислород переходит в кровь, так как этот орган сплошь опутан артериальными капиллярами. Ах! Если бы нам только удалось разгадать секрет этого катализа воды! Когда водородные мешки наполнены, удельный вес гидры меньше веса воздуха, и она свободно плавает в атмосфере. Мощный плоский хвост служит ей плавником, но главным образом – рулем. Передвигается она в основном за счет сокращения особых полостей, выбрасывающих воздух, смешанный с водой. Эта смесь с огромной силой вылетает назад через настоящие дюзы. Я возбудил током мускулы одной полости, поместив в нее железное кольцо. Посмотри, что с ним стало! – Он протянул мне толстое кольцо, скрученное восьмеркой. – Сила этих мышечных волокон просто невероятна!

На следующее утро меня разбудил стук в дверь. То был посыльный от Луи, сообщивший, что вот-вот начнется суд над теми из пленных, которые не были ранены, и что как член совета я должен в нем участвовать.

Я вышел. Уже поднималось голубое солнце.

Суд собрался в большом сарае, превращенном в зал заседаний. Трибунал состоял из членов совета и наиболее влиятельных граждан, среди которых были Вандаль, Бреффор, мой брат Поль, Массакр, пятеро крестьян, Бевен, Этранж и шестеро рабочих. Мы – члены совета – расположились за столом, установленным на небольшом возвышении, другие расселись слева и справа от нас. Перед нами осталось свободное пространство для обвиняемых; дальше стояли скамьи для публики. Все выходы охраняли вооруженные автоматами люди. Прежде чем ввели обвиняемых, мой дядя, избранный председателем в силу его возраста и авторитета, поднялся на ноги и сказал:

– Еще никому из нас не доводилось судить себе подобных. Сегодня же нам пришлось стать членами чрезвычайного трибунала. У обвиняемых не будет адвокатов, так как мы просто-таки не можем терять время на бесконечные споры. Поэтому мы должны быть столь справедливыми и беспристрастными, сколь это вообще возможно. Двое главных преступников мертвы, и я вынужден вам напомнить: на этой планете, где так мало людей, нам дорог каждый. Но не будем забывать и о том, что по вине обвиняемых погибли двенадцать наших парней, а три наши девушки долгое время подвергались грубому и постыдному обращению. Введите обвиняемых.

– Где Менар? – шепнул я ему.

– Работает с Мартиной над теорией катастрофы. Это очень интересно. Вернемся к этой теме позднее.

Один за другим, в сопровождении вооруженной охраны, вошли уцелевшие пленные – тридцать один человек. Иду Оннегер и Мадлен Дюше ввели последними. Мой дядя снова взял слово:

– Вы все обвиняетесь в убийствах, грабежах и вооруженных нападениях, а также в заговоре против безопасности государства. Есть среди вас кто-то главный?

Обвиняемые пару секунд колебались, потом вытолкнули вперед рыжеволосого великана.

– Когда хозяев не было, командовал я.

– Ваше имя, возраст, профессия?

– Жан Бирон, тридцать два года. Раньше был механиком.

– Вы признаете те факты, в которых вас обвиняют?

– Признаю я их или нет, не имеет значения. Вы все равно меня расстреляете!

– Необязательно. Вы могли заблуждаться. Да и потом, вы ведь были не один! Что заставило вас поступить таким образом?

– Что ж... После того переворота патрон толкнул речь, сказав, что деревню захватила – вы уж извините – всякая шваль, что мы теперь на другой планете и нужно спасти цивилизацию

и что, если... – тут Бирон на мгновение запнулся... – все пройдет хорошо, мы будем жить, как сеньоры былых времен.

– Вы участвовали в нападении на деревню?

– Нет. Можете спросить у других. Все, кто участвовал, мертвы. Это были люди сына хозяина. Сам патрон тогда жутко разозлился, буквально рвал и метал. Шарль Оннегер заявил, что взял заложников, а на самом деле он давно хотел эту девку. Патрон был против. Да и я тоже. Это Леврен его надоумил.

– Чего же добивался ваш хозяин?

– Я вам уже сказал. Он хотел быть властелином этой планеты. В замке у него была куча оружия – на Земле он занимался его контрабандой, – и потом, у него были мы. Вот он и рискнул. Что до нас, то нам просто некуда было деваться. Когда-то, в прошлом, мы все наделали немало глупостей. Патрон знал, что у вас почти нет оружия. Он не думал, что вы его изготовите так быстро!

– Хорошо. Уведите! Следующий!

Следующим оказался тот самый блондин, который выкинул белый флаг.

– Ваше имя, возраст, профессия?

– Анри Бельтер, двадцать три года. Учусь в политехе.

– А вы-то какого черта во все это ввязались?

– Я знал Шарля Оннегера. Как-то вечером я проиграл в покер все свое месячное содержание. Он выплатил мои долги, пригласил меня в замок и во время горной прогулки спас мне жизнь. А потом произошла катастрофа. Я не одобрял ни планов его отца, ни его собственного поведения. Но я не мог предать Шарля. Ему я обязан жизнью. Однако и в вас я не стрелял ни разу!

– Это мы еще проверим. Следующий. Ах да, еще один вопрос! Что вы изучали?

– Я занимался аэродинамикой.

– Как знать, может, когда-нибудь это и пригодится...

– Я вот еще что хотел сказать... Ида Оннегер... она сделала все, что могла, чтобы предупредить вас.

– Мы это знаем... и обязательно учтем.

Допрос продолжился. Здесь были представители практически всех профессий. В основной своей массе обвиняемые принадлежали к организации более или менее фашистского толка.

Не знаю, что в тот момент думали остальные, но я, по правде сказать, пребывал в замешательстве. Многие из этих людей, казалось, искренне раскаивались, а некоторые и вовсе производили впечатление честных парней. Ясно было, что главных виновников уже нет в живых. Бельтер, столь преданный другу, вызывал у меня симпатию. Никто из обвиняемых не сказал о нем ничего плохого; наоборот, большинство подтверждало, что в сражении он не участвовал. Вошел двадцать девятый обвиняемый. Он заявил, что его зовут Жюль Леврен, что он журналист и что ему сорок семь лет. Это был невысокий тщедушный мужчина с костлявым лицом.

Луи сверился со своими бумагами:

– Согласно показаниям свидетелей, вы не принадлежите к подручным Оннегера. Вы были гостем, и некоторые даже полагают, что вы и есть главный босс. Думаю, вы не станете отрицать, что стреляли по нам. Кроме того, свидетели жалуются на... скажем так, определенную жестокость с вашей стороны.

– Это ложь! Я никогда не видел этих людей. И я ни в чем не участвовал. Просто был там в гостях!

– Вот же наглец! Врет как сивый мерин! – не выдержал один из парней, стоявших на карауле у дверей. – Я собственными глазами видел его у центрального пулемета, того самого,

из которого убили Салавена и Робера. Трижды я брал этого сукиного сына на мушку, да всякий раз упускал возможность его снять!

Многие из присутствовавших в зале гвардейцев, явившихся в качестве зрителей, поддержали сделавшего это заявление парня. Журналист пытался протестовать, но его выволокли наружу.

– Введите мадемуазель Дюше.

Несмотря на обилие косметики, Мад Дюше выглядела неважно. Она казалась испуганной и растерянной.

– Мадлен Дюше, двадцать восемь лет, актриса. Но я ничего не сделала!

– Вы ведь были любовницей папаши Оннегера, не так ли?

– Да обоих сразу! – выкрикнул кто-то из зрителей. Зал содрогнулся от хохота.

– Неправда! – выкрикнула мадемуазель Дюше. – О, это ужасно! Выслушивать такие оскорбления!

– Хорошо-хорошо. Тишина в зале! Это мы проверим. Следующая.

– Ида Оннегер, девятнадцать лет, студентка.

Несмотря на заплаканные глаза, выглядела девушка куда лучше актрисы.

– И что вы изучали?

– Право.

– Боюсь, здесь вам это не очень пригодится. Мы знаем, вы сделали все возможное, чтобы предотвратить эту драму. Жаль, что вам это не удалось. Тем не менее вы старались облегчить страдания трех захваченных в плен девушек. Можете предоставить нам какую-либо информацию об остальных подсудимых?

– Большинство из них я вообще не знаю. Бирон не был плохим человеком, да и Анри Бельтер заслуживает вашего снисхождения. Он сказал мне, что не стрелял, и я ему верю. Правда, он дружил с моим братом... – Она подавила рыдания. – Мой отец, да и брат тоже в глубине души не были злодеями – вспыльчивые и тщеславные, вот и все. Когда я только родилась, мы были очень бедными. Богатство пришло внезапно и вскружило им голову. О! Во всем виноват этот человек, этот Леврен! Это он подсунул Ницше моему бедному отцу, и тот вообразил себя сверхчеловеком. Это он подсказал безумный план завоевания планеты! Он способен на все! О! Я его ненавижу!

Она разрыдалась.

– Садитесь, мадемуазель, – мягко проговорил мой дядя. – Мы посоветуемся, но опасться вам нечего. Мы рассматриваем вас скорее как свидетеля, нежели как обвиняемую.

Члены совета, а также вошедшие вместе с ними в состав трибунала влиятельные граждане удалились за занавес. Обсуждение было долгим. Луи и крестьяне настаивали на самых суровых наказаниях. Мишель, мой дядя, кюре и я сам стояли за более мягкие, – людей и так не хватало, да и вообще было очевидно, что обвиняемые, мало что понимая в происходящем, просто-напросто последовали за своими главарями.

Наконец мы пришли к согласию. Обвиняемых ввели, и мой дядя зачитал им вердикт.

– Жюль Леврен. Вы признаны виновным в предумышленном убийстве, грабеже и насилии и приговорены к смертной казни через повешение. Приговор будет приведен в исполнение незамедлительно.

Бандит сохранил самообладание, разве что ужасно побледнел. По рядам подсудимых пробежал ропот.

– Анри Бельтер. Вы ничего не сделали во вред обществу и признаны невиновным. Но поскольку вы ничего не сделали и для того, чтобы предупредить нас...

– Я не мог...

– Тишина! Повторяю: поскольку вы ничего не сделали и для того, чтобы предупредить нас, вы лишаетесь избирательных прав и будете считаться гражданином низшего ранга до тех пор, пока не искупите свою вину.

– Стало быть, я свободен?

– Да, так же, как все мы. Но если вы хотите остаться в деревне, вам придется работать.

– О! Лучшего я и не желаю!

– Ида Оннегер. Вы признаны невиновной, но на десять лет лишаетесь возможности быть избранной куда-либо. Мадлен Дюше. За вами не установлено никаких проступков, за исключением сомнительной нравственности и, скажем так, сентиментальной привязанности, – (в зале послышались смешки), – к главным преступникам... Тишина! Вы лишаетесь всех избирательных прав и получаете назначение на работу на кухне. Все остальные! Вы приговариваетесь к принудительным работам на срок не свыше пяти земных лет, который вы сможете сократить благодаря примерному поведению. Также вы пожизненно лишаетесь всех политических прав, но они будут возвращены тому, кто этого заслужит, совершив подвиг во имя общества.

По рядам осужденных, судя по всему опасавшихся гораздо более тяжкого наказания, волной прокатился радостный ропот.

– Да вы, оказывается, классные парни! – прокричал нам Бирон.

– Заседание окончено. Уведите осужденных!

Кюре подошел к пожелавшему исповедаться Леврену.

Зрители – одни довольные приговором, другие, напротив, разъяренные – разошлись. Спустившись с помоста, я направился к Бельтеру. Юноша утешал Иду.

– Ну вот, – бросил я мимоходом дяде. – Теперь понятно, почему они так защищали друг друга!

Я подошел к молодым людям:

– Где собираетесь поселиться? Дюше придется жить при кухне, хочет она того или нет, с вами же все обстоит иначе. О том, чтобы вернуться в наполовину разрушенный замок, куда в любой момент могут прилететь гидры, не может быть и речи. Здесь у нас тоже полно разрушений и к тому же тесновато. Да и потом, вам нужно подыскать себе работу. Лениость и ничегонеделание теперь запрещены законом!

– А где он прописан, этот закон? – спросила Ида. – Мы хотим быть законопослушными гражданами, но для этого нам нужно его знать.

– Увы, мадемуазель, закон еще не составлен. У нас есть лишь набор разрозненных текстов, принятых на заседаниях совета. Кстати, вы же учились на юриста?

– Как раз оканчивала второй курс.

– Вот и для вас нашлось дело! Займетесь составлением нашего кодекса. Я поговорю об этом в совете. – Затем я обратился к Бельтеру: – Ну а вы... Вас я возьму к себе. Поможете мне в моей работе министра геологии. С вашей научной подготовкой вы быстро станете приличным изыскателем. Жалованье: питание в столовой и крыша над головой, все как у меня самого.

К нам присоединился Мишель.

– Если ты хотел ангажировать Бельтера, – сказал ему я, – то, увы, опоздал. Я с ним уже договорился.

– Тем хуже для меня! Придется взять сестру. Астрономия подождет. Кстати, она и Менар сейчас здесь – специально спустились из обсерватории. Вечером он должен ознакомить нас со своими теориями.

Я взглянул на Гелиос – тот стоял высоко в небе.

– Ну, до вечера еще навалом времени! А скажи-ка, Мишель, твою сестру не слишком стеснит, если эта девушка поживет у нее, пока мы ей что-нибудь подыщем?

– Да вот и она! Можешь спросить у нее самой.

- Я был бы тебе признателен, если бы ты сделал это за меня. Она меня немного смущает, твоя сестра-астроном!
 - Тут ты не прав! Она отличная девушка, да и к тебе относится с большой симпатией.
 - Тебе-то откуда это известно?
 - Да она сама то и дело мне об этом твердит!
- И он удалился, посмеиваясь.

Глава 2 Организация

После полудня в школьном зале собралась Академия наук Теллуса – Менару предстояло выступить с докладом. Присутствовали Мишель и Мартина, Массакр, Вандаль, Бреффор, мой дядя, инженеры, кюре, учитель, Анри и Ида, Луи, мой брат, сам я и несколько любознательных жителей деревни. Менар поднялся на кафедру:

– Я хочу изложить результаты своих расчетов и наблюдений. Как вы уже знаете, мы оказались на другой планете – будем называть ее Теллус, поскольку это имя за ней утвердилось. Ее окружность по экватору составляет примерно пятьдесят тысяч километров; сила тяготения на поверхности – около девяти десятых от земной. У Теллуса есть три спутника; расстояние до них вычислено мной пока очень приблизительно: до Феба, самого маленького, но который нам кажется самым большим, – около ста тысяч километров; до Селены, превосходящей по величине нашу старую Луну, – около пятисот тридцати тысяч километров; до Артемиды, которая больше Луны раза в три, – около семисот восьмидесяти тысяч километров. Сначала я полагал, что наша планетная система принадлежит к числу систем с двумя солнцами. Но я ошибся. В действительности Соль, маленькое красное солнце, всего лишь очень большая, еще не остывшая планета на внешней от нас орбите. У Соля оказалось одиннадцать спутников. Гораздо дальше Соля есть другие планеты; они все вращаются вокруг Гелиоса. Сейчас период противостояния: когда заходит Гелиос, восходит Соль. Но некоторое время спустя, примерно через четверть теллусийского года, начнется период, когда мы будем одновременно видеть два солнца, потом – только одно, а иногда – ни одного, что будет гораздо удобнее для астрономических наблюдений, – добавил он с явным удовлетворением. – Длительность дней и ночей была и остается одинаковой. Следовательно, мы на планете, ось которой имеет очень малый наклон к плоскости орбиты. Умеренная температура позволяет предполагать, что мы находимся где-то на сорок пятом градусе северной широты. Если принять склонение за нулевое, широта обсерватории будет равна сорока пяти градусам двенадцати минутам.

А сейчас я изложу вам единственную более или менее разумную гипотезу катастрофы, – гипотезу, которую мне удалось разработать. Она пришла мне в голову сразу же после того, как мы оказались на Теллусе.

Вы, несомненно, знаете, что некоторые астрономы рассматривают Вселенную как некую гиперсферу или, точнее, как некий гиперсфероид с четырьмя измерениями, округленный в четвертом измерении и имеющий в этом измерении толщину в одну молекулу. Такой сфероид парит в гиперпространстве, которое мы можем представить лишь очень смутно, по аналогии. Большинство теоретиков утверждало даже, во всяком случае последнее время, что, помимо континуума пространство – время, ничего не существует, даже пустоты, ибо пустота – это пространство. Мне эта теория всегда казалась несовершенной, и теперь я, кажется, смогу ее опровергнуть. Согласно моей гипотезе, в гиперпространстве существует множество гиперсфер-вселенных, плавающих в нем, как, скажем, могло бы летать в этом зале множество детских воздушных шаров. Возьмем два таких шара. Один – это наша старая Вселенная, и там наша Солнечная система, затерянная где-то в необъятности Галактики. Второй – это вселенная, в галактике которой заключен Теллус. По неизвестным причинам две вселенные сопри-

коснулись. Произошло частичное взаимопроникновение двух миров, во время которого Земля и Теллус очутились в одном месте, где взаимодействовали два пространства – времени! По столь же неизвестным причинам кусок Земли был переброшен в иную вселенную; возможно, что и Теллус потерял в этой встрече часть своей массы, и тогда наши земляки, должно быть, охотятся сейчас на гидр где-нибудь в долине Роны. Ясно только, что обе вселенные двигались почти с одинаковой скоростью и в одном направлении и что скорости обращения Земли и Теллуса на орбитах также почти совпали, ибо иначе мы с вами вряд ли смогли бы уцелеть. Этим же объясняется и тот факт, что межпланетная экспедиция, в которой участвовал кузен присутствующего здесь Жана Бурна, отметила признаки катастрофы вблизи Нептуна, но обогнала ее и успела вернуться на Землю. Вполне возможно, что некоторые дальние планеты нашей Солнечной системы тоже «вылетели» в другую вселенную, – представляю, в каком смешном положении оказались бы тогда мои земные коллеги! Впрочем, я в это не верю.

Остается еще много необъяснимого. Почему не произошло внутриаомного взаимного проникновения, которое, по-видимому, вызвало бы чудовищный взрыв? Почему в результате катастрофы на новую планету была выброшена всего какая-то частица Земли? Этого мы не знаем и вряд ли сможем скоро узнать. И еще одно таинственное обстоятельство: каким-то чудом мы попали на планету, где есть органическая жизнь. Месье кюре видит в этом руку Провидения. Не знаю, не знаю...

Почти одновременно мне пришла в голову вторая гипотеза, еще более фантастическая. Я подумал, что произошел сдвиг во времени и мы очутились в далеком прошлом нашей собственной планеты, где-то в докембрии. Если во времени завязался какой-то узел, тогда наш Соль – это просто Юпитер. Однако эта теория не разрешает целого ряда проблем как физического, так и метафизического порядка, а наблюдения над Теллусом и другими планетами ее окончательно опровергают. Возможно также, что правы Мартина и Мишель, которые полагают, что мы на планете нашей Вселенной, с которой соприкоснулись в результате того, что произошел сдвиг пространства в его четвертом измерении. В таком случае мы можем оказаться на планете одной из солнечных систем – скажем, в туманности Андромеды или попросту на другом краю нашей старой Галактики. Будем надеяться, что дальнейшие наблюдения разрешат наш спор.

В заключение я хочу воздать должное пророческому гению некоторых романистов и напомнить вам, что Рони-старший в своей «Таинственной силе» предвидел аналогичную катастрофу. Но там речь шла о вселенной, состоящей из иной, нежели наша, материи. Тех, кто интересуется математической стороной изложенной теории, прошу обращаться ко мне...

Менар сошел с кафедры и через несколько секунд уже горячо спорил о чем-то с моим дядей, Мишелем и Мартиной. Я было приблизился, но, услышав, что речь идет о тензорах, полях тяготения и тому подобном, поспешно отступил. Луи увлек меня в сторону:

– Теория Менара, конечно, крайне интересна, но с практической точки зрения ничего нам не дает. Ясно ведь, что нам суждено жить и умереть на этой планете. Стало быть, нужно как следует все здесь организовать. Дел еще непочатый край! Ты как-то говорил, что где-то здесь неподалеку мог находиться уголь. Как думаешь, он тоже последовал за нами?

– Возможно. Я даже буду удивлен, если после всей этой встряски на поверхность не выскочил какой-нибудь стефанский или вестфальский пласт. Что ты так на меня уставился? Это просто названия угольных пластов, которые можно было встретить в этом районе. Но должен тебя предупредить: ничего хорошего не жди! Несколько прослоек толщиной от пяти до тридцати сантиметров и уголь тощий, не антрацит.

– Хоть что-то! Главное, чтобы завод дал электричество. Ты ведь знаешь, на изготовление ракет мы истратили почти все запасы угля. Стали совсем нет. Хорошо еще, что есть алюминий и дюраль.

Последующие дни прошли для меня в сплошной горячке. Совет принял меры для укрепления обороны. В нескольких километрах вокруг деревни мы оборудовали шесть сторожевых постов с герметичными убежищами; каждый из них был снабжен всем необходимым на случай осады и связан примитивной телефонной линией с центральным постом. Теперь, заметив гидр, наблюдатели сразу должны были поднимать тревогу. Мы эвакуировали четыре слишком удаленные фермы, переведя их обитателей и весь скот в деревню. Отныне крестьяне работали на полях только под прикрытием пулеметов, установленных на грузовиках; чтобы сберечь горючее, в машины впрягали животных, которые и довозили охрану до места, где потом паслись или работали под ее защитой. Мы усовершенствовали ракеты и создали настоящую противовоздушную артиллерию. При первом же налете она вполне себя оправдала: из полусотни гидр было сбито штук тридцать.

Однажды утром мы с Бельтером и двумя вооруженными бойцами отправились разыскивать уголь. Как я и предполагал, месторождение оказалось недалеко – частично на уцелевшей территории, но главным образом в мертвой зоне, где отдельные пласты выходили прямо на поверхность.

– Удобнее всего начать отсюда, – сказал Бельтер.

– Да, вот только в таком хаосе проследить пласт, вероятно, будет невозможно. Осмотрим нетронутый участок.

Я не ошибся: большинство пластов едва достигало толщины пятнадцать сантиметров, и лишь один – пятьдесят пять.

– Не завидую шахтерам, – сказал я. – Придется им тут повозиться.

Воспользовавшись своим правом министра геологии, я мобилизовал тридцать человек на разборку путей, которые некогда шли к ближайшей железнодорожной станции. Точно так же мы сняли вторую колею с ветки от завода к глиняному карьере, откуда шло сырье на завод. Благодаря открытию Муассака и Уилсона алюминий с 1967 года добывали не только из бокситов, и мы на Теллусе вернулись к старому способу лишь потому, что здесь оказались богатейшие залежи бокситов поразительной чистоты. Разумеется, Этранж запротестовал:

– И как же, по-вашему, я должен доставлять сырье на завод?

– Во-первых, я оставляю вам один путь из двух. Во-вторых, нам сейчас не понадобится такое количество алюминия, во всяком случае на первое время. В-третьих, ваш завод все равно не сможет работать, пока не будет угля. И в-четвертых, когда я отыщу руду, мы начнем выплавлять железо, которого хватит на все. А пока соберите железный лом – его здесь немало – и переплавьте на рельсы. В конце концов, это ваша работа!

Кроме того, я реквизирил на заводе два маленьких паровозика из шести и достаточное количество вагонов. В известковом карьере я забрал три отбойных молотка и один компрессор.

Несколько дней спустя шахта уже работала, а в деревне снова появилось электричество. Семнадцать «каторжников» стали шахтерами. Они работали под охраной, которая не столько стерегла их, сколько защищала от гидр. Довольно скоро эти люди забыли о том, что они осужденные, да и мы, признаться, тоже. Они стали обычными шахтерами и под руководством бывшего штейгера быстро освоили свою подземную профессию.

Так, в организационной работе, незаметно пролетело два месяца. Мишель и мой дядя с помощью часовщика изготовили часы теллусийского времени. Нам очень мешало то, что сутки состоят из двадцати девяти земных часов; каждый раз, чтобы узнать время по своим часам, приходилось делать сложные подсчеты. Поэтому сначала мы выпускали часы двух типов: с циферблатом на двадцать четыре «больших» часа и с циферблатом на двадцать девять земных часов. Позднее, через несколько лет, была принята система, существующая до сих пор, – вы только с ней и знакомы. Сутки делятся на десять часов по сто минут, причем в каждой минуте – сто секунд, которые, в свою очередь, делятся еще на десять миггов. Секунды почти не отличаются от земных. Кстати, одним из первых результатов катастрофы было то, что все

часы с маятниками разладились, к великому недоумению крестьян. Ведь сила притяжения на Теллусе меньше, чем на Земле!

Запасы продовольствия, пополненные за счет трофеев из подвалов замка, полностью обеспечивали нас на десять земных месяцев. Мы оказались в умеренном поясе Теллуса, в области вечной весны, и, если бы пшеница прижилась в этом климате, могли рассчитывать на несколько урожаев в год. В долине было достаточно пахотной земли; нам должно было хватить ее до тех пор, пока население заметно не увеличится. К тому же почва Теллуса выглядела плодородной.

Мы отремонтировали множество домов и уже не ютились в прежней тесноте. Школа снова работала. Совет заседал теперь в большом металлическом ангаре. Здесь Ида властвовала над архивом, и здесь я обычно находил Бельтера, когда он бывал мне нужен. Мы составляли кодекс – основу нашего законодательства, стараясь по возможности не отходить от привычных на Земле норм, лишь упрощая их и приспособлявая к новым условиям. Эти законы действуют до сих пор. Кроме архива, в том же ангаре помещались зал собраний и библиотека.

Обе железные дороги – от шахты и от глиняного карьера – действовали нормально, завод работал по мере необходимости, выполняя наши заказы. Мы все были заняты, потому что рабочих рук не хватало. Жизнь в деревне кипела! Она напоминала скорее оживленный земной городок, чем одинокое селение на неведомой планете, затерянной в пространстве или, может быть, даже среди пространств. Выпали первые здешние дожди – грозные ливни, затянувшиеся дней на десять. Настали первые темные ночи, пока еще очень короткие. Трудно описать, что я почувствовал, когда впервые разглядел созвездия, которым суждено было стать нашими навсегда!

У членов совета вошло в привычку собираться для полуофициальных бесед в деревенском доме моего дяди либо, чаще, у него же в доме при обсерватории, который к тому времени отремонтировали. Там мы встречали Вандаля и Массакра, корпевших вместе с Бреффором над изучением гидр, там я видел Мартину, Бевена с женой, своего брата, а иногда и Менара, когда его удавалось оторвать от вычислительной машины. Если на официальных заседаниях, где решались практические вопросы, всем заправлял Луи, то здесь, где больше говорили о науке и философии, признанным главой нашего кружка благодаря своей колоссальной эрудиции был мой дядя. Изредка брал слово Менар, и каждый раз мы поражались глубине мыслей, которые высказывал этот маленький человечек с козлиной бородкой. У меня сохранились об этих встречах самые светлые воспоминания, потому что именно тогда я по-настоящему узнал и оценил Мартину.

Как-то вечером я поднимался к обсерватории в чудесном настроении; в трех километрах от мертвой зоны, уже на почве Теллуса, мне удалось обнаружить на дне лоцины первоклассную железную руду. Собственно, нашел ее не я, а один из моих людей, который принес мне кусок руды и спросил, что это такое. Но какая разница? На повороте дороги мне повстречалась Мартина.

– А вот и вы! Я как раз спускалась за вами.

– Я что, опоздал?

– Нет, остальные еще в обсерватории, где Менар рассказывает о новом открытии.

– И однако, вы пошли меня встречать? – проговорил я, немало польщенный.

– О! Невелика заслуга. Просто мне там неинтересно, так как именно я его, это открытие, и сделала.

– И что же вы открыли?

– Ну если в общих чертах...

В тот день я так ничего и не узнал. Мартина подняла глаза – да так и замерла с открытым ртом и округлившимися от ужаса глазами.

Я обернулся: прямо на нас пикировала гигантская гидра! В последний момент я все же сумел овладеть собой, толкнуть на землю Мартину и упасть рядом с нею. Гидра едва нас не задела, но все же пронеслась мимо. По инерции она пролетела еще метров сто, прежде чем смогла развернуться.

В один прыжок я вскочил на ноги:

– Бегите к деревне! Там вдоль дороги деревья, спрячьтесь под ними!

– А вы?

– А я займусь ею. Мне, возможно, удастся снять ее из револьвера...

– Нет, я остаюсь!

– Бегите же, бога ради!

Но бежать было уже поздно. И я знал, что мне с моим револьвером вряд ли удастся убить чудовище. Рядом в скале была расщелина. Я силой толкнул туда Мартину и заслонил ее своим телом. Прежде чем гидра выбросила свое жало, я выстрелил пять раз подряд; должно быть, пули попали в цель, потому что чудовище заколебалось в воздухе и отлетело немного назад. У меня оставались еще три патрона и нож, длинный шведский нож, всегда острый как бритва. Гидра повисла напротив нас, ее щупальца извивались, словно щупальца спрута, и шесть глаз смотрели на меня тускло и зловеще. По легкому сокращению конуса гидры я понял, что сейчас она метнет жало.

Выпустив последние три пули, я нагнул голову и с ножом в руке бросился к чудовищу. Мне удалось проскользнуть между щупальцами, ухватиться за одно из них. Боль от ожога была ошеломляющей, но я повис на гидре всем телом; она метнула жало в Мартину, промахнулась от моего толчка и расщепила роговое острие о скалу. Прижавшись к боку гидры, я кромсал ее ножом. Что было потом, я уже плохо помню. Помню свою нарастающую ярость, помню лохмотья омерзительного мяса, хлещущие меня по лицу, потом почему-то земля ушла у меня из-под ног, падение, удар – и все.

Очнулся я уже в постели, в доме дяди. Надо мной хлопотали Массакр и мой брат. Мои руки были красными и вздувшимися, левую сторону лица пронзала стреляющая боль.

– Как Мартина? – спросил я.

– С ней все в порядке. Легкое нервное потрясение, – ответил Массакр. – Я дал ей снотворное.

– А со мной?

– Ожоги, вывих левого плеча. Вам повезло. Вас отбросило метров на десять, и, если не считать плеча, вы не получили ни единого серьезного ушиба. Удар смягчили кусты. Плечо я вам вправил, пока вы были без сознания, – потому вы и очнулись. Максимум недели через две все пройдет!

– Две недели! Но у меня столько дел! Я только что нашел железную руду...

Резкая боль пронзила мои руки.

– Скажите, доктор, у вас ничего нет против этого яда? Жжет просто-таки нестерпимо.

– Минут через пять вы почувствуете себя уже лучше: я наложил успокаивающую мазь.

Дверь распахнулась настежь, и в комнату ворвался Мишель. Он бросился ко мне с протянутыми вперед руками, но, увидев, что мои забинтованы, остановился:

– Доктор, что с ним?

– Пустяки!

– Ах, старина, старина! Если бы не ты, моей сестре пришел бы конец!

– Ты же не хотел бы, чтобы я позволил этому летающему спруту, ошибившемуся в выборе пищи, сожрать нас? – попытался пошутить я. – Кстати, он мертв?

– Мертв? Еще бы! Ты разорвал его в клочья! Ах! Я даже не знаю, как мне тебя отблагодарить...

– Не беспокойся! На этой планете у тебя еще будет возможность отплатить мне тем же.

– А теперь, – прервал нас Массакр, – пусть больной уснет. Сейчас его, вероятно, начнет лихорадить.

Все покорно направились к выходу. Когда Мишель был уже у порога, я попросил его:

– Пришли ко мне завтра утром Бельтера.

Почти тотчас же я забылся беспокойным сном, из которого вышел через несколько часов обессиленным, но зато без малейших признаков лихорадки. Потом я снова безмятежно уснул и проспал часов до одиннадцати следующего дня. Руки и лицо болели уже гораздо меньше. Рядом, на стуле, согнувшись вдвое, спал Мишель.

– Он просидел тут всю ночь, – раздался голос моего брата, появившегося в дверях. – Как себя чувствуешь?

– Лучше, намного лучше! Как думаешь, когда я смогу встать?

– Массакр сказал, что дня через два-три, если жар не вернется.

Позади Поля с подносом, на котором стоял дымящийся кофейник, внезапно возникла Мартина:

– Завтрак для Геракла! Доктор сказал, что он может поесть!

Она поставила поднос, помогла мне сесть, подложив под спину подушки, и на мгновение коснулась моего лба губами.

– Это все, чем я могу вас отблагодарить! Подумать только: если бы не вы, я бы сейчас была бесформенным трупом. Брр!

Она потрясла Мишеля за плечо:

– Вставай, братец! Тебя ждет Луи.

Мишель поднялся на ноги, зевнул и, осведомившись о моем самочувствии, ушел вместе с Полем.

– Луи тоже обещал днем зайти. А теперь, господин Геракл, я вас покормлю.

– Почему Геракл?

– Черт возьми! Когда сражаются врукопашную с гидрами...

– А я-то думал, что это из-за моего авантажного телосложения, – проговорил я с деланой обидой.

– Прекрасно. Раз вы шутите, значит скоро поправитесь.

Она накормила меня как ребенка, затем заставила выпить чашку кофе.

– Кофе просто восхитительный! – похвалил я.

– Я рада – сама готовила. Но только представьте: даже за какой-то несчастной порцией кофе пришлось обращаться в совет! Теперь он проходит у нас как лекарство.

– Боюсь, придется нам отвыкать от кофе. Вряд ли на Теллусе есть кофейные деревья. Но это еще полбеды, а вот как быть с сахаром?..

– Полноте! Найдем какое-нибудь сахароносное растение! А не найдем – в деревне остались ульи. Будем есть мед, как в старину.

– Да, но если на нашем клочке Земли есть цветы, то на теллусийских растениях мы до сих пор не нашли ни единого.

– Будет видно. Ну а я оптимистка. У нас был всего лишь один шанс уцелеть из миллиарда, и все-таки мы уцелели!

Нашу беседу прервал стук в дверь: явилась неразлучная парочка – Анри и Ида.

– Пришли взглянуть на героя! – сказала последняя.

– Хо! Героя! Когда тебя загоняют в угол, героизм неизбежен!

– Вот уж не знаю, – заметил Анри. – Я бы, наверное, позволил себя съесть.

– Даже если бы с тобой была Ида?

– Что-что?

Я покраснел:

– Нет, я вовсе не это хотел сказать. Предположим, ты был бы там с Мартиной или с какой-нибудь другой девушкой...

– По правде сказать, даже не знаю.

– Ты просто клеветешь на себя! Впрочем, я вызвал тебя не для этих разговоров. Возьми двух парней, которые были со мной, и разведай поподробнее рудное месторождение. Принеси мне различные образцы. В тот день, когда мы нашли железо, было уже поздно и я не смог подробно осмотреть месторождение. Если оно окажется стоящим, постарайся сразу наметить удобную трассу для железной дороги. Но не забывай про гидр: оказывается, они не везде летают стаями, я в этом убедился! Они могут напасть и по две, и по три, так что ты лучше возьми человек десять охраны и грузовик. А как у вас, Ида, дело движется?

– Уже начала кодифицировать ваши декреты. Довольно интересно: прямо на глазах рождаются новые законы. Правда, ваш совет присвоил себе диктаторские полномочия.

– Надеюсь, это временно. Иначе пока нельзя! Что нового внизу, в деревне?

– Луи в ярости. Он нашел наблюдателей, которые пропустили вашу гидру, – это парни с третьего поста. А те оправдываются, говорят, что гидра была одна.

– Вот ведь мерзавцы!

– Луи предлагает их всех расстрелять!

– Ну это уж слишком. У нас и так людей мало.

Через пять дней, когда я впервые вышел из дому, опираясь на Мишеля и Мартину, мне рассказали, чем кончилось дело: ротозеев просто выгнали из охраны и приговорили к двум годам работы на шахте. Постепенно я поправился, и все вернулось в нормальную колею.

Мы проложили к рудному месторождению железную дорогу и построили примитивную домну. Руды – гематита – мы обнаружили не очень много, зато она оказалась богатой, да и на наши скромные нужды ее должно было хватить.

Первая плавка, несмотря на все знания Этранжа, прошла кое-как. Настоящего коксующегося угля у нас не было, поэтому чугун получился неважный, но все же мы его переварили в сталь. По совести говоря, на ближайшее будущее железа у нас было достаточно, и эту плавку мы поспешили выдать главным образом для того, чтобы испытать свои силы. Мы отлили рельсы и вагонные скаты.

Возле рудника построили каменные убежища, где рабочие могли укрываться в случае нападения гидр, а кабины паровозиков мы переделали так, что при случае в них можно было запереться наглухо.

Погода не менялась: казалось, здесь царит нескончаемая, очень теплая весна. «Черные ночи» постепенно удлинялись.

В обсерватории мой дядя и Менар открыли уже пять планет на внешних орбитах; на ближайшей к нам планете были обнаружены атмосфера и облака. Сквозь разрывы облачности можно было наблюдать моря и материки. Спектроскоп показал наличие кислорода и водяных паров. Наша соседка была примерно такого же размера, как Теллус, и имела два больших спутника. Удивительно, как глубоко сидит у нас в душе страсть без конца расширять свои владения! Даже мы, несчастные крохи человечества, неуверенные в завтрашнем дне, – даже мы обрадовались, когда узнали, что рядом с нами есть планеты, где смогут жить люди.

Недалеко от рудника мы для пробы распахали под защитой гарнизона около гектара теллусийской целины. Почва оказалась легкой, хорошо удобренной перегноем сероватых трав. Я немедленно приказал ее засеять различными сортами пшеницы, несмотря на протесты крестьян, которые твердили, что сейчас не время для сева. Мишелю пришлось целых полдня втолковывать им, что на Теллусе нет обычных времен года, а потому сеять или жать можно всегда и лучше это делать сейчас, чем потом.

Когда началась пахота, мы снова столкнулись с плоскими змеями вроде той, что обнаружили во время первой разведки. Но та была уже мертвой, а этих пришлось убивать. Крестьяне

прозвали их гадюками, и это имя осталось за ними, хотя с земными гадюками у этих созданий не было ничего общего.

Длиной они были от пятидесяти сантиметров до трех метров. В сущности, их нельзя назвать ядовитыми, но они достаточно опасны: мощные полые зубы на нижней челюсти впрыскивают в жертву необычайно сильный пищеварительный сок, который разжижает ткани, вызывая своего рода гангрену, и, если помощь не оказать немедленно, дело может кончиться ампутацией или даже смертью. К счастью, эти крайне злобные и ловкие твари попадались нечасто. Одна укусила быка, который тут же подох, а другая – человека. Оказавшиеся на месте Вандаль и Массакр немедленно наложили жгут и ампутировали пораженную ногу. Это были единственные жертвы.

Вслед за растениями Теллус начали осваивать земные насекомые, в первую очередь – крупные рыжие муравьи, название которых я позабыл. Неподалеку от рудника Вандаль нашел целый муравейник! Муравьи с жадностью пожирали смолку, сочившуюся из серых растений, и размножились с удивительной быстротой. К тому времени, когда на опытном поле показались первые зеленые всходы, они уже кишели везде, легко справляясь с маленькими насекомыми Теллуса, которые пытались бороться с пришельцами.

После бурного начала настали дни мира и тишины. Постепенно, понемногу мы преодолевали даже то, что казалось непреодолимым. Месяцы шли за месяцами. Мы собрали первый урожай, обильный на «земных» полях и просто великолепный на распаханном участке Теллуса. Похоже было, что пшеница акклиматизировалась на славу. Стада множились, но пастбищ пока хватало. Земные растения, по-видимому, были сильнее местных, и вокруг уже появлялись пятна смешанных степей. Странно было видеть, как знакомые наши травы окружают какой-нибудь пыльно-серый кустик с цинковыми листьями.

Лишь теперь, на досуге, я смог поразмыслить о самом себе. Сразу после катастрофы мной овладела растерянность, граничащая с отчаянием: я знал, что осужден на вечное изгнание, навсегда разлучен с друзьями, отрезан от них непреодолимой пропастью, которую не измерить никакими земными мерами. И я испытывал ужас перед неведомой планетой, населенной чудовищами. Затем необходимость немедленных действий: война с бандитами, организационная работа, ответственный пост министра, который мне навязали, – все это полностью захватило меня, и теперь я с удивлением замечал, что от прежних настроений не осталось и следа. Мной овладела жажда приключений, радостная и неутомимая страсть открывателя неведомых горизонтов.

Однажды я заговорил обо всем этом с Мартиной по дороге в обсерваторию; теперь она и Мишель бывали там лишь изредка, посвящая большую часть своего времени общественным работам и обучению молоденького пастуха Жана Видаля, у которого оказались блестящие способности. Я тоже преподавал ему геологию, Вандаль – биологию, а мой брат – историю Земли. Впоследствии Видадь стал крупным ученым и, как вы знаете, был избран вице-президентом республики. Но не будем забегать вперед.

– Подумать только, – говорил я Мартине, – что, когда мой кузен Бернар хотел взять меня в межпланетную экспедицию, я наотрез отказался под тем предлогом, что сперва, мол, должен доучиться. В действительности же я просто боялся! Я, который ради какой-нибудь окаменелости готов был пойти хоть на край Земли, испытывал настоящий ужас от одной лишь мысли о том, чтобы эту Землю покинуть! И вот теперь я на Теллусе – и весьма этому рад! Забавно, не так ли?

– У меня все еще забавнее. Я работала над диссертацией, в которой доказывала несостоятельность теории изогнутого пространства. И вот теперь получила красноречивое доказательство ее достоверности!

Мы прошли уже половину пути, когда взвыла сирена тревоги.

– Черт, опять эти мерзкие твари! В убежище!

Такие убежища от гидр стояли теперь почти всюду, и ближайшее было от нас метрах в тридцати. Мы припустили бегом, не думая о самолюбии, хотя на этот раз у меня, кроме ножа и револьвера, был с собой автомат. Заставив Мартину войти внутрь, я остался на пороге, изготовившись для стрельбы. Сверху покатались камешки, а следом за ними передо мной появилась черная фигура кюре:

– А, это вы, месье Бурна! Откуда летят гидры?

– С севера, полагаю. Сирена подала лишь один сигнал. Входите!

– Боже, когда же мы наконец избавимся от этих адских созданий?

– Боюсь, что не скоро. А! Вот и они! Входите, входите, вы же безоружны!

Высоко над нами появилось зеленое облачко. Совсем рядом с ним, но немного ниже в небе вспухли черные клубочки – разрывы ракет.

– Недолет! Ага! Вот так уже лучше!

Следующий залп угодил прямо в середину стаи, и через несколько секунд сверху начали падать клочья зеленого мяса. Оставив дверь полуоткрытой, я нырнул в убежище: даже после смерти гидры кожа ее причиняет жестокие ожоги.

В убежище Мартина беседовала с кюре, поглядывая в окошко с толстым стеклом. Гидры, словно сообразив, что в стае им оставаться опасно, пикировали группами по две-три штуки. Сквозь полуотворенную дверь я видел, как они вились над паровозом нашей узкоколейки; машинист в своей закрытой кабине был в безопасности. Внезапно я расхохотался: над паровозиком взвилась струя пара, и перепуганные гидры бросились врассыпную. Я все еще смеялся, оглядываясь вокруг. Внизу, в деревне, трещали выстрелы, и на площади, у колодца, уже валялось несколько сбитых гидр. Внезапно какая-то тень закрыла небо. Я прыгнул в убежище и захлопнул за собой дверь; гидра пролетела над самой крышей. Прежде чем я успел просунуть автомат в бойницу, она была уже далеко.

Вопль Мартины заставил меня вздрогнуть.

– Жан! Сюда, скорее!

Я бросился к окошку: к нам со всех ног бежал мальчик лет двенадцати, а за ним гналась гидра. До убежища оставалось еще метров полтора. Несмотря на смертельную опасность, мальчишка, видимо, не растерялся: он бежал зигзагами, умело используя деревья, которые мешали его преследователю. Вся эта сцена мелькнула передо мной, как при вспышке молнии; в следующее мгновение я уже был снаружи. Гидра набрала высоту и теперь пикировала.

– Ложись! – закричал я.

Мальчик понял и прижался к земле; гидра промахнулась.

Я дал по ней очередь в десять выстрелов на расстоянии пятидесяти метров. Чудовище подскочило в воздухе и снова развернулось для нападения. Я вскинул автомат, взял прицел на тридцать метров; после второго выстрела ствол заклинило.

В чехле у меня был запасной ствол, но поставить его я бы уже не успел. Отбросив автомат, я выхватил револьвер. Гидра приближалась.

И тогда мимо меня пронесся, пыхтя, наш толстячок-кюре в своей развевающейся сутане. Так быстро он, должно быть, не бегал ни разу в жизни! Гидра спикировала, но кюре успел раскинуть руки, прикрыть малыша и принять смертоносный укол на себя...

За эти секунды я сменил ствол и с расстояния десяти метров выпустил очередь за очередь, пока мертвое чудовище не рухнуло на тело своей жертвы.

Я огляделся: других гидр поблизости не было, да и в деревне стрельба затихла; лишь высоко в небе плыло несколько зеленых пятен. С трудом освободил я труп кюре – один грамм яда гидры убивал быка, а чудовище зараз впрыскивало кубиков десять, если не больше! Мартина легко подняла мальчугана, потерявшего сознание, и мы пошли к деревне.

Жители опасливо отпирали забаррикадированные изнутри двери. Мальчик очнулся, и, когда мы его передали матери, он уже мог идти сам.

Я нашел Луи на площади, у колодца, – он был мрачнее тучи.

– Скверный день, – сказал он. – У нас тут двое убитых: Пьер Эвре и Жан Клод Шар. Не пожелаю укрыться, чтобы удобнее было стрелять...

– Трое убитых, – проговорил я.

– Кто третий?

Я объяснил.

– Что ж, я не слишком люблю священников, но этот погиб смертью храбрых! Предлагаю устроить торжественные похороны всем погибшим сегодня.

– Поступай как хочешь. Им от этого легче не станет!

– Нужно поднять моральный дух. Слишком многие боятся, пусть мы и убили уже тридцать две гидры!

Из зала совета я позвонил дяде, чтобы он о нас не беспокоился. На следующий день состоялись похороны, на которых Луи произнес надгробную речь, прославляя героизм погибших.

Кладбище мы покинули с Мартиной и Мишелем. На полевой тропинке, куда мы свернули, чтобы сократить путь, нам попался труп гидры; огромная тварь длиной более шести метров, не считая щупалец, загроможила дорогу. Пришлось ее обойти. Мартина была бледна как мел.

– Что с тобой, сестричка? – спросил Мишель. – Опасность уже миновала.

– Ох, Мишель, мне так страшно! Этот мир слишком жесток к нам, слишком безжалостен! Эти зеленые чудовища всех нас убьют!

– Не думаю, – сказал я. – Наше оружие с каждым днем улучшается. Вчера, будь мы чуть более осторожными, все обошлось бы и вовсе без жертв. В сущности, мы здесь подвергаемся не большим опасностям, чем индусы с их тиграми и змеями...

– От змеиного яда помогают противоядия. А тигры... что ж, это тигры, звери, не слишком-то и отличающиеся от нас самих. Но эти зеленые полипы, которые переваривают тебя в твоей собственной коже... Ужас, просто ужас! Мне так страшно... – чуть слышно повторила Мартина.

Мы утешали ее как только могли, но, придя в деревню, увидели, что в утешении нуждается не одна она. Подъехал состав вагонеток с рудой, и машинист вышел поболтать с каким-то крестьянином.

– Тебе-то бояться нечего, – говорил тот. – Заперся в своей кабине, сидишь себе и в ус не дуешь... А мы... пока распряжем быков и забежим в убежище... нас эти твари успеют убить раз десять! И пусть воют эти сирены – они всегда воют слишком поздно! Клянусь тебе: как идти в поле, я теперь каждый раз молюсь! Только дома спокойно, да и то не слишком...

Подобных разговоров мы в тот день наслушались вдоволь. Слабину давали даже некоторые рабочие завода, хоть они и работали в укрытии. Если бы гидры нападали ежедневно, даже и не знаю, чем бы все это закончилось. Но, к счастью, до великой битвы они больше не появлялись, и мало-помалу напряжение ослабло, да до такой степени, что время от времени нам приходилось строго наказывать слишком беспечных наблюдателей.

Глава 3 Разведочные работы

К тому времени, когда я разработал план экспедиции, мне стало ясно, что я люблю Мартину. Каждый вечер мы с ней поднимались к дому моего дяди, где вместе обедали. Иногда нас сопровождал Мишель, но обычно он приходил один, раньше. Я делился с Мартиной своими замыслами, и она дала мне немало полезных советов. Незаметно от деловых разговоров мы перешли к воспоминаниям.

Я узнал, что Мартина в тринадцать лет осталась без родителей, их целиком заменил ей Мишель. Он был астрономом, а потому, когда выяснилось, что у девочки явная склонность к точным наукам, привлек сестру к своей работе. Так уж вышло, что я был хорошо знаком с членами первой экспедиции «Земля – Марс» (ее глава Бернар Верильяк был моим кузеном) и мог рассказать Мартине немало интересного об этом межпланетном полете. Какой-то восторженный репортер даже сфотографировал меня между Бернаром и Сигурдом Ольсенем как «самого юного участника экспедиции», а потом на факультете насмешники не давали мне прохода. Тем не менее, когда мне предложили принять участие во втором перелете, я отказался, отчасти из-за того, чтобы не огорчать свою мать – какое благородство! – а отчасти просто из трусости, и тут уже благородством не пахло. Отыскав в дядиной библиотеке газеты того времени, я показал Мартине «знаменитую» фотографию. Она в свою очередь показала мне другой снимок: на докладе начальника экспедиции Поля Бернадака в пятом ряду слушателей слабой карандашной чертой были обведены головы юноши и девушки.

– Это Мишель и я. Как астроному, ему были выделены одни из лучших мест. Я запомнила тот день на всю жизнь!

– А знаете, я вас там, возможно, видел! Я помогал Бернару демонстрировать диапозитивы!

Через увеличительное стекло я смог рассмотреть на снимке лицо Мартины, тогда еще немного детское.

Так от вечера к вечеру мы становились друг другу все ближе и однажды, уже не помню как, перешли на «ты». А в один из вечеров, когда Мишель ожидал нас на пороге дома, мы появились перед ним рука об руку. С лукавой усмешкой он простер руки над нашими головами и торжественно произнес:

– Дорогие мои дети, как глава семьи даю вам свое благословение!

Немного смущенные, мы переглянулись.

– А что? Неужели я ошибся?

Почти одновременно мы ответили:

– Спроси у Мартины!

– Спроси у Жана!

И все трое покатались со смеху.

На следующий день я изложил на заседании совета свой давно уже вынашиваемый план экспедиции.

– Вы сможете, – спросил я у Этранжа, – переделать грузовик в своего рода легкий танк с дюралевой броней и башней для пулемета? Это помогло бы нам исследовать хоть какую-то часть поверхности Теллуса.

– Так ли уж это необходимо? – вмешался Луи.

– Еще как необходимо! Ты знаешь, что сырья у нас в обрез. Железной руды едва хватит на два года, и то если мы будем экономить. Нас окружают болота и степь, где рудные выходы искать очень сложно. Нам надо добраться до гор. Кстати, там мы, может быть, найдем и леса, которые поставят нам дешевую древесину, иначе мы скоро вырубим здесь все деревья, а их и так осталось немного. Может, мы встретим полезных для нас животных, может, отыщем уголь – кто знает! А может, найдем такое место, где нет гидр. Вряд ли они улетают далеко от своего болота!

– Каков будет, по-твоему, расход газойля?

– А сколько потребляет лучший грузовик?

– Двадцать два литра на сто километров. С грузом и по бездорожью выйдет около тридцати.

– Тогда, скажем, тысяча двести литров. В этом случае наш радиус действия составит две тысячи километров. Так сильно удаляться я не намерен, но мы ведь не по прямой ездить будем.

– Сколько человек тебе нужно?

– Семеро, считая меня самого. Думаю взять Бельтера, которого я уже научил распознавать основные минералы; Мишеля, если он пожелает...

– Конечно же пожелает! Наконец-то займись астрономией, так сказать, на месте событий, а не в телескоп...

– Ты мне будешь особенно полезен в том, что касается определения местоположения и топографических высот. Насчет остальных я подумаю.

План экспедиции был утвержден почти единогласно – воздержался лишь Шарнье. И на следующий день Этранж дал рабочим указания приступить к переделке грузовика.

Мы выбрали машину со сдвоенными задними баллонами. Слишком хрупкие стекла заменили плексигласом, позаимствованным из запасов обсерватории, проверили все замки и поставили на стеклоподъемники листы дюралюминия, которые могли в случае необходимости наглухо закрыть окна.

Перегородку между кабиной и кузовом мы разобрали, кузов расширили и превратили в каюту с полукруглой крышей, обшив каркас из прочных стальных дуг толстыми дюралевыми листами. Над крышей поставили вращающуюся башенку с автоматическим пулеметом двадцатимиллиметрового калибра; стрелок мог поворачивать ее с помощью педалей.

Кроме пушки, наше вооружение состояло из пятидесяти дальнобойных ракет длиной сто десять сантиметров, двух ручных пулеметов и четырех автоматов. Для пушки мы взяли восемьсот снарядов, для пулеметов – по шестьсот патронов на каждый, для автоматов – по четыреста. Шесть дополнительных баков по двести литров вместили запас горючего. В кузове установили шесть откидных коек в два ряда, по три друг над другом, маленький складной столик и ящики с продовольствием, которые одновременно должны были служить стульями. Инструменты, приборы, взрывчатка, баки с питьевой водой и маленький приемник-передатчик заняли все свободные углы внутри, а то, что не уместилось, мы привязали к крыше. Там же, вокруг башни, легли шесть новых шин для нашего броневика. Кювета освещалась двумя лампочками и тремя закрывающимися изнутри окнами. Бойницы в броне позволяли вести круговой обстрел. Мы заново перебрали весь мотор, всю ходовую часть, и в моем распоряжении оказалась достаточно мощная боевая машина, которой не страшны никакие гидры. Горючего нам должно было хватить на четыре тысячи километров, а запаса продовольствия – на двадцать пять дней. Во время испытаний грузовик легко шел по дороге со скоростью шестьдесят километров в час, но по пересеченной местности нужно было рассчитывать самое большее на тридцать.

Я тем временем продолжал подбирать экипаж. Вот кто должен был в него войти.

Начальник экспедиции и геолог: Жан Бурна.

Заместитель начальника: Бреффор.

Зоолог и ботаник: Вандаль.

Штурман: Мишель Соваж.

Изыскатель: Бельтер.

Механик и радист: Поль Шеффер.

Шеффер – бывший авиамеханик – был другом Луи. Кого взять седьмым, я не знал. Я с радостью позвал бы Массакра, но его присутствие в деревне было как минимум столь же необходимым. Оставив незаконченный список на столе, я куда-то вышел, а когда вернулся, внизу дерзким почерком Мартины уже было приписано: «Кухарка и санитарка: Мартина Соваж».

Сколько мы с Мишелем ни бились, нам так и не удалось ее отговорить. В конечном счете я был даже рад, когда Мартина заставила меня сдаться: она была сильна, смела, превосходно стреляла, и, кроме того, я был уверен, что в нашем броневику мы, в сущности, можем ничего не опасаться.

Последние приготовления подходили к концу. Каждый как мог рассовал свои книги и личные вещи, каждый выбрал себе спальное место. Мартина заняла верхнюю койку справа,

а я – слева. Подо мной были Вандаль и Бреффор, под Мартиной – Мишель и Бельтер. Шефферу предстояло спать на сиденье водителя: для его ста шестидесяти сантиметров кабина была достаточно широка. Боясь, что внутри будет слишком жарко, мы установили дополнительный вентилятор. Люк в крыше и лесенка позволяли выбраться наверх, но при малейшей опасности все должны были немедленно прятаться в кузов.

И вот настало утро голубого дня, когда мы заняли свои места. Я сел за руль. Мишель и Мартина – рядом со мной, Шеффер, Вандаль и Бреффор вылезли на крышу, а Бельтер забрался в башню, к пушке; со мной он был на связи по телефону. Перед отъездом я убедился, что водить машину, исправлять обычные поломки и стрелять из пулемета может каждый из нас. Пожав руки друзьям и обняв на прощание дядю и брата, я завел грузовик. Мы свернули на дорогу к замку. Бельтер из люка башни долго еще махал рукой Иде, которая в ответ размахивала платком. Я был взволнован, счастлив и распевал во всю глотку. Мы проехали мимо развалин, потом вдоль полотна узкоколейки и по новой, едва намеченной дороге выбрались к руднику. Наблюдатели были на местах. Несколько рабочих прохаживались группами перед началом смены, другие закусывали. Дружески простившись с ними, мы двинулись дальше, в степь, прямо по серой теллусийской траве. Сначала еще попадались земные растения, но вскоре они исчезли. Через час последняя колея, самая крайняя точка, куда мы доезжали во время наших разведок, осталась позади. Перед нами была неведомая планета.

Легкий западный ветерок волновал траву, которая с сухим шелестом ложилась под колеса грузовика. Почва была твердой и удивительно ровной. Серая степь расстилалась вокруг, на сколько хватало глаз. На юге собирались редкие белые облака, «обыкновенные облака», как заметил Мишель.

– В каком направлении рванем? – спросил он, раскладывая на планшете свои штурманские приборы.

У Теллуса оказалось такое же постоянное магнитное поле, как у Земли, и наши компасы действовали превосходно, с той лишь разницей, что здесь все было наоборот, так что северный конец стрелки указывал на юг.

– Сначала – прямо на юг, потом – на юго-восток. Так нам удастся обогнуть болото. По крайней мере, я на это надеюсь. Затем – к горам.

В полдень мы остановились и первый раз позавтракали «под сенью грузовика», как выразился Поль Шеффер, – сенью скорее воображаемой, чем реальной. Хорошо еще, что нас освежал слабый ветерок.

Мы весело попивали вино, когда трава рядом с нами вдруг зашевелилась и оттуда выскочила плоская гадюка. Не дав нам опомниться, она ринулась вперед и впилась... прямо в левую переднюю шину грузовика, которая тотчас начала оседать с характерным шипением.

– Мать твою! – выругался Поль, прыгнул в кабину и выскочил обратно с топором в руках.

– Не испортите ее, прошу вас! – кричал Вандаль, но Поль не обращал внимания; одним ударом он рассек змею, да так, что лезвие топора ушло в почву по самую рукоятку.

Мы покатались со смеху.

– Не уверен, что добыча показалась ей достаточно сочной, – проговорил Мишель, пытаясь разжать челюсти гадюки.

Но для этого понадобились клещи. Размонтировав шину, мы убедились, что желудочный сок этой твари обладал невероятной силой: резина уже сморщилась, а корд вокруг прокола растворился бесследно.

– Прошу прощения, – сказал Мишель, поворачиваясь к останкам рептилии. – Не знал, что вы способны переваривать каучук!

Мы поехали дальше, держа среднюю скорость двадцать пять, тридцать километров в час. К вечеру позади осталось триста километров. Несколько раз я пытался свернуть влево, но там все еще тянулось болото. Ночь прошла спокойно. Лишь на следующий день после трех часов

быстрой езды мы смогли наконец изменить направление. По-прежнему вокруг шелестела серая трава, изредка попадались кусты, да несколько раз нам пришлось объезжать овраги. Мы двигались к горам, возвышающимся на линии горизонта. Часов в десять погода начала портиться, и, когда мы остановились для полуденного завтрака, дождь всю барабанил по дюралевой броне. Поели, не выходя из машины, кое-как, в тесноте. Тем временем дождь превратился в ливень, видимость была отвратительной, и я решил переждать.

Мы приоткрыли окна, чтобы в машине было свежее, и расположились кто как хотел: одни – на койках, другие – вокруг стола. Я полулежал на переднем сиденье, Мишель и Мартина сидели на пороге проема, соединявшего кабину с кузовом. Лениво текла беседа. Мы с Мишелем дымили трубками, остальные покуривали сигареты. Благодаря какой-то счастливой случайности в деревне, помимо большого запаса табака, у одного из жителей оказалась табачная рассада, и теперь мы сами выращивали табак, не опасаясь вмешательства акцизных чиновников.

Дождь лил семнадцать часов подряд и, по словам дежурных, не прекращался ни на минуту. Когда мы утром проснулись, он все еще шел, хотя и не так сильно. Вся равнина была покрыта водой: плотный перегон медленно впитывал влагу. Мишель попробовал тронуться с места; грузовик забуксовал, но потом покатился, осторожно набирая скорость. К концу третьего дня пути мы проехали уже шестьсот пятьдесят километров и заметно приблизились к горам. Местность менялась: теперь вокруг были цепи холмов, вытянутые с юго-запада на северо-восток. Между двумя такими цепями мне удалось сделать очень важное открытие.

Вечерело. Мы остановились у подножия красноватого глинистого холма, на котором даже трава не росла. Захватив автомат, я вылез из грузовика и отправился прогуляться. Шел я не торопясь: поглядывал время от времени на небо и раздумывал над тем, можно ли применять на Теллусе законы земной геологии. Когда я уже склонялся к положительному ответу, мне почудилось в воздухе что-то странное, необъяснимое, но очень знакомое! Я остановился. Передо мной было небольшое маслянистое болотце со скудной растительностью: пучки рыжей, ржавой травы лишь кое-где торчали из воды, затянутой радужной пленкой. От неожиданности я чуть не подскочил: от болотца тянуло нефтью!

Я приблизился. Там, где болото слегка вдавалось в берег, на поверхность вырывались пузырьки газа. От огня зажигалки они легко вспыхивали, но это еще ничего не доказывало – обыкновенный болотный газ тоже горит. Но радужная пленка... По всем признакам здесь была нефть, и, очевидно, на незначительной глубине. Я обследовал местность. Слой глины, из которой состоял холм, здесь переходил в темный сланец, а в ста метрах от болотца сланцевый пласт упирался в обрыв из белого известняка. Все признаки сброса были налицо! Это меня обеспокоило. В результате сброса нефть могла разлиться по поверхности – тогда месторождение было бы для нас потеряно, – но могла и остаться совсем неглубоко. Одно, во всяком случае, было несомненно: нефть на Теллусе есть, и мы сможем ее добывать, так или иначе.

Тщательно отметив на маршрутной карте это место, мы двинулись дальше, огибая с юга гряды гор, вернее, высоких холмов, так как они не поднимались выше восьмисот метров. Это была известняковая гряда, по-видимому, совсем недавнего происхождения: следы эрозии на ней почти не были заметны. В одной отвалившейся глыбе я нашел окаменелую раковину, похожую на нашу земную брахиоподу. Значит, на Теллусе, кроме бескостных гидр, есть или были существа с твердым панцирем.

Растительность по-прежнему оставалась унылой и однообразной, серая трава да серозеленые деревья, то есть просто кусты. На остановках Вандаль превращал стол в лабораторию и склонялся над микроскопом, но до сих пор ему не удалось обнаружить ничего сенсационного. Клетки растений были такими же, как на Земле, если не считать того, что многие имели всего по одному ядру. У этих растений не было цветов: они размножались спорами, как на Земле в палеозойскую эру.

Сразу же за цепью холмов перед нами предстала могучая горная гряда со снеговыми вершинами. Центральная была особенно хороша! Ее гигантские размеры поражали глаз. Черная как ночь, под ослепительной снежной шапкой, эта гора стояла на равнине огромным конусом с геометрически правильными очертаниями. Мы назвали ее «горой Тьмы».

Мы покатали прямо к ней. Мишель сделал прикидку, произвел простейший подсчет и даже присвистнул от удивления:

– Ого! Почти двенадцать семьсот!

– Двенадцать? Выходит, она выше Эвереста на...

– Да, на три с лишним тысячи метров.

– Но почему так хорошо видно вершину? Ведь она должна быть над облаками...

– Да потому, что облаков тут как раз нет. Они вообще, судя по всему, на Теллусе встречаются редко. Зато уж если польет дождь!.. Вспомни, что было позавчера!

– Похоже, однако, дожди здесь бывают гораздо чаще, чем ты думаешь. Без воды вся эта растительность давно бы уже погибла!

Мы двигались к подножию горы Тьмы без происшествий, как вдруг перед нами возникло почти непреодолимое препятствие. Местность резко пошла под уклон, и мы увидели внизу, на дне широкой долины, реку. Берега ее покрывали древовидные растения: из всего, что нам до сих пор попадалось, ничто еще так не походило на наши земные деревья. У них были даже соцветия, которые Вандаль сравнил с пестиками некоторых голосемянных.

Но как переправиться через реку? Не очень широкая, всего метров двести, она была глубока и стремительна, с черной, жуткой водой. В память о родном крае я назвал ее Дордонью. Гидры вряд ли могли обитать в ее быстрых водах, но на всякий случай следовало держаться настороже.

Мы двинулись вверх по течению, надеясь отыскать более подходящее место для переправы, и к вечеру неожиданно для нас самих достигли истоков реки: уже глубокая и полноводная, она вытекала из-под известнякового обрыва, поросшего кустарником. Нелегко было провести машину по этому скалистому мосту, заваленному крупными обломками и пересеченному рывтинами, но в конце концов нам это удалось. По противоположному берегу мы спустились ниже и повернули прямо к пику Тьмы.

Из-за обмана зрения нам казалось, что этот пик примыкает к горной гряде, но на самом деле он одиноко возвышался на равнине, далеко впереди остальных гор. Базальт и черная лава сверкали на монолитном теле великана – еще одно доказательство недавней вулканической деятельности. Жидкие лавы обычно сглаживают неровности склонов, пока сами не начинают трескаться и разрушаться.

Широкие потоки застывшего вулканического стекла – обсидиана – спускались к самому подножию горы. К одному из них я подошел, даже не подозревая, что здесь меня ждет поразительная находка. Куча обсидиановых осколков лежала на выступе. Один из них привлек мое внимание. Казалось, ему была искусственно придана форма лаврового листа. Точно такие же наконечники для стрел делали наши далекие земные предки в солютрейскую эпоху.

Глава 4 ССВИ

Я отвел Вандаля, Мишеля и Бреффора в сторону и показал им свою находку.

– А ты уверен, – спросил Мишель, – что это не какая-нибудь игра природы?

– На все сто. Взгляни на общую форму, на подгонку. Это точная реплика солютрейского наконечника.

– Или индейских наконечников из обсидиана, – добавил Бреффор. – Ты мог их видеть в Музее человека, если, конечно, там бывал.

– Стало быть, – проговорил Мишель, – нам придется признать, что на Теллусе есть люди.
– Необязательно, – сказал Вандаль. – Разум может расцвести и в отличных от нашей формах. До сих пор мы ничего сходного с земной фауной в теллусийской не встречали.

– Вот именно! – заметил я. – Если мой кузен и его спутники обнаружили гуманоидов на Марсе, отнюдь не факт, что мы найдем их и здесь.

– А не могут это быть, – продолжал Мишель, – такие же земляне, как и мы сами? Что, если у них просто нет тех средств, которые есть у нас, и потому они вынуждены были вернуться к орудиям каменного века?

– Не думаю. На Земле лишь очень немногие умеют обрабатывать камень так, как это делали в доисторические времена. А изготовление подобной штуконины, уж поверь мне, требует высочайшего мастерства – мастерства, которое приходит лишь после многих лет практики. В любом случае нужно быть начеку и предупредить остальных!

Так мы и поступили. Я проверил фары и прожектор, связанный с вращающейся башней. Ночные дежурства были на всякий случай удвоены, первыми встали на вахту я и Мишель. Он сел на место стрелка, а я на переднее сиденье, просунув в бойницу дуло автомата и положив рядом заряженный магазин.

Через пару минут я позвонил ему по телефону:

– Думаю, будет лучше, если мы станем время от времени переговариваться, – так хоть не задремлем. Если захочешь покурить трубку, позаботься о том, чтобы пламя зажигалки не было видно снаружи.

– Договорились! Если что-нибудь увижу, сразу же выйду на связь и...

Внезапно где-то во тьме, совсем рядом, прозвучал странный и громкий крик. Это был даже не крик, а какой-то трубный, kloкочущий звук, переходящий в пронзительный визг, от которого сжималось сердце. Я оцепенел. Должно быть, у гигантских ящеров вторичной эры были такие же душераздирающие голоса. Неужели мы оказались в краю, населенном тираннозаврами?

– Ты слышал? – прошептал в микрофон Мишель.

– Еще бы!

– Что, черт возьми, это могло быть? Может, включить прожектор?

– Ни в коем случае! И вообще, помолчи!

Странный крик прозвучал снова, теперь уже ближе. При бледном свете Селены я различил над стеной деревьев движение какой-то огромной черной массы. Еле дыша, я вставил магазин в автомат; легкий щелчок прозвучал для меня как гром. Надо мной, чуть скрипнув, развернулась башня: Мишель тоже увидел это и прицелился. В наступившей тишине слышалось только безмятежное похрапывание Вандаля. Здорово же все они вымотались, если даже такие крики не могут их разбудить!

Пока я раздумывал, не поднять ли остальных по сигналу тревоги, темная масса задвигалась и вышла из-за деревьев. В полутьме я с трудом различил увенчанную гребнем спину, короткие массивные лапы и рогатую плоскую голову с очень длинной мордой. Какая-то странность в походке чудовища привлекла мое внимание: у него было шесть лап! В длину монстр достигал двадцати пяти – тридцати метров при высоте в пять-шесть. Я сдвинул предохранитель, но не решился положить палец на гашетку, боясь, что нервы не выдержат и я дам очередь.

– Внимание! Приготовься, но не стреляй, – сказал я.

– Это еще что за гадина?

– Не знаю. Внимание!

Чудовище снова зашевелилось. Теперь оно шло на нас. Голова его была увенчана плоскими, развесистыми, как у лося, рогами, сверкавшими при лунном свете. Неспешно, полуползком и чуть не волоча по земле брюхо, гигант протащился мимо, снова скрылся за деревьями, и

я потерял его из виду. Это были страшные минуты! Когда монстр снова вышел из-за деревьев, он был уже далеко и вскоре совсем растворился во тьме.

В телефоне послышалось облегченное «уф!». Я ответил тем же.

– Осмотришь кругом, – сказал я.

По скрипу педалей я понял, что Мишель выполняет указание. Внезапно до меня донеслось его приглушенное «ах!».

– Иди сюда!

Поднявшись по лестнице, я примостился рядом с Мишелем, по другую сторону от пулемета.

– Прямо перед тобой, вдали!

Еще вечером мы заметили в той стороне скалистый склон; теперь на этом склоне мерцали огни, изредка заслоняемые чем-то темным.

– Костры! В пещерах! Так вот где живут эти резчики по обсидиану!

Мы так и сидели, словно загипнотизированные, лишь изредка отрываясь, чтобы оглядеться вокруг. Когда несколько часов спустя взошло красное солнце, мы все еще не могли оторваться.

– Что, нельзя было разбудить нас? – возмутился проснувшийся Вандаль. – Когда я еще увижу этого зверя?

– Действительно, не очень-то красиво с вашей стороны, – заметила Мартина.

– Да как-то не подумал, – ответил я. – Пока этот монстр был рядом, я не хотел, чтобы вы вскакивали и шумели спросонок, а потом он ушел. Теперь мы с Мишелем немного поспим. Вандаль и Бреффор – на карауле. О том, что следует смотреть в оба, вы и сами знаете. Стреляйте только в случае крайней необходимости! Ты, Шарль, – обратился я к Бреффору, – возьми второй автомат и поднимись в башню. Пулемет используйте лишь тогда, когда иначе будет нельзя: патронов у нас маловато. Но если понадобится – не жалея их! Выходить из машины запрещаю. Когда взойдет Гелиос, разбудите меня.

Но поспать нам удалось только час! Сон внезапно прервали выстрелы и резкие толчки рванувшейся с места машины. В мгновение ока я соскочил с койки, и тут же мне на голову свалился полусонный Мишель. Я увидел Поля за рулем и спину припавшего к автомату Вандаля; Мартина подавала ему перезаряженные магазины. Сзади, со старым автоматом в руках, не отрывался от бойницы Бреффор. Башня поворачивалась в разные стороны, и тяжелый пулемет бил короткими очередями по четыре-пять выстрелов.

– Мишель, заряжай новую ленту!

Я перебрался на переднее сиденье:

– Что случилось? Почему едем?

– Трава горит!

– И по кому стреляете?

– По тем, кто ее поджег. Смотри, вот они!

Над высокой травой я мельком заметил силуэт, смутно напоминавший человеческий, – кто-то несся параллельно нам на огромной скорости.

– Всадники?

– Нет, кентавры!

И словно для того, чтобы оправдать меткость определения Вандаля, одно из этих существ выскочило на открытый участок метрах в ста впереди. С первого взгляда казалось, что это действительно легендарный кентавр. Четыре тонкие ноги несли его горизонтально расположенное туловище, а спереди поднимался на высоту двух метров перпендикулярно почти человеческий торс с лысой головой и двумя длинными руками. Коричневая кожа этого существа лоснилась, как только что очищенный индийский каштан. В левой руке оно держало пучок длинных палок. Схватив одну из них правой рукой, существо устремилось к нам и метнуло свою палку.

– Дротик! – изумился я.

Оружие воткнулось в землю в нескольких метрах перед нами и с треском переломилось под колесами. Из грузовика послышался чей-то встревоженный крик:

– Быстрее! Быстрее! Огонь настигает!

– Едем на максимуме – пятьдесят пять километров в час! – отозвался я. – Далеко огонь?

– Метрах в трехстах, не больше. Ветер гонит его за нами!

Мы продолжали мчать по прямой. «Кентавры» исчезли.

– Как это произошло? – поинтересовался я у Мартины.

– Мы как раз говорили о том звере, которого вы видели ночью, когда Бреффор вдруг сообщил Вандалю, что позади нас загорелась трава. И не успел он это сказать, как появились эти существа, примерно сотня. Они принялись забрасывать нас дротиками. У некоторых, кажется, были даже луки. Мы ответили очередью и рванули вперед. Вот и все.

– Огонь догоняет! – прокричал Бельтер. – Он уже метрах в ста от нас!

Справа все уже было затянуто дымом. Над грузовиком пролетали искры, зажигая новые очаги, которые приходилось объезжать.

– Попытайся еще немного прибавить газу, Поль, – попросил я.

– И так выжимаю по полной – шестьдесят в час! А если полетит ось...

– ...То мы поджаримся заживо. Но она выдержит!

– Забирай влево, Поль, влево! – закричал Бреффор. – Там голая земля!

Шеффер круто свернул, и через несколько мгновений мы уже мчались по широкой голой полосе рыжеватой глины. Горы были недалеко, и Гелиос поднимался все выше. Я взглянул на часы: с того времени, как мы с Мишелем улеглись поспать, прошло всего полтора часа.

Теперь наше положение было получше. Вокруг, может быть на несколько километров, расстилалось обнаженное пространство, лишённое всякой растительности. С нашим вооружением здесь нам нечего было бояться. Ни дротики, ни стрелы не могли пробить броню грузовика, единственным уязвимым местом были шины. Мы остановились.

Скоро огонь подступил к нашему спасительному острову и обогнул его слева. Целый поток неведомых странных зверьков устремился к нам, спасаясь от пламени. Вандаль выскочил наружу, и ему удалось поймать несколько, самых разных размеров: одни не больше землеройки, другие с небольшую собаку. Все они имели по шесть лап и по три или шесть глаз.

Справа от нас огонь натолкнулся на влажные заросли и начал угасать. Слева пламя ушло вперед. Оно достигло группы деревьев, которые затрещали и вспыхнули, словно облитые бензином. Раздался ужасающий рев. Огромное тело мелькнуло среди огня и устремилось, раскачиваясь, прямо к нам! Это было ночное чудовище или его собрат: очевидно, в роце находилась его лежка. Метрах в пятистах от нас, уже на голом пространстве, зверь остановился. В подзорную трубу я мог теперь рассмотреть его во всех подробностях.

Если не считать шести лап, чудовище в общем походило на динозавра. Увенчанная гребнями спина, длинный хвост, утыканный колючками, морщинистая кожа, покрытая блестящей зеленой чешуей. Огромная, длиной метра три-четыре, голова была усеяна рогами, два верхних, разветвленных, нависали над тремя глазками – двумя боковыми и одним средним, на лбу. Когда «динозавр» повернул голову, зализывая ожог, я увидел ряд острых длинных зубов и красный язык, выскальзывающий из фиолетовой пасти.

И тут появились «кентавры», вооруженные луками. На чудовище посыпался дождь стрел. Зверь бросился на охотников. Они увертывались от него с поразительной ловкостью, движения их были точны и грациозны, а в скорости бега они превзошли бы любого скакуна. Кстати, только это их и спасало: чудовище оказалось на удивление подвижным для своего веса. Затаив дыхание, мы наблюдали за эпической охотой, не решаясь вмешаться. Да и стрелять было рискованно, потому что охотники вихрем кружились вокруг своей добычи. Я уже собирался дать

приказ продолжать движение, когда произошло несчастье. Один из «кентавров» поскользнулся. Зубастая пасть сомкнулась над ним и перекусила его пополам.

– Вперед! Приготовиться к стрельбе!

Мы шли на средней скорости, чтобы можно было лучше маневрировать. Как это ни странно, «кентавры» заметили нас лишь тогда, когда мы были от них всего в ста метрах.

Но, увидев нас, они тотчас перестали атаковать чудовище и отступили группами по трое. По мере того как мы приближались, они отходили все дальше, оставляя нас один на один со зверюгой.

Нужно было любой ценой избежать столкновения: этот монстр смял бы нас в лепешку.

– Огонь! – скомандовал я.

Чудовище ринулось на броневик. Складывалось ощущение, что ни пули, ни разрывные снаряды не смогут его остановить! Шеффер круто свернул налево. Мне показалось, что зверь скользит куда-то вправо, и тут удар хвоста вмял броню. Башня развернулась, и снова заработал тяжелый пулемет. Зверь преследовал нас. Но вот наконец он споткнулся и рухнул. Чудовище было мертво. «Кентавры» наблюдали за нами, держась в отдалении.

Видя, что «динозавр» не шевелится, я вылез из броневика, не выпуская автомата из рук. Мишель и Вандаль последовали за мной. Мартина тоже хотела выйти, но я ей запретил.

И оказался прав.

Не успели мы сделать и нескольких шагов, как «кентавры» бросились на нас с пронзительным, свистящим кличем: «Сви-и-и! Сви-и-и!» Затрещал автомат и тут же умолк, – очевидно, заклинило патрон. Пулемет из башни дал всего два одиночных выстрела: нападающие были уже слишком близко. Теперь мы стреляли в упор. Меткая очередь скосила сразу трех «кентавров», еще двое, по-видимому, были ранены и повернули назад. Остальные продолжали атаковать, осыпая нас дождем стрел, которые, к счастью, летели мимо.

Еще миг – и началась рукопашная! Отбросив автоматы с расстрелянными магазинами, мы взяли за револьверы, но я не успел воспользоваться своим: кто-то обхватил меня сзади, оторвал от земли и понес. Могучие руки прижимали меня к маслянистому туловищу, от которого исходил резкий запах прогорклого жира. Кисти мои были притиснуты к бокам, револьвер бесполезно болтался в левой руке. Я слышал за спиной выстрелы, но не мог обернуться. Под копытами моего похитителя звенела сухая земля.

Я понимал, что медлить нельзя. Более тридцати «кентавров» уже спешили на помощь нападающим. Если я не вырвусь сейчас, меня уже ничто не спасет. Отчаянным усилием мне удалось на миг разжать объятия и высвободить правую руку. Перехватив револьвер, я нащупал дулом голову существа, которое уносило меня, и выстрелил пять раз подряд.

Страшный толчок швырнул меня на землю. Когда я приподнялся, сильно помятый и наполовину оглушенный, «кентавры» были от меня метрах в трехстах, а с другой стороны ко мне на полном ходу приближался грузовик. Его автоматы и пулемет почему-то молчали. Почти ни на что не надеясь, я бросился ему навстречу. Мое лицо и тело были залиты оранжевой кровью «кентавра».

Я задыхался, в боку у меня кололо, а галоп преследователей слышался все ближе и ближе за моей спиной. Мишель, высунувшись из люка башни, делал отчаянные жесты, обращенные ко мне.

«Слишком поздно, – подумал я. – Но почему они не стреляют?»

И только тут вдруг понял: друзья боятся попасть в меня! Я тут же бросился наземь, повернувшись лицом к врагу: в моем револьвере оставалось еще три патрона. В то же мгновение первые очереди пронесли над моей головой, разом срезав десяток преследователей. Ошеломленные «кентавры» остановились; лишь двое продолжали скакать ко мне.

Я уложил их двумя выстрелами с расстояния метров в десять.

Грузовик заскрипел тормозами возле меня. Дверца открылась, я одним прыжком вскочил внутрь и захлопнул ее за собой. Стрелы забарабанили по броне, царапая плексиглас смотровых окон. Одна из них влетела прямо в бойницу и воткнулась, дрожа, в спинку сиденья. Пришлось снова открыть огонь, и только тогда уцелевшие «кентавры» бежали. Поле боя осталось за нами. Мишель спустился из башни.

– Ну, старина, ты счастливо отделался! Какого черта ты не лег раньше?

– Да как-то сразу не подумал!.. Потерь нет?

– Вандалю во время заварушки угодила в руку стрела. Рана пушечная... если, конечно, стрела не отравлена. Впрочем, Бреффор осмотрел наконечник и уверяет, что нет.

– До чего ж страшные твари!

– Ну и что будем делать теперь?

– Вернемся, посмотрим на поверженного нами голиафа.

Мишель, Вандал и я во второй раз вылезли из грузовика, чтобы рассмотреть чудовище, а заодно и трупы «кентавров», оставшихся на месте схватки.

Вандал сказал, что броня голиафа, как мы окрестили монстра, напоминает хитин земных насекомых, но с некоторыми отличиями: во всяком случае, она несравненно тверже. Для того чтобы отпилить один разветвленный рог, который Вандал решил взять с собой, пришлось пустить в ход ножовку, после чего полотно совершенно затупилось. У меня еще было несколько пленок для «лейки», которые мы берегли как зеницу ока, но тут уж мы сфотографировали чудовище и «кентавров».

Удивительные создания эти «кентавры», или ссви, как мы стали называть их позднее. Кстати, сами они называют себя точно так же. У них почти цилиндрическое тело, четыре тонкие ноги с маленькими твердыми копытами и короткий чешуйчатый хвост. Спереди тело под прямым углом выгнуто вверх, образуя почти человеческий торс с двумя длинными руками. На руках по шесть пальцев неравной длины; два из них противостоящие. Голова круглая, безволосая и безухая – уши заменяют перепонки, закрывающие внутренние слуховые раковины. У них три глаза светло-серого цвета; средний, самый большой, расположен посередине лба. Широкий рот вооружен острыми, как у ящера, зубами, нос, длинный и мягкий, спускается почти до самых губ. Вандал наскоро произвел вскрытие одного «кентавра». У того оказался большой развитый мозг, защищенный, помимо черепа, хитиновой оболочкой, и гибкий, но достаточно прочный, благодаря обилию минеральных веществ, костяк. Несмотря на значительные различия, анатомия «кентавров» несравненно ближе к человеческой, чем строение гидр. В вертикальном торсе расположены два могучих легких, похожих на наши, но более простых, да сердце с четырьмя отделениями; желудок, кишки и прочие внутренние органы занимают горизонтальную часть тела. Некоторые трупы были еще теплыми, из них сочилась густая кровь оранжевого цвета.

– У этих существ много общего с людьми, – проговорил наконец Вандал. – Они пользуются огнем, обрабатывают камни, изготавливают луки, – словом, это разумные создания. Жаль, что наше знакомство вышло таким печальным!

Действительно, у «кентавров», кроме оружия – луков и дротиков с искусно обточенными обсидиановыми наконечниками, – было даже нечто вроде одежды; вокруг верхней части туловища они носили широкие пояса из растительных волокон тончайшего плетения с подвешенными к ним, тоже плетеными, мешочками, в которых оказались разнообразные орудия из обсидиана. Все они поразительно напоминали орудия людей позднего палеолита.

Покинув поле сражения, мы поехали дальше. На сей раз для ночлега мы выбрали открытое место, где не было ни травы, ни деревьев. Такие странные голые участки попадались довольно часто. Они подходили нам сейчас как нельзя лучше, и на одном из них мы остановились, развернув грузовик вниз по склону, чтобы его можно было завести с ходу, если вдруг откажет стартёр. Впрочем, все эти предосторожности оказались излишними; ночь прошла

спокойно, если не считать трубных криков голиафа, доносившихся издалека. Утром, однако, Мишель разбудил меня с озабоченным видом.

– Взгляни, – сказал он, показывая барометр.

Столбик ртути вместо привычного для нас девяноста одного сантиметра давления сейчас едва доходил до семидесяти шести.

– Похоже, вскоре здесь будет веселенькая погодка!

– Ты уверен, что дело не в высоте над уровнем моря?

– Вчера вечером он показывал девяноста. – Подтащив меня к левому окну, он добавил: – И потом, посмотри на горы!

Цепь Неведомых гор, вдоль которых мы продвигались, исчезала в тумане. На западе по небу бежали серо-черные тучи.

– Здесь оставаться нельзя, – решил я. – Вперед! Нужно найти какое-нибудь естественное укрытие.

Поль сел за руль. Устраиваясь поудобнее, взглянул на горизонт и коротко присвистнул с видом знатока:

– Круто! Видел такое лишь раз – во время циклона над Южной Атлантикой!

Весь западный горизонт сделался уже свинцово-серым, зловещим. Контраст был разительный: на востоке всеми своими огнями сверкало восходящее солнце, тогда как здесь стремительно поднималась в небо эта ужасающая мгла.

– Бери левее, – сказал я. – Чем дальше будем оставаться на возвышенности, тем меньше шансов, что нас затопит.

Мы мчались по безжизненной равнине на юго-запад. Тучи закрыли уже почти половину неба. Внезапно первые тяжелые капли застучали по броне. Но ветра не было, он бушевал где-то в высоте, перемешивая громады туч, а здесь, внизу, нас обволакивала удушающая жара.

Оставив Мишеля рядом с водителем, я вместе с Мартиной забрался в башню, надеясь увидеть оттуда какое-нибудь убежище. Чтобы скорее добраться до гор, мы свернули на юг, потом на юго-восток. Местность постепенно повышалась.

Дождь продолжал идти крупными редкими каплями; гроза глухо ворчала где-то западнее. Мы приближались к скалам, в которых я с трудом различал многочисленные пещеры: свет мерк и становился все тусклее. До скал оставалось еще добрых два километра, когда буря обрушилась на нас. Страшный порыв почти развернул грузовик, и я услышал, как Поль ругается за рулем, стараясь взять прежнее направление. Хлынул ливень невероятной силы; длинные, жидкие стрелы косо падали с неба, и скалы казались нам то дальше, то ближе в зависимости от наклона колеблемой ветром водяной завесы. Оглушительно загрохотал гром. Нас окутала тьма. Лишь вспышки ярко-фиолетовых молний прорезали мрак, слепя глаза. Я поспешил втащить пулемет внутрь и заткнуть бойницу. И все равно даже в закрытом кузове приходилось кричать во все горло: гром грохотал теперь беспрестанно, заглушая голоса.

Грузовик выбивался из сил. Шины, не встречая сопротивления, буксовали в разжиженной почве. Ветер то стихал, то снова обрушивался внезапными шквалами, снося автомобиль, и, чтобы не рисковать, мы едва плелись со скоростью около десяти километров в час. Молнии трепетали, казалось, целыми минутами; потом началась настоящая фантазмагория вспышек и мрака, из которого рядом со мной на мгновение возникало бледное и немного испуганное лицо Мартины.

Когда я нагибался, я видел внизу, под ногами, кабину броневика: Бреффор у столика вносил записи в путевой журнал, Вандаль приводил в порядок свои заметки, и только Бельтера нигде не было видно. Наконец я разглядел его ногу, свешивавшуюся с койки, – он спал. После безмятежного покоя кабины бушующая снаружи стихия выглядела еще ужаснее. Ливень и шквалы состязались в ярости. При вспышках молний казалось, что капот машины с трудом

разрезает морские волны. Вода низвергалась потоком, крыша дрожала, натянутая до предела антенна вибрировала, и я слышал ее жалобный звон в перерывах между раскатами грома.

– Да уж! – прокричал я. – Вот это гроза! Всем грозам гроза!

– Она восхитительна! – отозвалась Мартина.

И действительно, то было восхитительное, хотя и жуткое, зрелище. На Земле я часто попадал в грозу в горах, но никогда не видел такой, которая могла бы сравниться с этой своим неистовством и красотой.

Когда метрах в двухстах от нас сверкнула молния, я прокричал Мишелью:

– Что там с барометром?

– По-прежнему резко падает.

– Мы уже близко! Вижу пещеры. Включите фары!

И в самом деле, скалистая гряда была рядом. Несколько минут мы ехали вдоль нее, пока не отыскали возвышенную и достаточно ровную площадку, на которой мог уместиться наш грузовик. Скала повисла над нею, образуя укрытие. Опасаясь встретить ссви или голиафа, я снова поставил пулемет на турель; сквозь открытую бойницу внутрь врывались холодный сырой воздух и шум дождя. К счастью, убежище оказалось свободным, и вскоре наш грузовик стоял уже на сухом месте, защищенном по крайней мере тридцатиметровой толщиной каменного навеса. Мы развернули машину передом к выходу и вылезли из бронированного кузова. У пулемета остался Бельтер – была его очередь дежурить.

Наше убежище достигало пятидесяти метров в длину и уходило под скалу метров на двадцать, а свод поднимался метров на двадцать пять. Кое-где по нему стекала вода, продолбившая своего рода водостоки, но там, где пол повышался, было совершенно сухо. В одном углу мы обнаружили кострище, пепел, кости и орудия из обсидиана: здесь были ссви, и, по-видимому, совсем недавно. Значит, придется бодрствовать.

Кроме того, мы нашли в расщелине заботливо припрятанные куски необработанного обсидиана и запас сухих веток. Может быть, с нашей стороны это было неосторожно, но мы не удержались и развели костер позади грузовика. Здесь же мы и поели, выкинув банки из-под консервов в кучу мусора, оставленную ссви.

– Представляю, какие глаза будут у наших друзей-«кентавров», когда они найдут эти странные сосуды, – сказал я.

– Особенно когда увидят этикетки, – добавил Мишель.

Одну из банок сосисок украшала цветная картинка «Тетушка Ирма», на которой упомянутая дама была представлена в виде дородной кухарки.

– Думаю, они получат не самое лестное представление о нашем искусстве, – заметила Мартина.

Все эти реплики нам приходилось выкрикивать, чтобы перекрыть шум низвергающегося водопада.

Когда к пулемету встал Мишель, я попросил освободившегося Бельтера помочь нам с Бреффором вырыть небольшую траншею. Мне хотелось узнать, кто и когда жил в этом гроте. Наши старания были вознаграждены: в песчаной почве мы обнаружили два слоя золы и всяких остатков толщиной по двадцать сантиметров каждый. В обоих слоях были одинаковые орудия; насколько мы могли судить, они сильно отличались от тех, которыми пользовались теперешние ссви. Все предметы были значительно более примитивными, наконечники стрел представляли собой заостренные осколки обсидиана, а не изящные «лавровые листья». Кроме того, мы откопали один скелет ссви, но так и не могли решить, был он похоронен намеренно или нет. В тех же слоях оказалось множество различных костей; некоторые, по-видимому, принадлежали голиафам. Три живых представителя этого рода нанесли нам под вечер визит. Они были относительно невелики, самый большой достигал в длину метров десять. Мы отказались их при-

нять и довольно невежливо выгнали под дождь. Голиафы заупрямились; пришлось угостить их очередью, которая уложила одного наповал. Остальные обратились в бегство.

Ливень продолжался еще двое суток с короткими перерывами. Все это время мы занимались раскопками, больше нечего было делать. Я углубил траншею. Вместо песка верхних слоев внизу лежал слой неровных известняковых обломков – след более ранней эпохи, когда климат был явно холоднее. Должно быть, на Теллусе, как и на Земле, был свой период оледенения, и я решил про себя поискать в горах древние ледниковые морены. Кучку костей и обточенных камней мы погрузили в машину; это была наша первая коллекция, основа будущего музея.

Утром третьего дня солнце встало в безоблачном небе. Однако двигаться с места было еще нельзя: в низинах стояла вода, а местами почва настолько размокла, что превратилась в грязевые болота глубиной до четверти метра. К счастью, дул сильный ветер и все быстро просыхало.

Мы воспользовались вынужденным отдыхом для того, чтобы связаться по радио с советом. На вызов ответил мой дядя. Я рассказал ему о встрече со ссви и об открытии нефти. Он в свою очередь поделился новостями: последние дни гидры все время пролетают над «земной» территорией, но не нападают. Ракеты сбили уже около пятидесяти. Я предупредил совет, что мы намерены продвинуться дальше на юго-запад, а потом повернем обратно. Грузовик был в отличном состоянии, у нас еще оставалось почти половина горючего и вдоволь продуктов и боеприпасов. Пока мы проехали тысячу семьдесят километров.

Едва почва подсохла, мы двинулись дальше. Вскоре нам встретилась еще одна река, которую я назвал Везер. Она была меньше Дордони и местами суживалась до пятидесяти метров. Однако пересечь ее оказалось нелегко, так как после недавних ливней река вздулась, течение было стремительное и глубина порядочная. И все же мы ее преодолели, но об этой переправе я до сих пор не могу вспоминать без дрожи.

Поднимаясь вверх по реке, мы доехали до водопада; здесь Везер низвергался с уступа почти тридцатиметровой высоты. Осмотрев местность, я решил, что этот уступ и скалы на берегу возникли в результате геологического сброса. На несколько километров выше нам посчастливилось найти подходящий для нашей машины пологий спуск, и грузовик осторожно съехал под прямым углом к речке, до самой воды – чуть выше водопада. Но что делать дальше? И тут в голове Мишеля зародилась отчаянная мысль, которая сначала привела меня в ужас.

– Смотри! – сказал он, показывая на широкий плоский утес, выступавший из воды метрах в десяти от берега, и еще на два-три таких же камня, расположенных почти в одну линию с перерывами пять-шесть метров между ними. – Видишь? Вот и балки моста. Остается только положить настил!

Я немного даже оторопел:

– Настил? Но из чего?

– Неподалеку я видел деревья высотой от десяти до двадцати метров. У нас есть топоры, веревки, гвозди. Найдутся и кусты, достаточно гибкие для связок.

– А ты не думаешь, что это немного рискованно?

– А вся наша экспедиция – она что, не рискованная?

– Ну ладно. Посмотрим, что скажут остальные.

Бреффору план показался вполне выполнимым.

– Придется, конечно, попотеть, но мы делали и не такое!

Под прикрытием грузовика, посадив Мартину за руль, а Вандалю за пулемет, мы превратились в дровосеков. Свалив и очистив от ветвей стволы деревьев, мы грубо обтесали их, а потом грузовик оттащил бревна метров на пятьдесят выше водопада. Теперь нужно было занести конец одного бревна на первый утес. Я ломал себе голову, как это сделать, когда увидел, что Мишель быстро сбрасывает одежду.

– Ты же не собираешься добраться дотуда вплавь?

– Именно что собираюсь. Перевяжи меня веревкой. Я нырну здесь, и течением меня снесет прямо на камни.

– Да ты сошел с ума! Ты же утонешь!

– Не волнуйся! Я был чемпионом по плаванию – сто метров за пятьдесят восемь и четыре десятых секунды. Скорее, пока сестра не видит! Я-то не боюсь, а ей волноваться незачем.

Войдя в воду, Мишель сильными гребками устремился к середине реки, пока не отплыл метров на десять от берега, а потом отдался во власть течения. Мы с Бреффором держали веревку, второй ее конец опоясывал Мишеля. В нескольких метрах от утеса пловец бешено заработал руками и ногами, борясь с потоком, который увлекал его к пропасти. Без особого труда он ухватился за выступ, одним толчком подтянулся и встал на камень.

– Брр! А вода-то холодная! – прокричал он нам в грохоте водопада. – Привяжите к одному концу бревна мою веревку, а ко второму – другую, ту, что осталась у вас. Вот так! Спускайте, только не спешите! Держите крепче, не давайте бревну сплывать вниз!

Огромная балка уткнулась одним концом в камень, а другим, который удерживали мы, заскребла по мелководью. Не без труда занесли мы свой конец на берег, потом Поль, Бреффор и я переправились на камень: Поль и я – ползком, оседлав бревно и спустив ноги в воду, а Бреффор прошел поверху, балансируя над потоком в пяти метрах от водопада. Он сказал, что не выносит, когда у него мокрые ноги.

Вчетвером мы вытащили второй конец бревна на огромный камень и укрепили стальными скобами. Первая балка моста была положена.

Чтобы положить вторую, все пришлось сделать сначала. К вечеру мы поставили на место третью. Ночь прервала работу. Я устал, Мишель и Поль измучились основательно, и только Бреффор был еще довольно свеж. Вместе с ним я встал на первую вахту, до полуночи. Во вторую смену дежурили Вандаль и Бельтер, в третью, уже после восхода Соля, – одна Мартина.

Утром работа возобновилась. На следующий день мы уложили балки через все пролеты между каменными опорами и добрались до другого берега. Еще четыре дня ушло на то, чтобы положить настил.

Наша стройка имела самый живописный, хотя и странный вид. Погода стояла ясная, чуть прохладная, воздух был по-молодому свеж и прозрачен даже в сумерках, настроение у всех веселое. Последний день во время полуденного завтрака я откупорил пару бутылок старого вина, которое вдохнуло в нас безграничный оптимизм. Расположившись на серой траве подле грузовика, мы благодушно смаковали последнее сладкое блюдо, когда в воздухе засвистели стрелы. К счастью, никто не был ранен, только шина грузовика оказалась пробитой. Схватив лежащий рядом со мной автомат, я приник к земле и начал щедро поливать очередями полосу деревьев, откуда летели стрелы. До рощицы было метров сорок, и пули достигли цели. Из-за деревьев сразу выскочила группа ссви – многие были ранены – и обратилась в бегство.

Уже не так весело – ведь все могли погибнуть! – поспешили доделать настил, и Поль сел за руль. Грузовик осторожно въехал на мост. Наверное, ни один инженер, даже построивший величайший в мире мост, не испытывал такой гордости и... такого облегчения, как мы, когда все наконец перебрались на противоположный берег!

День закончился без происшествий. Перед закатом я наметил маршрут на завтра. Мы решили ехать прямо на юг, держа курс на гору, которая хоть и была много ниже пика Тьмы, но все же достигала добрых трех тысяч метров. В полночь – была моя очередь дежурить – я заметил на вершине этой горы светящуюся точку. Что это, вулкан? Но свет скоро погас. Истина предстала передо мной, когда огонек зажегся снова, но теперь много ниже, на склоне. Световая сигнализация! Я оглянулся. Позади, на холмах по ту сторону реки, вспыхивали ответные огни. Не в силах скрыть беспокойства, я поделился своими опасениями с Мишелем, который меня сменил.

– Да уж, приятного мало, – согласился он. – Если ссви объявят всеобщую мобилизацию, мы окажемся в тяжелом положении, пусть и вооружены значительно лучше. Ты заметил, что они не боятся огнестрельного оружия? Да и боеприпасов нам надолго не хватит...

– И все же я хочу добраться до этой Сигнальной горы. Ведь только в горах – или рядом с ними – мы сможем найти руду. Проведем быстрый рейд.

Утром перед отъездом пришлось сменить проколотую стрелой шину: пробойна расширилась. Наконец мы двинулись в путь. Местность незаметно повышалась, потом стала холмистой, изрезанной ручьями, через которые машина не всюду могла пройти. В одной маленькой долине я заметил в скалах зеленоватые прожилки: это был гарниерит – довольно богатая никелевая руда. И вообще, долина оказалась настоящей рудной сокровищницей. К вечеру у меня уже были образцы никеля, хрома, кобальта, марганца и железа, а главное – великолепного каменного угля, который мощными слоями выходил прямо на поверхность. О такой удаче можно было только мечтать!

– Здесь будет наш металлургический центр, – сказал я.

– А как же ссви? – возразил Поль.

– Придется уподобиться американцам героических времен. Почва здесь, как мне представляется, плодородная. Если потребуется, будем сражаться, занимаясь распашкой земель и добычей руды. В любом случае со второго дня нашего путешествия мы больше не видели гидр. Одно это компенсирует все остальное.

– Да будет так! – воскликнул Мишель. – Ура! Да здравствует Кобальт-Сити! Проблема только в одном: как нам перетащить сюда все наше оборудование и машины?

– Как-нибудь справимся. Сначала надо наладить добычу нефти, а это тоже не так просто.

Мы повернули на север, потом на запад. В шестидесяти километрах от долины я обнаружил залежи бокситов.

– Определенно, эти места – настоящий рай для изыскателей! – заметила Мартина.

– Нам повезло. Надеюсь, будет везти и дальше, – ответил я, думая уже о другом.

Все это утро я ломал себе голову над одной задачей: нельзя ли как-нибудь заключить союз со ссви или хотя бы с некоторыми из них?

Вероятно, здесь обитало множество враждующих между собой племен. Нельзя ли привлечь хоть часть ссви на свою сторону? Но для этого прежде всего нужно было завести с «кентаврами» какие-то иные отношения – помимо обмена выстрелами.

– Если снова придется сразиться со ссви, – проговорил я громко, так чтобы все услышали, – не мешало бы взять хотя бы одного пленного.

– Зачем? – спросил Поль.

– Чтобы узнать их язык или, наоборот, научить их нашему. Это может пригодиться.

– Вы полагаете, ради этого стоит рисковать жизнью? – осведомился Вандаль, хотя и сам, по-видимому, многое бы отдал за такую возможность.

Я изложил свой план. А вскоре случай помог его осуществить.

На следующий день, едва тронувшись с места, мы вынуждены были остановиться из-за неполадки в машине. Пока Поль возился с мотором, на наших глазах произошла короткая схватка между тремя красно-коричневыми ссви, каких мы уже встречали, и десятком других, меньшего роста, с черной блестящей кожей. Красные защищались отчаянно и уложили пять нападавших, но сами пали под градом стрел. Победители, не подозревая о нашем присутствии, принялись терзать поверженных.

Я дал по ним очередь из автомата, трое черных ссви упали, остальные обратились в бегство. Тогда я вышел из-за деревьев, которые нас скрывали. Один из красных ссви попробовал подняться, но тут же упал: в его конечностях сидело пять стрел.

– Вандаль, дорогой мой, постарайтесь его спасти!

– Сделаю все, что смогу, но я ведь очень плохо знаю их анатомию. Впрочем, – добавил он после беглого осмотра, – ранения не представляются мне тяжелыми.

Ссви лежал недвижимо, все три его глаза были закрыты, и только по тому, как ритмично поднималась и опускалась грудь «кентавра», можно было понять, что он жив. Вандаль начал извлекать стрелы. Ему помогал Бреффор, который, прежде чем стать антропологом, изучал медицину.

– Анестезии не даю, – заметил Вандаль. – Не знаю, выдержит ли.

В течение всей операции ссви не шевельнулся, лишь короткая дрожь временами пробежала по его телу. Бреффор наложил повязку, на которой быстро проступили желтые пятна. Потом мы перенесли раненого в грузовик (он был не очень тяжел: пожалуй, килограммов семьдесят, как определил Мишель) и уложили на импровизированное ложе из травы и одеял. Все это время ссви не открывал глаз. Зато когда поломка была устранена и мотор завели, он заволновался и... впервые заговорил! Это был поток шелкающих, странно ритмичных слогов, которые, казалось, состояли из одних свистящих согласных. Ссви пытался встать, и нам пришлось его удерживать вчетвером: так он был силен. Тело его на ощупь казалось очень твердым и в то же время было удивительно гибким. Постепенно пленник успокоился, и мы его отпустили. Я сел к столику кое-что записать в свой дневник, захотел пить и налил себе стакан воды. Приглушенный возглас Вандаля заставил меня обернуться: приподнявшись наполовину, ссви протягивал руку.

– Он хочет пить, – сказал Вандаль.

Я подал стакан. Ссви взял его, недоверчиво осмотрел, потом выпил воду. Тогда я решил сделать опыт. Наполнив стакан, я произнес: «Вода». Ссви сразу же понял и с поразительной точностью повторил: «Вода». Я показал ему пустой стакан: «Стакан». Он повторил за мной: «Такан». Я отхлебнул глоток и сказал: «Пить». Он повторил: «Пить». Я растянулся на кушетке в позе спящего, закрыл глаза и сказал: «Спать». Ссви переделал это слово в «пать». Я показал на себя: «Я». Он повторил мой жест: «Взлик». Я озадаченно почесал затылок. Был ли это перевод местоимения «я» или же его имя? В итоге я все же склонился ко второй гипотезе. Должно быть, он решил, что меня зовут «Я».

Чтобы чуть усложнить опыт, я проговорил:

– Взлик спать.

Он ответил:

– Вода пить.

У всех от изумления отвисли челюсти. Это существо демонстрировало невероятную сообразительность! Я налил ему воды, и он выпил целый стакан. Я бы продолжил урок, но Вандаль заметил, что ссви ранен и, вероятно, истощен. И правда, ссви сам сказал: «Взлик пать» – и вскоре уснул.

Вандаль буквально-таки излучал радость:

– Если они все такие способные, мы быстро передадим им многие из наших знаний!

– Пожалуй, – признал я с кислой миной. – И лет через пятьдесят они перестреляют нас из ружей! Нет, так далеко мои намерения не простираются. Но они, безусловно, станут нам бесценными союзниками, если мы сможем с ними договориться.

– В конце концов, – вмешался Бреффор, – мы спасли ему жизнь. Так почему бы нам и не договориться?

– Ну да, спасли, но только после того, как убили множество представителей его расы, а может быть, даже и племени.

– Но ведь это же *они* на нас напали!

– Мы были на их территории. И если они пожелают войны, то мы, *mutatis mutandis*⁷, окажемся в том же положении, в котором оказался бы Кортес, если бы ацтеки не боялись ни его ружей, ни его лошадей. В общем... нужно как следует позаботиться о нем. Такого шанса упускать нельзя.

Я перебрался вперед. Мишель вел машину, Мартина сидела рядом с ним.

– А ты что обо всем этом думаешь, Мартина?

– Они ужасно умные!

– Я тоже так полагаю. С другой стороны, я чувствую и некоторое облегчение: теперь мы не единственные мыслящие существа на этой планете.

– А я вот облегчения не чувствую, – сказала Мартина. – Все-таки это не люди.

– Ну разумеется! А ты что скажешь, Мишель?

– Пока не знаю. Подождем... Но взгляни-ка налево. Видишь эту полосу деревьев? За ней, вероятно, река. Опять придется переправляться.

– И справа тоже деревья. Чуть дальше полосы сходятся. Наверное, здесь сливаются две реки.

И действительно, мы находились на узком язычке суши между двумя реками. Левую, новую для нас, мы назвали Дронна. Но что за река была справа: Везер или Дордонь? Из-за ее ширины – как минимум метров триста – я склонился ко второму варианту. Река казалась глубокой. Ее воды, серые и мрачные, бежали лениво и медленно. Уже вечерело.

– Здесь и разобьем лагерь. Тут, если что, будет проще держать оборону.

– Да, но и выбраться отсюда в случае чего будет затруднительно, – заметил Бреффор. – Идеальная ловушка!

– В самом деле, – добавил Вандаль, – отступить будет уже некуда.

– Тот, кому удастся отрезать нам путь к отступлению, без труда сможет просто уничтожить нас. Зато здесь придется защищать лишь одну сторону – тыл. В случае нападения сосредоточимся все в одном месте. Переправу поищем уже завтра.

Этот вечер остался в моей памяти как один из самых спокойных и тихих за всю экспедицию, во всяком случае за всю ее первую часть. Перед закатом мы поужинали, сидя на траве. Погода стояла чудная – если бы не оружие рядом с нами и не странный силуэт Взлика, можно было бы подумать, что мы где-нибудь на Земле, в туристическом походе. Как и на родной планете, солнце, прежде чем скрыться за горизонтом, залило небо феерическим водопадом золотых, янтарных и пурпурных оттенков, на фоне которых в высоте лениво плыли редкие розовые облака. Все мы проголодались и ели с аппетитом, не исключая Взлика. Раны его уже начали затягиваться. Ссви особенно нравились морские сухари и солонина, но, вздумав попробовать вина, он тотчас же с отвращением выплюнул его.

– Похоже, у них нет такой склонности к алкоголю, как у наших земных дикарей, – заметил Вандаль.

Солнце село. Три луны давали достаточно света, чтобы можно было читать. Подложив под голову свернутую палатку, я растянулся на спине лицом к небу, где сверкали уже знакомые нам созвездия. Здесь они были ярче и больше, чем у нас, на Земле. Я покурил трубку, о чем-то раздумывал и краем уха прислушивался к тому, как Вандаль и Бреффор дают ссви урок французского языка. Мартина улеглась слева от меня, Мишель справа. Бельтер и Шеффер, оказавшиеся заядлыми шахматистами, разыгрывали очередную партию на разграфленном карандашом куске картона; фигуры тоже были самодельными.

⁷ С оговорками (*лат.*).

Уже засыпая, я подsunул руку Мартины под голову и привлек ее к себе. Сквозь дремоту до меня доносились свистящий голос Взлика, редкие возгласы шахматистов, объявлявших ходы, и мирное похрапывание Мишеля.

Трубный рев заставил меня вскочить на ноги. В полукилометре от нас к воде спускалось целое стадо странных животных. Они были меньше голиафов, но все же достигали восьми метров в длину и четырех в высоту. Длинные, сильно вытянутые и свисающие до земли носы, круглые спины, короткие хвосты и массивные ноги – все напоминало о слонах, даже трубные голоса! Только ног было шесть. Выстроившись на берегу, животные подогнули передние ноги и приникли к воде. Вандаль, показав на них пальцем, с вопросительной миной повернулся к ссви.

– Ассек, – проговорил тот. Потом, открыв рот, сделал вид, что жует.

– Полагаю, он хочет сказать, что у этих животных вкусное мясо, – заметил биолог.

Мы смотрели, как животные утоляют жажду; при свете трех лун это было впечатляющее зрелище. Я подумал, что судьба подарила мне то, о чем я мог только мечтать в тиши лаборатории: я увидел первобытную силу! Мартина тоже была взволнована. Я услышал, как она прошептала:

– Девственная земля...

Животные ушли. Одна за другой побежали минуты.

– А это еще что? – спросил вдруг Бельтер, отодвигая шахматы, от которых его не могло оторвать даже зрелище водопоя гигантов. Я повернулся в ту сторону, куда он смотрел. Там, освещенный сзади лунным светом, двигался странный силуэт. Все движения зверя, быстрые, упругие, гибкие, говорили о том, что это хищник. Несмотря на сравнительно небольшой рост – около полутора метров, – он производил впечатление невероятно сильного зверя. Я показал его ссви.

Тот сразу заволновался и быстро что-то залопотал, делая резкие жесты. Сообразив, что мы ничего не понимаем, он сделал вид, будто натягивает лук, потом показал на наше оружие, повторяя одно слово: «Бизир! Бизир!» Я понял, что зверь опасен, и, не торопясь – хищник был от нас в добрых двухстах метрах, – вставил в автомат магазин. Все остальное произошло с ошеломляющей быстротой. Зверь прыгнул, скорее, взлетел в воздух. Первым прыжком он преодолел метров тридцать пять! И снова взвился над землей, устремившись прямо на нас. Мартина вскрикнула. Все остальные вскочили. Я дал очередь, не целясь, и промахнулся. Зверь подобрался для третьего прыжка. Еще один автомат затрещал рядом со мной, но кто стрелял, я не понял. Еще одна очередь – и снова впустую; я зря израсходовал все патроны. Растянувшийся возле меня Мишель быстро сунул мне новый магазин.

– В грузовик! Скорее! – прокричал я, возобновляя огонь. Мельком я увидел, как Бельтер и Вандаль нырнули в броневик, втащив за собой ссви.

– Теперь ты, Мишель!

Из броневика над нашими головами навстречу чудовищу пронеслась трассирующая очередь из тяжелого двадцатимиллиметрового пулемета. Должно быть, она достигла цели, потому что хищник остановился. Теперь снаружи оставался один я. Вскочив в кузов, я захлопнул заднюю дверцу. Мишель выхватил у меня из рук автомат, просунул дуло в бойницу и повел огонь. Пустые гильзы со звоном падали на пол. Я огляделся: все были в сборе, кроме Мартины.

– Мартина! – крикнул я.

– Я здесь, – отозвалась она в перерыве между двумя пулеметными очередями.

Внезапно Мишель поспешно отступил назад, возопив:

– Хватайтесь за что-нибудь и держитесь крепче!

Страшный удар сотряс машину. Броня затрещала, прогибаясь внутрь. Меня отбросило на Вандаля, а сверху рухнул восьмидесятипятикилограммовый Мишель. Пол дрогнул, и я уже

думал, что он проломится. Пулемет смолк, свет погас. Мишель с трудом поднялся и зажег карманный фонарик.

– Мартина! – прокричал он.

– Я здесь. Все кончено. Подайте чуть вперед, задняя дверца заблокирована.

Труп хищника лежал, привалившись к грузовику. Он получил двадцать одну пулю, из которых пять были разрывные; наверное, он умер в последнем прыжке, на лету. Его изуродованная голова выглядела отвратительно, а пасть с клыками длиной сантиметров в тридцать наводила ужас.

– Как все произошло? Ты единственная это видела.

– Очень просто. Когда ты вошел, последним, зверь остановился. Я выпустила в него всю ленту. Он прыгнул. От удара я вылетела из башни вниз, а когда поднялась обратно, то увидела, что он лежит мертвый прямо на грузовике.

Ссви кое-как подполз к двери.

– Взлик! – сказал он. Потом сделал вид, что натягивает лук, и показал два пальца.

– Да ну? Он утверждает, что убил двоих стрелами!

– Я бы не сказал, что это невозможно, – заметил Бреффор. – Особенно если стрелы были пропитаны достаточно сильным ядом.

– Но ведь они не пользуются ядом! К счастью для нас, потому что в противном случае Вандаля, возможно, здесь бы уже и не было!

– Быть может, они отравляют только свои *охотничьи* стрелы? На Земле ведь тоже есть племена, которые считают, что использовать яд на войне бесчестно.

– Так или иначе, если в окрестностях Кобальт-Сити водится много таких созданий, – проговорил Бельтер, стоя одной ногой на мертвом звере, – то мы еще от них натерпимся. Хотел бы я посмотреть на них здесь – на всех этих наших охотников на тигров! Какие прыжки! А какая живучесть! А клыки... а когти... – продолжал он, осматривая лапы хищника.

– Зато умом они, должно быть, не блещут, – заметил Вандаля. – Даже интересно, где в таком сплюснутом черепе может располагаться мозг?

– Ты только что говорила, – шепнул я Мартине, – «Девственная земля со всеми ее красотами... и опасностями». Должен тебя поздравить: ловко ты управилась с пулеметом!

– Хвалить за это нужно скорее не меня, а Мишеля, который в свое время настоял на том, чтобы я регулярно упражнялась в стрельбе. По его словам, это всегда может пригодиться, а если и не пригодится, все равно окажется полезным для укрепления нервов.

– Только я, разумеется, не думал, что тебе придется применить эти навыки в таких вот условиях, – улыбнулся Мишель.

Глава 5 Возвращение

Короткая красная ночь прошла без тревог. Наутро мы все-таки решили переправиться через реку. Для этого соорудили большой плот, на постройку которого потратили целых шесть дней. Мы видели за эти дни немало странных животных, но ни одного хищника.

Мы впервые отведали теллусийского мяса: небольшое животное – сильно уменьшенная копия здешних «слонов», которые приходили на водопой, – поставило нам вырезку на жаркое. Из осторожности мы съели по маленькому кусочку, так как опасались отравления и вообще не знали, сможет ли наш организм усвоить незнакомую пищу. По вкусу мясо напоминало телятину, только было красноватым. Почти поправившийся к этому времени Взлик поглощал его с явным удовольствием. Никаких желудочных расстройств не последовало, и с этого дня до самого возвращения в зону гидр мы все время разнообразили наше меню – правда, каждый раз ограничивались небольшими порциями. Зато попробовать плоды с деревьев, сваленных

для плота, мы так и не решились, хотя Взлик уписывал их за обе щеки. Он мог немного ходить и, казалось, совсем к нам привык. Накопленный запас французских слов уже позволял ему выражать простейшие мысли.

Переправа прошла благополучно. Сняв с плота веревки и вытащив гвозди, мы двинулись вниз по течению и ехали так два дня. Река то привольно разливалась, образуя почти озерную гладь, то стремительно прорывалась сквозь теснины между холмами. Я отметил, что глубина повсюду была довольно значительной: ни отмелей, ни перекатов.

На берегах реки кипела жизнь. Мы встречали многочисленные стада «слонов», иногда видели голиафов, которые паслись парами или в одиночку, то и дело натывались на незнакомых животных – и маленьких, и огромных. Два раза вдалеке появлялись тигрозавры. Это название, придуманное Бельтером для хищника, который на нас напал, так за ним и осталось, несмотря на протесты Вандаля, уверявшего, и не без оснований, что у зверя нет ничего общего ни с тигром, ни с ящером. На это Мишель ему возразил, что главное – понимать друг друга, а как назвать хищника – тигрозавр, левиафан или, скажем, каракатица – не столь важно!

В реке было полно рыбы и прочих водяных созданий, но все они держались в отдалении от берега, и мы не смогли как следует рассмотреть их. К вечеру второго дня снова прошел дождь. Как и прежде, вокруг расстилалась саванна, и лишь вдоль ручьев и речек тянулись полосы деревьев. Температура в полдень доходила до тридцати пяти градусов в тени, но ближе к ночи опускалась до десяти градусов.

На рассвете третьего дня, после тревожного сна, все время прерываемого трубным ревом голиафов, мы выглянули наружу и сразу же заметили столб дыма. Он поднимался далеко на юге, на другом берегу Дордони. Что это было, костер ссви или лесной пожар, нам так и не удалось узнать.

Местность становилась все более неровной; низкие холмы заставляли нас то и дело искать объезды. Перевалив последний подъем, мы почувствовали в воздухе терпкий и сильный запах – запах морской воды.

– Где-то рядом море, – сказал Бельтер.

Вскоре он первый увидел его из башни, а через несколько минут оно предстало перед всеми нами. Море было темно-зеленое, бурное. Дул западный ветер, и волны, увенчанные пеной, с ревом обрушивались на берег. Спуститься к нему мешали утесы, но в двух-трех километрах южнее Дордонь впадала в него широким устьем с песчаными откосами.

Мы съехали вниз и остановились на пляже, усеянном гранитной и гнейсовой галькой, почти у самой линии прибоя. Вандаля выскочил из машины первым, объятый жаждой исследовать морское побережье – этот рай для биологов. Лужицы кишели тысячами невиданных существ! Одни были подобны земным, другие ни на что не походили. На каждом шагу попадались пустые раковины, напоминавшие раковины Святого Жака, как мы их называли во Франции, но огромные по размеру: самые крупные достигали трех метров в поперечнике! Другие раковины, поменьше, крепко держались на скалах. Мишель с большим трудом оторвал одну и принес ее Вандалью. Оказалось, что это существо стоит гораздо ближе к земным брахиоподам, чем к пластинчатожаберным моллюскам. Далеко в море между волнами мелькнула черная спина и снова исчезла.

– Я бы не прочь искупаться, – сказала Мартина.

– Нет, – решил я. – Кто знает, какие чудовища водятся у этих берегов! Рисковать не стоит.

Но скоро Шеффер обнаружил за гнейсовым барьером изолированную заводь длиной в сотню шагов и глубиной около двух метров. Вода была такой прозрачной, что можно было пересчитать все камешки, а единственными обитателями заводи оказались маленькие ракушки да несколько водорослей. Мы плескались как дети! Вандаля взялся нас охранять с автоматом в руках, а я затеял соревнование по плаванию. Мишель доказал, что он превосходный пловец, и оставил всех далеко позади. За ним финишировали Мартина, Шеффер и Бреффор. Я пришел

предпоследним, опередив Бельтера всего на полголовы. Зато потом, отыскав круглый булыжник весом около пяти килограммов, я побил всех в толкании ядра.

Взлик долго смотрел на нас, потом сам влез в воду. Плыл он странно, по-змеиному изгибая вытянутое во всю длину тело и почти не шевеля ногами, но довольно быстро. На мой взгляд, от Мишеля он отстал бы на этой дистанции всего метров на десять.

Я сменил Вандаля, который тотчас принялся собирать образцы прибрежной флоры и фауны. А потом мы поехали дальше на север, держась от моря на расстоянии нескольких сотен метров. Путь был сложный, пересеченный старыми трещинами, круто спускавшимися к воде. Через три с половиной часа езды мы наткнулись на болото, в котором кишели гидры. Они были коричневыми, довольно мелкими – около полуметра – и не обратили на нас внимания. Чтобы обогнуть болото, пришлось взять восточнее. Лишь к вечеру оно кончилось, а мы смогли повернуть на запад и снова выехать к морю. Берег здесь тянулся низкий, песчаный. Против обыкновения, мы не остановились на ночлег и продолжали двигаться вперед при лунном свете. Идеально ровная полоса твердого песка позволяла ехать со скоростью до пятидесяти километров в час.

Незадолго до восхода красного солнца побережье сделалось скалистым, и нам опять пришлось свернуть вглубь материка. Так, случайно, мы открыли озеро. Его юго-западный берег, к которому мы выехали, был низким, а с востока озеро защищала цепь скал и холмов. Густые заросли темной рамой окаймляли водную гладь, покрытую легкой рябью; вода при лунном свете переливалась и флуоресцировала. Все было настолько мирным, настолько успокаивающим, что казалось почти нереальным. Опасаясь гидр – лишь позднее мы узнали, что для этих тварей подходит только солоноватая вода болот, – мы не стали приближаться и остановились на холме примерно в километре от озера.

Мишель сменил меня на посту. Я настолько устал, что заснул мгновенно, а когда открыл глаза, мне показалось, что спал я всего несколько секунд. Однако сквозь окна уже просачивался свет голубой зари, и Мишель стоял надо мной, приложив палец к губам. Потом, стараясь не шуметь, он разбудил сестру.

– Сейчас вы увидите зрелище, достойное богов!

Мы вышли и не смогли сдержать крик восхищения. Озеро лежало перед нами, густосинее с прозеленью, как толща льда на леднике, в пурпурно-золотой оправе. Прибрежные скалы оказались изумительного красного цвета, а деревья, трава и кустарник играли всеми оттенками желтизны. Лишь кое-где в этой гамме виднелись зеленые пятна, а холмы на востоке, над которыми вставал Гелиос, розовели, словно затопленные цветущим вереском.

– Как же красиво! – воскликнул я.

– Волшебное озеро, – подхватила Мартина. – В жизни не видела ничего подобного!

– Волшебное озеро – прекрасное название, – заметил Мишель.

– Мы его за ним и оставим, – сказал я. – Давай будить остальных.

Мы ехали по берегу озера весь день. Поверхность его слегка волновалась от доносившегося сюда морского ветерка. Недалеко от северной оконечности озера, за высокой скалистой грядой, снова оказалось болото, сообщавшееся с морем. Пока мы его объезжали, я решил связаться по радио с советом. В этот момент Бреффор заметил гидр. Маленькие гидры коричневой породы налетели целой стаей и закружились над грузовиком, как пчелиный рой. Впрочем, они не думали нападать, а только все время следовали за нами. Убедившись, что опасности нет, я попробовал вызвать деревню, но безуспешно. И не то чтобы аппарат молчал, наоборот, я никогда еще не слышал в эфире такого свиста, шипения и треска! Не зная, чем объяснить все эти помехи, я временно отказался от своего намерения. Внезапно без всяких видимых причин рой коричневых гидр оставил нас в покое.

Мы катили весь день и всю ночь. Когда занялась голубая заря, до нашего земного островка оставалось километров сто пятьдесят, не более. Но в деревню мы рассчитывали вер-

нуться только вечером, так как я хотел обследовать еще и ближайшие окрестности. Внезапно нас вызвал по радио совет, и мы узнали новости, которые спутали все мои планы.

Глава 6

Сражение с гидрами

Говорил Луи. Вот уже три дня гидры совершали непрерывные налеты. Накануне они убили троих крестьян и двух быков. Теперь они пикировали поодиночке и летали над самой землей, где ракеты против них были бессильны. Положение было критическим.

– Думаю, лучшим решением станет эвакуация с этого клочка земли, – ответил я. – За пределами болотистых зон мы не встретили ни одной гидры.

– Это будет не так-то и просто, но... Ну вот, возвращаются!

Из приемника отчетливо донесся вой сирены.

– Оставайся у микрофона, – сказал Луи. – Постараюсь держать вас в курсе. Возможно, лучше будет...

Серия оглушительных взрывов оборвала его на полуслове, затем послышались выстрелы. Все, кроме сидевшего за рулем Мишеля и устроившегося в башне Бреффора, сгрудились вокруг меня, у приемника. Ссви, крайне удивленный, также прислушивался, но радио молчало. Обеспокоенный, я начал вызывать. Послышалось хлопанье двери, потом, с трудом переводя дыхание, заговорил Луи:

– Поторопитесь! Постарайтесь, если это возможно, оказаться здесь еще до наступления темноты. Теперь эти гадины держатся ближе к крышам, и нам очень трудно стрелять в них из жилищ. А выйти наружу сродни самоубийству! Их тут по меньшей мере три тысячи! Прокатившись по улицам, вы сможете отстреливать их одну за другой. Но поспешите! Кое-где они уже срывают черепицу!

– Ты слышал, Мишель? Жми!

– И так уже выжимаю максимум, шестьдесят в час!

– Мы будем в деревне часа через два с небольшим, – проговорил я в микрофон. – Держитесь!

– Вы так близко? Повезло. На моей крыше сидят штуки две или три, но потолок тут крепкий. Досадно только, что я ни с кем не могу связаться по телефону.

– Ты один?

– Нет, со мной шестеро гвардейцев и Ида. Она просит передать Бельтеру, чтобы тот не беспокоился.

– А мой дядя?

– Заперся в обсерватории вместе с Менаром. Ему там ничего не грозит. Твой брат и инженеры – в убежище номер семь. У них ручной пулемет, и, похоже, они неплохо с ним управляют. Ну все, отбой. Нужно связаться с другими группами.

– Только никуда не выходи!

– Не волнуйся, не выйду.

Бреффор, наклонившись к нам из башни, прокричал:

– Тревога! Гидры!

Я взобрался к нему. Впереди, примерно в километре от нас, на высоте пятьсот-шестьсот метров плотной зеленой тучкой парило с сотню довольно-таки крупных гидр.

– Скорее ракеты, пока твари не разлетелись!

По бокам башни поднялись трубы ракетных подставок. Нагнувшись, я увидел, что Вандаль и Мартина уже укладывают ракеты на мобильные лотки с одной стороны, а Бельтер и Поль – с другой.

– Бреффор, вниз! Займись наводкой ракет. Я останусь у пулемета.

Я прицелился и скомандовал:

– Огонь!

Трассирующие снаряды улетели в направлении гидр, и тут же вслед за ними, оставляя белые хвосты, в небо взвились ракеты. К счастью, они взорвались в самой середине зеленого облачка, и сверху черным дождем посыпались клочья мяса. Уцелевшие гидры ринулись на нас, и с этого момента стрелял уже я один, сбив с десятков этих монстров. С минуту-другую остальные еще кружили над нами, потом, осознав свою беспомощность, они метнулись в сторону и умчались прочь над самой землей.

Уже без происшествий мы добрались до рудника. Там не было ни души. Через несколько секунд дверь одного из убежищ приоткрылась, и кто-то помахал нам рукой. Мишель подвел грузовик вплотную к убежищу, и я узнал старшего мастера, Жозефа Амара.

– Где остальные?

– Уехали в поезде. Они переделали его в бронепоезд и забрали с собой все оружие.

– А вы?

– Остался, чтобы предупредить вас. Звонили из совета, сказали, что вы должны подъехать. Парни из паровоза сварганили брандспойт, поливающий кипятком.

– Хорошо. Давайте к нам. Давно они уехали?

– И часа не прошло.

– Вперед, Мишель!

Амар изумленно уставился на Взлика:

– А это еще что за гражданин?

– Туземец. Объясню чуть позже.

Через десять минут до нас начали доноситься взрывы. Наконец мы увидели деревню. Все окна и двери были забаррикадированы, крыши некоторых домов были сплошь покрыты гидрами. Эти монстры не поднимались высоко над землей. Поезд рудника стоял на «вокзале»; его тяжелый пулемет палил по каждой гидре, отделявшейся от крыш.

– По местам! Поль – за руль. Мишель и Бреффор, берите ручные пулеметы. Мартина, Вандаль, подавайте мне ленты. Бельтер и вы, Амар, будете вторыми номерами при пулеметчиках. Взлик уложите в угол, где он не будет мешать. Готовы? Отлично! Давай, Поль, подъезжай к паровозу!

Рудокопы поработали на славу. С помощью металлических листов, бревен и досок они превратили свой поезд в настоящую крепость на колесах. Вокруг него на земле валялось уже около сотни вздувшихся мертвых гидр.

– Как, черт возьми, вы их столько насбивали? – спросил я у машиниста, которым оказался Бирон.

– Моя идея! Мы их ошпариваем. Впрочем, вот и другие пожаловали. Сейчас все сами увидите. Не стреляйте! – крикнул он тем, кто сидел в первом вагоне у пулемета.

– Не стреляйте! – повторил я для находившихся в грузовике. Приближалось десятка три, может, чуть больше гидр.

– Как только скажу, включай насос, – бросил Бирон своему кочегару, потом подхватил нечто вроде шланга и просунул в бойницу снабженный деревянной ручкой медный наконечник этого устройства. – Пусть ваш грузовик сдст чуть назад!

Монстры были уже метрах в тридцати, приближаясь с огромной скоростью. Внезапно навстречу им ударила струя кипящей воды и пара, сразу сбив не меньше десяти. Остальные, развернувшись, унеслись прочь. Тут же застрочил поездной пулемет, и я тоже открыл огонь.

– Ну вот! Ничего сложного, – сказал Бирон. – Мы бы убили и больше, если бы в первый раз я решился подпустить их поближе. Но я не осмелился, а теперь они вроде как осторожничают.

– И кто это придумал?

– Говорю же, я сам. Но без Сиприана, моего кочегара, мне вряд ли удалось бы все это исполнить.

– Отличная находка! Она сэкономит нам немало пуль. Нужно только будет попробовать усовершенствовать это ваше изобретение. Но я доложу о нем совету, и, полагаю, благодаря ему вам вернут ваши политические права. Сейчас мы двинемся в деревню. В каком доме может находиться Луи Морьер, не знаете?

– Думаю, на почте.

– Тогда начнем с почты! Все на своем посту? Что ж – вперед, не спеша. Цельтесь получше и стреляйте только наверняка!

До площади мы доехали, ни разу не подвергшись нападению. Крыша почты была зеленой от гидр. Каждая пуля попадала в цель, но, чтобы убить чудовище, одного выстрела порой оказывалось мало. Пустить в ход ракеты или пулемет я не решался, опасаясь ранить наших друзей. Вцепившись щупальцами в черепицу и глупо тараща глаза, гидры оставались недвижимыми. Эта неподвижность нас немного удивила: раньше они казались более сообразительными. Мы начали целиться тщательнее, стараясь сразу поразить нервный центр, и наконец очистили почту от живого покрова.

Над деревней взрывались ракеты. Раза два или три я слышал свистки локомотива, торжествующего новые победы кипятка. Освободив забаррикадированную изнутри дверь, Луи выскочил из дому и запрыгнул к нам в грузовик.

– Ну что? – спросил я.

– С вашим появлением дела пошли лучше, но эти мерзкие твари проникли в три дома. У нас с дюжину погибших.

– Кто именно?

– Альфред Шарнье, его жена, одна из их дочерей. Пятеро крестьян, чьих имен я не знаю. Мадлен Дюше, актриса, и трое рабочих. Повреждена телефонная линия – где-то между почтой и заводом. Постарайтесь ее восстановить, а то я не знаю, что там, наверху, творится. Я возвращаюсь на почту.

Мы поехали вдоль телефонной линии. Метрах в пятидесяти от места обрыва на крыше дома притаились три гидры. Подхватив кусок медного провода, я спрыгнул на землю и начал сращивать оборванные концы. Едва я закончил, как застрекотал пулемет: гидры ринулись на меня. Пользуясь уже привычной тактикой, я бросился плашмя на землю, а когда гидры проскочили мимо, запрыгнул в грузовик. Мне пришлось еще дважды возобновлять эту необычную игру, в которой я рисковал жизнью.

Затем мы приступили к очистке крыш. Действуя по заранее намеченному плану, мы начали с площади, и уже через час здесь все было кончено. Мы выехали на главную улицу, но не успели сделать и нескольких выстрелов, как все гидры, словно по сигналу, поднялись в небо. Тотчас же захлопали двери, мужчины и женщины выскакивали из домов с реактивными минометами, и в течение следующих пары минут вслед чудовищам взлетело как минимум полторы сотни ракет. Все небо было усеяно пятнами: зелеными, от гидр, и черными, от разрывов. Поднявшись еще выше, гидры образовали облако и скрылись из виду.

– Я должен сообщить тебе кое-что любопытное, – сказал Луи. – Как только появились гидры, тебя стало почти не слышно. Помехи были просто ужасными.

– Странно, – заметил я. – Нечто похожее я замечал, когда над нами кружили маленькие коричневые гидры. Неужели эти гадины подают друг другу что-то вроде радиосигналов? Это могло бы объяснить великолепную координацию их действий. Нужно поговорить об этом с Вандалем.

Совет собрался тем же вечером. За вычетом погибших старика-кюре и Шарнье нас осталось семеро. Я вкратце рассказал об экспедиции и в присутствии других членов нашего экипажа, находившихся на заседании в качестве консультантов, представил совету Взлика. Затем

Луи ввел нас в курс тех проблем, что возникли в наше отсутствие, – самой серьезной из них была новая тактика гидр. Теперь они прилетали ночью и укрывались в зарослях, откуда внезапно набрасывались на прохожих. Это привело к тому, что люди почти перестали выходить куда-либо поодиночке – лишь вооруженными группами.

– По радио ты предложил – добавил он, – переселиться поближе к Сигнальной горе. Я только за, но как это сделать? Если переезжать на грузовиках, нам не хватит горючего, а пройти пешком такой путь между гидрами и ссви... И нам придется оставить здесь всю технику! Даже на грузовиках мы не сможем перевезти локомотивы, станки и так далее.

– Я представляю все совсем по-другому.

– Но как тогда? Может, на самолете?

– Нет, на корабле.

– И где ты возьмешь его, этот корабль?

– Думаю, Этранж сможет сделать чертежи. Я не прошу у него сверхмощный эскадренный миноносец со скоростью пятьдесят узлов – нет, нам хватит и небольшого грузового суденышка. Наша территория расположена у самого моря. Именно так – морем – мы доберемся до устья Дордони. Саму реку я исследовал от устья до одного места, расположенного в двухстах километрах от Кобальт-Сити, и она бесспорно судоходна. Всюду, где я делал замеры, глубина была более десяти метров. Море показалось мне спокойным. В конечном счете нам придется пройти не более семисот километров и еще двести пятьдесят по реке.

– И за счет чего он будет ходить, этот корабль? – спросил мой дядя.

– Поставим большой дизель с завода или паровую машину. Но вот горючее... Будь у меня оборудование для буровой, я и сам бы проверил, глубоко ли здесь нефть.

– Да есть оборудование, – заметил Этранж. – Все, что нужно. Когда проектировали вторую плотину, тут бурили пробные скважины, после чего весь буровой инструмент остался на заводском складе. Как раз перед самой катастрофой я получил письмо с предупреждением о том, что оборудование вскоре заберут.

– Вот как! Похоже, нам повезло больше, чем швейцарскому робинзону!⁸ И до какой глубины доходила ваша буровая установка?

– Метров до шестисот-семисот.

– Черт возьми! Но к чему такой зондаж при постройке плотины?

– Мне всегда казалось, что компания, которая вела работы, заодно искала что-то другое.

Но нам это только на руку. Кстати, среди моих рабочих есть трое парней, которые работали на Аквитанских нефтяных приисках.

– Прекрасно! Завтра же приступаем к работе. Все согласны покинуть эти места?

– Я – за голосование, – заметила Мари Прель. – Понимаю, здесь оставаться опасно, но отправиться в страну этих вот... – Она указала на ссви, который молча прислушивался к разговору.

– О! С ними, я думаю, мы сможем ужиться, – возразил Мишель. – Но, конечно же, лучше проголосовать.

Подсчет голосов выявил два против – так проголосовали Мари Прель и учитель – и пять за.

– Знаете, дядя, я не могу гарантировать, что нам удастся перевезти обсерваторию, – предупредил я. – По крайней мере, сразу точно не получится.

– Понимаю. Но если мы останемся здесь, то все здесь и сгинем.

⁸ Имеется в виду роман швейцарского писателя Иоганна Давида Висса «Швейцарский Робинзон» (1812), в котором семья после кораблекрушения оказывается выброшенной на один из необитаемых островов в нынешней Индонезии.

Часть четвертая Города

Глава 1 Исход

Через несколько дней мы отправились на разведку нефти: впереди ехал я на нашем броневике, за мной – три машины с оборудованием и еще один грузовик с горючим для мотора буровой. Мы приступили к работе немедленно. Как я и предполагал, нефть залегала неглубоко: мы дошли до нее, пробурилив скважину глубиной всего в восемьдесят три метра. Не без труда наполнив цистерну наскоро оборудованного нефтевоза, мы отправили его в деревню, где уже сооружалась установка для перегонки нефти. Несмотря на свою примитивность, она дала бензин приличного качества.

Я пробыл на буровой два месяца. Взлик совершенно выздоровел и приехал ко мне; он делал удивительные успехи во французском языке, и мы болтали с ним, как земляки. Кроме того, он оказался прекрасным разведчиком; зоркий и неутомимый, он мог развивать скорость до девяноста километров в час.

Каждый вечер я связывался по радио с советом. Чертежи судна были уже готовы, завод приступил к изготовлению отдельных частей, но жить в деревне становилось день ото дня все более и более страшно. Гидры нападали постоянно, бороться с ними было трудно, и мы потеряли еще семнадцать человек и много скота. Новости и письма на буровую привозили шоферы нефтевозов; водители проклинали все на свете каждый раз, когда им приходилось возвращаться с грузом на земную территорию.

Затем, оставив вместо себя на скважине бурового мастера, я вместе с Взликом перебрался в деревню. За два месяца здесь многое изменилось. По краям полей всюду стояли легкие, но достаточно прочные убежища, чтобы крестьяне могли без особого риска собирать урожай. Завод выпускал большое количество рельсов, у нас не было прокатного стана и приходилось их отливать; рельсы получались грубыми, но достаточно прочными. Большая часть их пошла на сооружение железной дороги к побережью, где работала корабельная верфь. Киль судна уже стоял на месте. Оно должно было иметь сорок семь метров в длину, восемь в ширину и, по расчетам Этранжа, ходить со скоростью семь-восемь узлов. Рядом с верфью возвышались резервуары для горючего. К тому времени у нас было в запасе уже сорок тысяч литров.

Восемь месяцев мы работали с предельным напряжением. За это время мы закончили корпус корабля и благополучно спустили его на воду. Теперь нужно было оборудовать судно внутри и построить мол для погрузки. К концу второго года пребывания на Теллусе наш первый корабль отправился в пробное плавание. Он хорошо принимал волну, имел незначительную бортовую качку, однако его крейсерская скорость не превышала шести узлов. Мишель и Бреффор совершили быстрый рейс до окрестностей Кобальт-Сити; они взяли с собой семена земных трав, чтобы к тому времени, когда мы перевезем скот, на месте уже хватало привычного для наших животных корма. С ними поплыл Взлик, которому мы поручили переговоры с его племенем. Потом он должен был нас встретить у слияния Дордони с Дронной. Перед отплытием Взлик сообщил интересную подробность: оказывается, в Дронну впадал узкий, но довольно глубокий приток, который протекал всего километрах в тридцати от облюбованного нами места. Мишель исследовал эту речку: наш корабль не дошел до Кобальт-Сити на пятьдесят километров, но ниже по течению река была вполне судоходной.

Тем временем мы построили баржу с небольшой осадкой, которую можно было вести на буксире. И вот через два с половиной земных года на Теллусе начался великий исход: первый караван отплыл на юг. На судне было семьдесят пять человек, оружие, инструменты, рельсы, листы дюрала и стали. Я был капитаном, Мишель и Мартина – моими помощниками. На баржу погрузили заводской паровозик, разобранный подъемный кран и горючее. Плыли осторожно, ощупью, все время измеряя глубину. Иногда приходилось удаляться от побережья, но море оставалось спокойным.

Обычно я стоял на носу корабля или на капитанском мостике. Вода была удивительно-зеленой. Неясные тени мелькали в ней вокруг судна, и сердце мое каждый раз сжималось от беспокойства: кто знает, какие чудовища могут обитать в этих глубинах! «Победоносный» – так мы окрестили нашего первенца – был вооружен крупнокалиберным и малокалиберным пулеметами, но все облегченно вздохнули только тогда, когда наконец дошли до устья Дордони.

Мы двинулись вверх по течению самым малым ходом, и, как оказалось, не зря. Несмотря на небольшую осадку, я дважды наткнулся на мели в устье реки, – к счастью, было время отлива, и с приливом судно пошло дальше.

Члены нашего экипажа, кроме Мишеля и нас с Мартиной, еще не сталкивались с животным миром Теллуса, если не считать гидр. Легко представить, с каким изумлением смотрели они на невиданных зверей. Как-то вечером одному тигрозавру удалось перепрыгнуть с берега прямо на палубу и ранить двух людей, прежде чем его расстреляли в упор из пушки. А когда мы были недалеко от устья Дронны, по берегу галопом промчались два ссви. Несколько минут спустя в том направлении, куда они скрылись, поднялись три столба дыма: условный сигнал Взлика.

Он ожидал нас один на мысу при слиянии двух рек. Около пятидесяти ссви его племени, построившись клином, стояли метрах в ста позади.

– Привет! – проговорил он свистящим голосом.

– Привет, Взлик, – ответил я.

«Победоносный» остановился, но якорь не бросил – возможны были любые неожиданности.

– Поднимайся на борт, – предложил я.

Взлик бросился в воду и взобрался на борт по пассажирскому трапу. В этот момент из люка машинного отделения высунулся механик и разинул рот.

– Стало быть, вот с этими гражданами нам и придется жить? – пробормотал он.

Взлик повернулся и ответил:

– Они не злые, вот увидишь.

У механика была такая изумленная физиономия, что это невозможно описать.

– Ну и ну! Он говорит по-французски!

Его поведение меня удивило, но потом я вспомнил, что большинство жителей деревни видели ссви лишь мельком: он почти всегда был со мной, а я большую часть времени пропадал в экспедициях.

Ко мне присоединились Мишель и Мартина.

– Ну что, Взлик, – сказала Мартина, – каким будет ответ на наши предложения?

– Мы выбрали мир. Мы уступаем вам Сигнальную гору, которую называем Нсса, и территорию между Везером, Дордонью и Дронной до Неведомых гор – по-нашему Бссер, – но сохраняем постоянное право прохода через эти земли. Взамен вы даете нам железо, столько, сколько понадобится для нашего оружия, и будете помогать нам в борьбе с черными ссви, или сслвирами, с тигрозаврами и голиафами. Вы можете проходить через наши земли и рыть в них свои ямы, но не охотиться. Для этого нужно спрашивать разрешения у совета племени.

– Мы согласны, – сказал я. – Что касается железа, то нам понадобится время для его добычи.

– Это мы знаем. Я уже рассказал ссви, как вы достаете его из земли. Совет вождей хотел бы вас видеть.

– Хорошо, идем.

Мы спустили на воду ботик и сели в него втроем: Взлик, Мишель и я. Мартина осталась на судне, незаметно приблизившись к пушке.

– Be quiet, but careful⁹, – сказал я ей на скверном английском, чтобы Взлик не понял.

Четыре хороших гребка – и ботик ткнулся носом в берег. Дюжина ссви приблизилась, разглядывая нас. Нам казалось, что все они совершенно похожи друг на друга, и, если бы Взлик смешался с остальными, мы уже не смогли бы его найти. Позднее, попривыкнув к их виду, мы, конечно, отличали знакомых ссви, хотя, по совести говоря, разница между ними была гораздо меньше, чем между людьми.

Взлик в нескольких словах передал, что мы приняли все условия. Ссви ответили традиционным приветствием, которое нисколько не напоминало цветистой речи земных дикарей из приключенческих романов моего детства. Тогда в залог дружбы я вручил каждому по отличному стальному ножу, такому, какой уже был у Взлика. Судя по словам благодарности, подарок им понравился, но лица их не дрогнули.

Мы вернулись на судно вместе с Взликом и медленно двинулись вверх по течению. Там, где Иль – так я назвал эту речку – изгибается широкой излучиной, нам пришлось остановиться: дальше начинались пороги. Здесь река образовывала спокойную заводь шириной метров двести; в северный берег вдавалась небольшая бухточка, словно наметка будущего порта. Лучшего места было не найти. Я решил приступить к разгрузке, но уже темнело; мы бросили якорь и переночевали посредине реки.

Весь следующий день мы валили деревья для постройки пристани. Через неделю она была готова. Уложив рельсовый путь, мы приступили к самой сложной операции – выгрузке подъемного крана. Даже в разобранном виде он был невероятно тяжел, и нам не удалось избежать несчастья: около полудня один рабочий, двадцатипятилетний Леон Бельер, поскользнулся и был раздавлен упавшей на него балкой. Но горевать было некогда; мы похоронили юношу и в память о нем назвали эту бухту Порт-Леон.

Когда справились с краном, работать стало сразу легче. Тем не менее выгрузка паровозика и трех вагонов доставила нам немало хлопот. Зато потом все остальное мы разгрузили играючи.

Мишель принял от меня командование судном, и «Победоносный» уплыл, а мы, оставшиеся шестьдесят человек, приступили к постройке бревенчатого форта, в котором можно было бы укрыться от тигрозавров и даже от ссви, если тем вдруг вздумается на нас напасть. Мы держали постоянную связь с советом по радио. Бригада дорожников сразу начала укладывать рельсы железнодорожной ветки длиной пятьдесят километров, которая должна была связать Порт-Леон с Кобальт-Сити.

Мы успели уложить всего четыре километра пути, использовав на это весь запас рельсов, когда «Победоносный» вернулся с новым грузом. Этот рейс продолжался двадцать три дня. Нам доставили большое количество горючего, рельсов и маленький экскаватор. На судне прибыли также пятьдесят человек рабочих. С третьим рейсом приплыли первые семьи, женщины с детьми. Положение в деревне к тому времени немного улучшилось, однако гидры продолжали прилетать каждый день.

Со следующим рейсом привезли несколько коров и овец, которых мы выпустили на участок, засеянный земными травами. Каждый вечер их загоняли в хлев при форте, опасаясь бро-

⁹ Не дергайся, но будь начеку (англ.).

дивших поблизости тигрозавров. Нам пришлось убить штук пять-шесть, прежде чем удалось отвадить их от наших пастбищ.

По мере того как прибывали новые переселенцы, для них сразу строили временные хижины из расчета две комнаты на семью. Холостяки, которых, кстати, становилось все меньше и меньше, жили в общежитии. Постепенно Порт-Леон приобретал облик типичного городка американских пионеров Дикого Запада, только без стрельбы из револьверов и без салунов.

Настроение у всех было приподнятое: все были счастливы избавиться наконец от гидр. Железнодорожная ветка удлинялась с каждым днем. Сначала был отвоеван двадцатый километр, потом тридцатый, за ним – сороковой. В конце железнодорожного пути появилась деревушка-крепость, которая двигалась вперед вместе с дорогой.

И вот настал день, когда дорога дошла до долины, где должна была вырасти наша столица. К тому времени в земной деревне осталось всего человек полтора – в основном рабочие, разбиравшие заводское оборудование под руководством инженеров. С ними были мой дядя и Менар: зная, что перевезти обсерваторию невозможно, они решили уехать с последним рейсом. Перед отъездом все здания были тщательнейшим образом законсервированы до поры до времени, пока у нас не появятся более совершенные транспортные средства.

Мы, разумеется, не могли взять с собой большой телескоп с зеркалом пять с половиной метров диаметром, но два других телескопа, в полметра и метр восемьдесят сантиметров, нам все-таки удалось перевезти.

О тех днях новоселья у меня остались самые светлые воспоминания. Наши дома, построенные наполовину из бревен, наполовину из дюраля, стояли по склонам долины в живописном беспорядке. Многочисленные животные бродили вокруг, но среди них не было ни тигрозавров, ни голиафов: чаще всего мы видели мирных травоядных или мелких хищников, напоминавших наших лисиц или кошек. Кстати, земные деревенские кошки размножились необычайно быстро и очень помогли нам, уничтожая маленьких грызунов, покушавшихся на посевы.

Мы начали добывать цемент из мергеля ближайших скал. В первую очередь мы построили цеха металлургического завода, в трехстах метрах от выходов каменного угля. Как только прибывали станки, их немедленно устанавливали на подготовленные места. И скоро завод заработал.

В тот памятный день я женился на Мартине. Свадьба была очень простой, чисто гражданской, потому что ни я, ни она не верили в Бога. Она стала не первой на Теллусе: Бельтер и Ида поженились в Кобальт-Сити на два месяца раньше нас. Но поскольку, по словам Взлика, это была «свадьба вождей», ссви прислали целую делегацию с подарками. Взлик рассказал им, что я больше всего люблю камни, и передо мной высыпали целую кучу всевозможных образцов, среди которых попало несколько очень красивых полудрагоценных камней и кусок превосходной медной руды. Последняя обрадовала меня больше всего. Я спросил, где ее нашли, и ссви показали мне место к юго-востоку от пика Тьмы. Месторождение оказалось необычайно богатым.

Давно уже я хотел посетить племя Взлика, да все не было случая, а тут свадьба, и мы решили отправиться к ссви в «свадебное путешествие» на нашем верном броневике. Мост, когда-то построенный нами через Везер, сохранился: ссви пользовались им и берегли его. К вечеру мы добрались до пещер. Они были расположены под самым гребнем довольно крутого, обращенного на запад обрыва, у подножия которого струился ручей.

Взлик заранее предупредил соплеменников о нашем приезде. Нас встретили и провели к вождю племени – очень старому ссви с зеленоватой от времени кожей. Он лежал на толстой подстилке из сухих трав в большой открытой пещере, все стены которой были покрыты удивительно живыми изображениями голиафов и тигрозавров, пронзенных стрелами. Среди этих изображений, наверняка имевших магическое значение, мы вдруг увидели себя: люди и гру-

зовики были нарисованы довольно точно. Однако стрелы были тщательно стерты! Эта деталь позабавила и одновременно обрадовала нас.

Я был поражен чистотой, царившей в пещерах ссви. Входы в них довольно плотно закрывались щитами из кож, натянутых на деревянные рамы. Внутри горели светильники, заправленные растительным маслом.

– Их цивилизация мало чем отличается от человеческой! – заметила Мартина.

– Так и есть. И я даже полагаю, что их образ жизни – практически тот же, что и у наших предков времен палеолита. Разве что ссви более чистоплотны.

Старый Слиук – так звали вождя – при виде нас встал и через Взлика обратился к нам со словами приветия. За спиной Слиука на каменной стене висело его оружие: большой лук, стрелы и дротики. На вожде не было никакой одежды, если не считать ожерелья из сверкающих камней.

Я вручил ему нож и стальные наконечники для стрел, а также маленькое зеркальце, которое поразило ссви больше всего. В продолжение всего ужина – теперь мы знали, что теллусийская дичь съедобна, и ели без опаски – он не выпускал зеркало из рук.

Ссви очень внимательны к своим женам и вообще проявляют о них заботу, даже удивительную для такого примитивного уровня развития. «Женщины»-ссви меньше ростом, более коренасты, и кожа у них светлее, чем у «мужчин». Мне показалось, что Взлик и дочь вождя, Ссуай, знают друг друга более чем хорошо, и это меня искренне порадовало. Если Взлик после смерти своего тестя станет вождем племени, наш союз должен упрочиться.

Мы пробыли у ссви неделю. Я подолгу разговаривал с Взликом, расспрашивая обо всем, о чем не успел спросить раньше. Постепенно я уяснил себе устройство их общества. В отличие от сслвилов, черных ссви, коричневые ссви придерживаются единобрачия. В племени четыре рода с родовыми вождями; роды объединяются только в случае войны или для большой охоты. Всего племя насчитывает около восьми тысяч ссви, включая «женщин» и детей. Племя входит в союз, насчитывающий еще десять племен, однако все они собираются вместе лишь в случае особой опасности. Основное занятие ссви – охота, но они занимаются также примитивным «земледелием»: разбрасывают семена и собирают урожай два раза в год. Они умеют коптить мясо и могут таким образом делать запасы.

Со всех сторон, кроме северной, племя ссви окружают их исконные враги – черные сслви. Далеко на юге обитают другие племена – красных ссви. Легенды говорят, что когда-то там была их прародина.

Ссви относятся к разряду яйценосных. Самки откладывают в год по два яйца величиной со страусиное. Через месяц из насиженного яйца появляется совершенно сформированный маленький ссви, который сразу может питаться самостоятельно. Родственные связи за пределами семьи у ссви практически отсутствуют. Живут ссви очень долго, по сто – сто десять земных лет, если только не погибают на войне, что, впрочем, случается довольно редко. Как правило, все отличаются беззаветной храбростью. В то же время ссви слишком воинственны. Они свято соблюдают верность союзникам и убивают врагов не из ненависти, а только потому, что это враг. Внутри племени нет никакого воровства. По отношению к врагам – другое дело! Здесь они мастера. С точки зрения интеллекта ссви почти ничем не уступают людям и по сравнению с людьми обладают поразительной восприимчивостью. Но прошу меня извинить, я рассказываю о том, что вы давно уже знаете, ибо со временем ссви настолько вошли в нашу повседневную жизнь, что сегодня многие из них стали рабочими, а некоторые даже математиками.

На обратном пути от ссви мы завернули в Порт-Леон. «Победоносный» только что вернулся из последнего рейса с грузом черепицы и кирпича. Он привез также средний телескоп диаметром сто восемьдесят сантиметров и последних жителей деревни. С ними были мой дядя и Менар.

Глава 2 Самолет

Прошло более года по земному времени. Если считать по-старому, мы жили на Теллусе уже пятый год. Согласно вычислениям Менара, это соответствовало трем теллусийским годам.

Кобальт-Сити постепенно преобразался. Теперь это был оживленный поселок городского типа, насчитывающий более двух с половиной тысяч жителей, с собственной электростанцией, литейными мастерскими и заводом; поселок, окруженный вспаханнами полями, на которых колосились пшеница и *скин*, местный злак. Имелись небольшая больница, где Масакр готовил будущих врачей, школа и даже зародыш университета, где я, в свою очередь, преподавал пять часов в неделю. Тучные стада паслись на ближайших холмах, где земные травы все больше вытесняли теллусийскую растительность. Мы добывали уголь, железо и другие металлы, но ровно столько, сколько нам было необходимо. Железнодорожная ветка соединяла нас с расположенным пятьюдесятью пятью километрами севернее Глиноземным поселком, где сорок человек работали в карьере, поставляя заводу бокситы. В Порт-Леоне насчитывалось шестьсот жителей. Одержимый мечтами о дальнейших исследованиях, я заложил там верфь, на которой достраивался более быстроходный корабль, чем наш «Победоносный». Первейшей задачей инженеров было изготовить другие станки, более совершенные, чем имевшиеся у нас.

Каждые двадцать дней по уже наезженной дороге к Нефтяному источнику, расположенному в восьмистах километрах, отправлялись два нефтевоза. Скважина быстро истощалась, и я знал, что вскоре можно будет отозвать шестьдесят человек, которые ее обслуживали. Впрочем, в запасе у нас имелось несколько десятков тонн бензина и мазута, к тому же я уже обнаружил новый нефтеносный район всего в сотне километров от города.

Короче говоря, все шло так, что, если бы не случайные встречи с прогуливающимися по нашим улицам ссви да не два солнца и три луны в небе, можно было бы подумать, будто мы вернулись на Землю. Вот тогда-то и произошло самое значительное событие с момента нашего прибытия на Теллус.

В тот вечер я засиделся в своем рабочем кабинете на первом этаже нашего небольшого дома, разбирая заметки и приводя в порядок наспех набросанные черновики геологических карт. Прежде чем отправиться спать, я подошел к радиоприемнику и, связавшись с нефтяными скважинами, дал кое-какие инструкции бригадиру, после чего поднялся наверх, забыв выключить приемник. Я проспал, наверное, не более получаса, когда меня разбудила Мартина:

– Прислушайся, внизу кто-то разговаривает!

– Вероятно, это на улице...

Я подошел к окну, открыл его. Кругом было темным-темно, улица казалась пустынной. Город спал. В окнах не светило ни огонька. Только прожектор на сторожевой вышке описывал медленные круги, выхватывая из мрака дом за домом.

– Тебе, должно быть, почудилось, – проговорил я и лег обратно в постель.

– Да вот, опять начинается!..

Весь обратившись в слух, я действительно услышал какие-то звуки.

– Ерунда! – пробормотал я уже в полусне и спокойно объяснил полузабытыми земными словами: – Наверное, просто забыл выключить радио...

И тут сон мой как рукой сняло.

– Черт возьми, но кто может вызывать в такой час?

В два прыжка сбежав вниз, я подскочил к приемнику. Лампы горели, но эфир молчал. Через окно я видел усеянное звездами небо; луны, должно быть, уже зашли. И вдруг из динамика прозвучал голос:

– Here is W. A., calling New-Washington... Here is W. A., calling New-Washington...¹⁰

Затем – тишина. И снова:

– Here is W. A...

Звук был очень чистый. Должно быть, передающая станция находилась где-то поблизости.

– Слушай! – снова сказала мне Мартина.

Я замер, затаив дыхание. Послышалось легкое жужжание.

– Неужели самолет?

Я подскочил к окну. Среди звезд медленно перемещался крошечный огонек. Бросившись к аппарату, я начал лихорадочно крутить ручки настройки, пытаюсь найти волну, на которой шла передача.

– W. A. W. A. Who are you? – прокричал я в передатчик на ломаном английском. Наконец я нашел нужную длину волны. – W. A. Who are you? Here is New-France!¹¹

Я услышал приглушенный возглас, и кто-то ответил на прекрасном французском:

– Говорит американский самолет «Вашингтон». Где вы?

– Под вами. Сейчас зажгу свет снаружи.

Теперь самолет кружил над нашими головами.

– Вижу ваши огни. Ночью сесть невозможно. Вернемся позже. Сколько вас и кто вы?

– Около четырех тысяч. Все французы. А вас?

– В самолете – семеро. В Нью-Вашингтоне – одиннадцать тысяч: американцы, французы, канадцы и норвежцы. Оставайтесь на этой волне. Мы продолжим вас вызывать.

– Давно вы вылетели?

– Десять часов тому назад. Это разведочный полет. Вернемся к вам днем. Сейчас направляемся на юг. Не вызывайте нас, но пусть кто-нибудь дежурит у приемника. Сейчас будем вызывать Нью-Вашингтон. Очень рады узнать, что мы здесь не одни. До скорого...

И голос снова перешел на позывные:

– Here is W. A...

Затем последовал долгий разговор, который я плохо понял. По всей видимости, пилот сообщал о том, что обнаружил нас.

Не в силах усидеть дома, мы бросились будить моего брата, проживавшего в одном доме с Луи и Бреффором метрах в ста от нас, потом моего дядю, Мишеля, Менара, всех прочих членов совета. В конечном счете мы переполошили весь город. Я позвонил даже в Порт-Леон и, сообщив о самолете, приказал ускорить работы на «Отважном». Наконец наступило утро, и мы начали готовиться к достойной встрече летчиков: расчистили обширную площадку с твердой почвой и выложили белую стрелу, указывавшую направление ветра. Потом я вернулся к приемнику, у которого постоянно находилась Мартина.

– Ничего?

– Пока ничего.

– Не могло же нам это присниться!

В томительном ожидании прошло два часа. Вокруг приемника собралась целая толпа. Мой рабочий стол, к которому обычно даже Мартина не осмеливалась прикоснуться, бесцеремонно толкали, но мне было не до того. В мэрии, где стоял такой же приемник-передатчик, происходило то же самое. И вдруг:

– «Вашингтон» вызывает «Новую Францию»! «Вашингтон» вызывает «Новую Францию»!

– «Новая Франция» слушает! Говорите!..

¹⁰ Говорит «Вашингтон», вызываем Нью-Вашингтон... Говорит «Вашингтон», вызываем Нью-Вашингтон... (англ.)

¹¹ «Вашингтон», кто вы? Говорит «Новая Франция»! (англ.)

– Мы летим над материком, близ экватора. Отказали два мотора из четырех. Не думаем, что сможем вернуться. Связаться с Нью-Вашингтоном невозможно. Слышим вас очень плохо. На случай, если мы погибнем, вот координаты Нью-Вашингтона: сорок один градус тридцать две минуты северной широты. Долгота – шестьдесят два градуса двенадцать минут к западу от вас.

– Где вы сейчас?

– Примерно на восьмом градусе северной широты и двенадцатом от вас градусе долготы.

– Оружие у вас имеется?

– Да. Бортовые пулеметы и ружья.

– Постарайтесь приземлиться. Мы вас найдем. Будем у вас, – я быстро прикинул в уме, – дней через двадцать – двадцать пять. У животных, которые похожи на носорогов, мясо съедобное. Не ешьте незнакомые фрукты!

– Если экономить, нам хватит запасов где-то на месяц. Идем на посадку, начинает глохнуть еще один мотор.

– Остерегайтесь гидр, если таковых увидите! Главное – не подпускайте их близко!

– Что еще за гидры?

– Что-то вроде летающих спрутов. Вы легко их узнаете. Сразу же стреляйте!

– Вас понял. Приземляемся на какую-то равнину, между очень высокими горами и морем. До встречи...

Передача оборвалась. Встревоженные, мы замерли в ожидании. Где-то там, за шесть с лишним тысяч километров от нас, семеро человек сражались за свою жизнь. Мы прождали целый час, и лишь тогда чей-то голос произнес:

– Получилось. Самолет частично развалился, но мы все живы. К сожалению, нам пришлось слить почти все топливо, да и наши аккумуляторы сильно разряжены. На связь выходить сможем редко – исключительно для того, чтобы задавать вам нужное направление.

– Мы сообщим, когда тронемся в путь. Связываться с вами будем каждые двадцать четыре часа по земному времени. Сейчас у нас девять тридцать семь. Мужайтесь. До встречи!

Я тут же выехал в Порт-Леон. «Отважный» был уже на плаву. В тот же день мы провели испытания. То было небольшое суденышко, длиной сорок восемь метров при ширине пять, грузоподъемностью около ста сорока тонн. Два очень мощных дизеля с демонтированного завода сообщали ему скорость до двадцати пяти узлов. При средней скорости в двенадцать узлов оно могло проплыть без заправки более десяти тысяч миль. Учитывая наши ограниченные возможности, то был настоящий шедевр кораблестроения!

«Отважный» имел на вооружении тяжелый двадцатимиллиметровый пулемет, а поскольку патронов к нему было мало, еще и ракеты. Со времен героического сражения с гидрами мы значительно усовершенствовали это оружие. На носу и на корме судна стояли спаренные установки, с которых могли одновременно взлетать четыре ракеты весом по двенадцать килограммов каждая: с приемлемой точностью они били на пять километров. По бортам располагались установки меньшего калибра, бившие зато на семь километров.

Наскоро испытав корабль – мы прошли на нем до устья Дордони и обратно, – я распорядился погрузить продовольствие и боеприпасы. Уже на следующий день мы отправились в путь.

Команда состояла из двенадцати человек. Штурманом был Мишель, старшим механиком – Бирон. Из остальных пятеро когда-то служили на флоте. Я, в свою очередь, трижды переплыл Средиземное море на маленьком паруснике одного своего приятеля и был знаком с основами навигации. Мы захватили с собой небольшой, специально оборудованный грузовичок – уменьшенную копию нашего броневика – и радиопередатчик.

Мы неспешно спустились по реке. На выходе из эстуария я послал позывные. Экипаж самолета коротко отозвался, и «Отважный» тут же закачался на волнах – мы были в море.

Как только мы отошли на милю от берега, я приказал взять курс на юг. Побережье здесь представляло собой плоскую травянистую саванну. По словам тех немногих ссви, которые сумели вернуться с этой вражеской территории живыми, такая же саванна простиралась вглубь материка, вплоть до высокой цепи гор, невидимой с моря.

Мы с Мишелем стояли на мостике. Судно шло со скоростью двенадцать узлов, моторы работали бесперебойно, море было спокойным. Не найдя себе другого занятия, я взял пробы морской воды и сделал анализ в нашей маленькой лаборатории: вода оказалась богатой хлоридами. Замедлив ненадолго ход, мы бросили примитивный трал. Когда его вскоре вытащили на палубу, он был полон рыбы всевозможных пород: одни походили на земных рыб, другие имели самые неожиданные формы.

Вечером солнце утонуло в сиянии багряного заката. Несмотря на то что Гелиос по сравнению с нашим старым земным Солнцем кажется совсем голубым, закаты на Теллусе отличаются обилием красных тонов, потому что слой атмосферы здесь гораздо толще. С наступлением ночи мы сбавили ход до шести узлов, хотя луны светили достаточно ярко, – я совсем не хотел, чтобы «Отважный» напоролся на неизвестный нам риф. К рассвету мы были уже в четырехстах пятидесяти километрах от порта отправления.

Берег, к востоку от нас, по-прежнему оставался низким и плоским. К полудню перед нами возник запутанный лабиринт островков и песчаных мелей; не решаясь углубиться в неизвестные проливы, я предпочел взять курс в открытое море, и вскоре земля исчезла из виду. Мы установили очередность несения вахты: я дежурил первым, Мишель – вторым, а наш боцман, монتانьяр по происхождению, прослуживший пятнадцать лет во флоте, – третьим.

На четвертый день, хотя мы все время шли одним курсом – прямо на юг, вдали опять показалась земля, изгибающаяся на юго-запад, если только это не был какой-нибудь остров. Мы находились на тридцать втором градусе северной широты. Было жарко, но вполне терпимо. Вечером того же дня мы увидели вдали нечто огромное и черное, резвящееся в морских волнах. На всякий случай я приказал завести ракеты в направляющие желоба и быть наготове, но морское чудище удалилось, так нас и не потревожив. Установив радиокontakt с Кобальт-Сити, я узнал, что, несмотря на все усилия, связаться с Нью-Вашингтоном им пока не удалось. Берег снова скрылся из вида. Утром я едва не распорядился взять курс на восток, но впередсмотрящий заметил прямо по курсу землю. Я решил сделать разведку. Вымеряя глубину лотом, мы подошли метров на двести к пустынному голому берегу. Мишель определил координаты: девятнадцать градусов пять минут сорок четыре секунды северной широты, восемнадцать градусов двадцать две минуты западной долготы по отношению к Кобальт-Сити. Скорее всего, это был мыс какого-то острова. Сначала я хотел высадиться, но потом отказался от этой мысли, и мы двинулись на юго-восток.

Мы снова вызвали самолет и долго не получали ответа. Через два часа они сами связались с нами и сказали, что только что отбили атаку гидр, только не зеленых, а коричневых, но гигантских размеров – от двенадцати до пятнадцати метров длиной.

Без особых происшествий, если не считать крупной зыби, которая «Отважному» была нипочем, мы достигли земли, где опустился самолет, – материка, который, по словам летчиков, был отделен от того, на котором стоял Кобальт-Сити, широким проливом. Чтобы отыскать пролив, нам пришлось осторожно подняться на север. Обогнув огромный полуостров, мы сместились вдоль берега как минимум еще десять градусов широты. Стояла невыносимая жара, и нам пришлось надеть широкополые шляпы и то и дело поливать водой металлическую палубу. Временами море исчезало в густом и душном тумане, еще более невыносимом, чем ослепительное сияние Гелиоса.

Наконец, уже вечером, мы подошли к той точке берега, откуда, по нашим расчетам, до самолета по суше было ближе всего. Вид берега привел нас в уныние: то был настоящий мангровый лес, где деревья поднимались прямо из моря и теснились на илстых, топких отмелях,

где кишмя кишели всякие гады, а воздух был отравлен зловонными испарениями. «И как же тут высадиться?» – подумал я с беспокойством. Далеко на горизонте виднелся гигантский горный хребет, вершины которого поднимались более чем на пятнадцать тысяч метров.

Мы начали продвигаться вдоль побережья в поисках более гостеприимных мест и через несколько километров достигли мутного эстуария какой-то реки. Несмотря на быстрое течение, нам удалось в нее войти и одолеть по лоту километров девяносто. Затем нас остановили илистые наносы.

Приведя все наше оружие в полную боевую готовность, мы удвоили число наблюдательных постов. Вокруг, на заболоченных берегах, шевелились, хлюпали и кишели в тине омерзительные, почти протоплазменные создания. Странные серые или ядовито-зеленые кучи живого студня амёбовидными движениями переползали из лужи в лужу. Мы задыхались от запаха гнили; термометр показывал плюс сорок восемь в тени! С наступлением ночи берега осветились фосфоресцирующими пятнами разных цветов, размеров и форм, которые медленно передвигались в удушливом мраке.

После долгих поисков мы обнаружили на правом берегу скалистый выступ, на котором, судя по всему, не было живых существ. Маневрируя двумя винтами, «Отважный» пристал к берегу, и мы пришвартовали судно канатами, вбив в мягкий сланец железные клинья. Тотчас же был сооружен бревенчатый помост, по которому на сушу осторожно съехал грузовичок.

– Кто туда поедет? – спросил Мишель. – Мы с тобой, а еще?

– Не ты. На «Отважном» должен остаться кто-то, кто сможет, случись что, довести судно до порта.

– Значит, ты и останешься. Ты здесь единственный геолог, тогда как астрономов у нас целая куча.

– Командую здесь я – и потому приказываю тебе остаться! Съездишь во вторую поездку. Свяжись с самолетом. Узнай, как далеко до него и в каком направлении нам ехать...

Связь установили быстро.

– Они километрах в тридцати к юго-западу, – сказал мне Мишель.

Узнав, что мы от них так близко, американцы завопили от радости.

– У нас всего два литра питьевой воды и больше нет концентрата для стерилизации новой.

– Мы будем у вас, полагаю, менее чем через два часа, – ответил я. – Приготовьтесь. Если еще есть горючее, разведите костер. Дым послужит нам ориентиром.

Я сел за руль. Андре Этьен, матрос, встал у турели, снабженной двумя реактивными минометами. Немного взволнованный, я обнял Мишеля, помахал рукой остальным, и мы тронулись в путь.

Глава 3 Фиолетовая смерть

Не спуская глаз с компаса, я направил броневик на юго-запад. Километра два или три тянулась каменистая полоса, потом пошел мягкий грунт. Этьену пришлось выйти и натянуть на шины цепи. Вопреки моему запрету, он все же попытался схватить какую-то амёбовидную тварь диаметром сантиметров сорок и обжег руку, словно кислотой. Эти животные буквально кишели повсюду. Некоторые были метровой длины. Они то и дело сходились в неспешных по виду, но крайне ожесточенных схватках, и побежденный исчезал, растворяясь в желудке победителя.

Мы продвигались с трудом, вода порой ключом била из-под колес. К счастью, редкая растительность послушно сгибалась перед машиной. Запах тухлых яиц, вызванный гниением трав, а также, быть может, желатинообразных существ, преследовал нас неотступно. Лишь через два часа после выезда мы наконец-то увидели вдали столб дыма.

Окружающий нас пейзаж изменился, и мерзкие ползучие твари исчезли. На твердом грунте наша скорость увеличилась, и мы смогли снять цепи. Вдалеке я заметил силуэт самолета со сломанными крыльями.

Увидев нас, американцы, позабыв о всяческой осторожности, бросились нам навстречу. Все они, кроме одного, одетого в авиационный комбинезон, были в форме Военно-морского флота США. Я открыл заднюю дверцу и впустил их внутрь. Вдвигаясь мы едва уместились в маленьком грузовике, но это не помешало бурным излияниям американцев: они едва не переломали мне пальцы своими сердечными рукопожатиями! Вытащив из-под сиденья бутылку, я предложил им коньяку с водой, возможно не очень свежего, но и в таком виде оцененного ими по достоинству.

Самый старший из них – с виду лет тридцати пяти, он, судя по всему, являлся начальником экспедиции – представил мне остальных, начав с белокурого гиганта, превосходившего меня в росте на целую голову, капитана Эллиота Смита. За ним шел коренастый брюнет – капитан Рональд Брюстер. Высоченного, немного нескладного парня с огненно-рыжей копной волос звали Дональд О’Хара, он был лейтенантом. Инженер Роберт Уилкинс был шатеном лет тридцати с черными глазами и широким, с залысинами лбом. Сержант Джон Пэри оказался канадцем. Наконец, указав на мужчину в летном комбинезоне, американец сказал:

– А это наш вам сюрприз: Андре Бирабан, географ, ваш соотечественник.

– Вот так дела! – воскликнул я. – На Земле мне частенько доводилось слышать ваше имя.

– Наконец, я сам: Артур Джинс.

Я представил моего механика и добавил:

– Господа, нужно снять с вашего самолета все то, что еще можно спасти, и двинуть обратно. Гигантские гидры не возвращались?

– Нет, – ответил Джинс. – Останки тех, которых мы сбили, валяются по ту сторону самолета.

Мы объехали на грузовике вокруг помятого фюзеляжа: позади него догнивали огромные кучи коричневатого мяса.

– Вам уже доводилось сталкиваться с этими животными? – спросил Бирабан.

– Разумеется! Только наши были зелеными и гораздо меньших размеров, что, впрочем, не мешало им оставаться опасными. Они не могут проникнуть внутрь самолета?

– Да нет, кабина вполне надежная.

– В таком случае я возьму с собой четверых из вас. Трое останутся здесь с моим матросом. Снимите бортовое вооружение. Патроны у вас еще остались?

– Полным-полно.

– Заберем их третьим рейсом.

Джинс отправил со мной Смита, Брюстера, Бирабана и Уилкинса, а сам с остальными заперся в самолете.

Я усадил Смита рядом с собой: по-английски я говорил плохо, но, как выяснилось, он довольно прилично знал немецкий, которым я владел свободно, и по дороге мы смогли обменяться кое-какой информацией. Я узнал, что Нью-Вашингтон представлял собой участок территории Соединенных Штатов, упавший посреди теллусийского океана. Из пятидесяти пяти тысяч человек в живых у них осталось всего десять тысяч. Образовавшийся остров простирался на тридцать семь километров в длину и двадцать в ширину. На нем обнаружили наполовину разрушенный катастрофой авиационный завод, который американцам удалось до какой-то степени восстановить, пригодные для обработки поля, большие запасы оружия и продовольствия и – странная штука! – несколько кораблей: французский легкий крейсер «Сюркуф», американский эскадренный миноносец «Поуп», канадский торпедоносец и два торговых судна – норвежское грузопассажирское и аргентинский танкер. На «Сюркуфе» служил один мой товарищ по коллежу, и я с горечью узнал, что во время катастрофы он исчез и значит

пропавшим без вести. Все эти суда находились в открытом океане и только со временем добрались до Нью-Вашингтона. Некоторые пришли под самодельными парусами, помятые, растерзанные, как после сражения, но в целом невредимые. На моряков катастрофа обрушилась в виде гигантской донной волны.

– Почему вы так долго тянули с разведкой?

– Были дела поважнее! Хоронили погибших, разбирали развалины, строили дома. Топлива оставалось так мало, что все оно ушло на заправку одного из наиболее хорошо сохранившихся семнадцати самолетов, того самого, что разбился здесь.

– И вы ни разу не слышали наши сообщения?

– Нет, ни единого. А между тем мы слушали эфир на протяжении целого года.

– Странно! Как же вы жили?

– У нас было много консервов. Пшеница росла хорошо. Рыбу ловили. Кое-какие земные породы выжили и быстро размножились. Вот только молока не было, – добавил Смит с печалью в голосе. – Из-за его отсутствия мы потеряли немало детей.

Я, в свою очередь, рассказал ему о том, чего удалось добиться нам.

Часа в три пополудни мы добрались до «Отважного». Я высадил спасенных и тотчас же, несмотря на протесты Мишеля, отправился во второй рейс. От того жуткого зрелища, которое мне довелось увидеть по возвращении, у меня застыла кровь в жилах.

Я уже приближался к самолету, когда заметил чуть справа от себя огромную студенистую массу изумительного светло-фиолетового цвета, которая с большой скоростью – тридцать или сорок километров в час – ползла в том же направлении. Похожая на амэбу, она была не менее десяти метров в диаметре и около метра высотой. Заинтригованный, я заглушил двигатель. Не обращая на меня внимания, фиолетовая тварь продолжала ползти к самолету. В этот момент дверца фюзеляжа открылась, и на землю прыгнул канадец. Он увидел остановившийся грузовичок, помахал рукой и двинулся мне навстречу. Позади него возникли Этьен, О'Хара и Джинс. Я снова посмотрел на чудовище: его роскошная фиолетовая окраска исчезла, теперь оно было матово-серым, округлившимся, похожим на огромный, покрытый лишайником утес.

Пэри приближался. Предчувствуя опасность, я дал по газам и принялся сигналить. Механик улыбнулся, снова помахал мне рукой и ускорил шаг. Я мчался к нему на полном ходу и все-таки опоздал.

Внезапно чудовище снова озарилось фиолетовым светом и ринулось на канадца. Пэри увидел его, на мгновение замер в нерешительности, потом побежал назад к самолету. И тут произошло нечто странное: послышался сухой треск, в воздухе мелькнуло нечто вроде голубоватой искры, и канадец рухнул наземь. Через мгновение он исчез, поглощенный фиолетовыми псевдоподами.

Выпучив глаза от ужаса, я резко ударил по тормозам. Чудовище развернулось и теперь ползло в мою сторону. Я сорвался с сиденья, вскарабкался в башню к направляющим желобам, где еще с утра лежали ракеты, и начал лихорадочно крутить ручки наводки. Снова мелькнула голубоватая искра, ударив в радиатор. Меня изрядно потрянуло. Это не было похоже на удар электрического тока – все мое тело, с головы до ног, пронзило ледяным холодом. Я тут же нажал кнопку спуска. Обе ракеты нырнули в живую слизь, находившуюся метрах в десяти от грузовика. Послышались два глухих взрыва, громкий искровой треск разрядов, и в воздух полетели ключья фиолетового студня. Чудовище скорчилось и замерло.

Тронув грузовичок, я осторожно подъехал чуть ближе. Фиолетовый студень слабо подрагивал, внутри желеобразной массы пробежали последние искорки. От канадца не осталось и следа. Приоткрыв дверцу, я метнул две зажигательные гранаты. От сильного жара студенистая масса затрещала, как-то сжалась и перестала трепетать. Тем временем подошли остальные.

– What an awful thing! – пробормотал Джинс и тут же перешел на французский: – Какой ужас!

– Боюсь, мы ничего уже не сможем сделать для вашего механика, – сказал я. – Разве что похоронить его.

Но когда мы разрубили топором сморщенное и уже практически задеревеневшее тело этой твари, внутри обнаружился лишь золотой перстень с печаткой – и больше ничего!

Опечаленные, мы погрузили в грузовичок два пулемета и пару летчиков, Этьен занял свое место у ракетной установки, и мы вернулись на корабль. На следующий день мы сделали еще несколько рейсов, чтобы забрать остальное оружие, боеприпасы, электродвигатели – словом, все, что могло пригодиться. Последней экспедиции под руководством Мишеля тоже пришлось сразиться с «фиолетовой смертью». Наши парни уничтожили четырех мерзких животных.

Как только грузовичок погрузили на судно, мы тотчас же отплыли, приветствуя прощальным ракетным залпом слишком любопытную гигантскую гидру, которая разлетелась на куски. Теперь я чувствовал себя гораздо увереннее, чем вначале: во-первых, свою миссию мы выполнили, а во-вторых, отныне я мог доверить управление судном людям, из которых как минимум двое действительно знали, что такое «корабль».

Глава 4 Я открыл неведомые земли

Поручив техническое командование Джинсу и его офицерам, мы с Мишелем оставили за собой общее руководство экспедицией. Я отправил радиogramму в Кобальт-Сити, потом, по совету Уилкинса, попытался связаться с Нью-Вашингтоном. Как ни удивительно, мне это удалось сразу же. Сделав короткий доклад, Джинс передал нам благодарность правительства и приглашение посетить остров.

– К моему глубочайшему сожалению, прямо *сейчас* принять ваше приглашение я не могу, – ответил я. – У нас просто не хватит горючего, чтобы преодолеть десять тысяч километров, которые отделяют нас от Нью-Вашингтона. Сначала мы вернемся в Кобальт-Сити.

– Почему вы, французы, именно так назвали свой город? – поинтересовался О’Хара.

– Потому, что он больше всего походит на ваши города Дальнего Запада тысяча восемьсот восьмидесятих годов, – во всяком случае, как мы их себе представляем!

Выйдя из реки, «Отважный» взял курс на северо-запад. Дул довольно-таки сильный ветер, и наш кораблик низко кланялся волнам, на беду некоторых желудков. Мы продолжали разговор, наполовину по-английски, наполовину по-французски. Когда не хватало того или иного слова, Бирабан выступал в роли переводчика. Первый день морского плавания прошел без происшествий. Ближе к ночи мы чуть сбавили ход, – пусть море и успокоилось, однако мы все же сбавили ход. Оставив на мостике Смита, я отправился спать.

Меня разбудила легкая качка. Я прислушался, чувствуя, что что-то идет не так. Потом понял: двигатели не работают. Поспешно одевшись, я поднялся на палубу.

– Что случилось? – спросил я у рулевого.

– Не знаю. Мы только что остановились, капитан.

– Где американский капитан?

– На корме, с инженером.

Из люка высунулась голова Мишеля.

– В чем дело? Почему стоим?

– Не знаю. Давай сюда.

– Сейчас.

Едва он это сказал, как раздался громкий всплеск, и весь корпус судна вздрогнул. Я услышал звонкое «damn it»¹², потом удивленный возглас и крик, страшный крик:

– Все внутрь!

В тот же миг Смит сбил меня с ног, отбросив в этажный коридор. Уилкинс буквально-таки нырнул вслед за нами. Смит высунул голову, убедился, что на палубе никого не осталось, и задраил дверцу. При свете лампы я увидел их бледные, искаженные лица. С грохотом захлопнулась дверь матросского кубрика. Последовал новый толчок, и «Отважный» накренился на правый борт. Споткнувшись, я больно ударился о переборку.

– В чем дело, черт бы вас побрал?

Уилкинс наконец ответил:

– Гигантские кальмары!

Я почувствовал, что холодею от ужаса. Еще в раннем детстве, когда я читал «Двадцать тысяч лье под водой», эти животные вызывали у меня панический страх.

– Come with me¹³, – с трудом выдавил я из себя.

Мы поднялись по лесенке на закрытый мостик, ноги у нас подгибались. Взглянув через большие иллюминаторы на залитую лунным светом палубу, я увидел, что на ней нет ни души. Лишь на носу, за рамой ракетной установки, извивалось нечто вроде толстого каната. Затем метрах в десяти от левого борта из иссиня-черной воды на мгновение поднялась какая-то масса, и на фоне восходящей луны в воздухе закружились длинные – на первый взгляд не менее двадцати метров – щупальца. К нам присоединился Мишель, потом остальные американцы. Смит рассказал, как все было. Когда застопорило сразу оба винта, он прошел на корму вместе с Уилкинсом и, нагнувшись, чтобы узнать, в чем дело, увидел два огромных, чуть светящихся глаза. Чудовище выбросило вперед одно из щупалец, немного не доставшее до них, и тогда он закричал...

Мы попробовали перезапустить двигатели. Винты вспенили воду, «Отважный» прополз несколько метров, потом двигатели снова заглохли, и последовала новая серия толчков.

– Подождем, пока не рассветет, – предложил Уилкинс.

Казалось, ночи не будет конца. На рассвете мы увидели, насколько велика опасность. По крайней мере тридцать монстров окружили судно со всех сторон. Это оказались отнюдь не кальмары, хотя с первого взгляда вполне можно было ошибиться. У чудовищ было вытянутое, заостренное сзади, лишенное хвостового плавника тело длиной от десяти до двенадцати метров и диаметром от двух до трех. Спереди росли шесть огромных щупалец двадцатиметровой длины, каждое – толщиной до полуметра. Щупальца были снабжены блестящими острыми когтями и заканчивались острием, как пики. У основания щупалец располагалось шесть глаз.

– Похоже, это двоюродные сестры гидр, – заметил я.

– На это, старина, мне сейчас глубоко наплевать, – отозвался Мишель. – Если они все разом уцепятся за борт «Отважного»...

– Какой же я идиот! Нужно было поставить на турели реактивные минометы!

– Слишком поздно! Но что, если высунуть из люка один из пулеметов, снятых с самолета?

И нужно будет поместить винты в туннель... если только мы выберемся!

Я прокричал матросам:

– Тащите пулемет и ленты! Только не выходите на палубу!

– Осторожно! – вскричал Мишель.

Один из монстров приближался, вспенивая воду щупальцами. Через пару мгновений он уцепился одним из них за поручень правого борта и вырвал его с корнем.

¹² Черт возьми! (англ.)

¹³ Пойдемте со мной (англ.).

– Может, если изрешетим из пулемета хоть одного, остальные съедят его и этим удовлетворятся?

Слуховая трубка машины прошипела:

– Капитан, винты свободны!

– Хорошо, будьте наготове. Как только скомандую, давайте полный вперед.

Трое матросов втащили по трапу пулемет. Я приспустил одно стекло, выставил наружу ствол и уже собирался открыть огонь, когда Мишель похлопал меня по плечу:

– Подожди. Пусть этим займется кто-нибудь из американцев: они лучше знают свое оружие.

Я уступил место Смигу: пулемет в его огромных руках казался детской игрушкой. Он тщательно прицелился в кальмара, дремавшего на волнах, и выпустил очередь. Раненое животное буквально выпрыгнуло из воды, потом пошло ко дну. Смит уже целился во второго, как вдруг разразилась настоящая буря: с десятков гигантских рук колотили по палубе, сокрушая все на своем пути. Сорванные поручни падали за борт, щиток носового пулемета был смят, со звоном вылетело стекло, и одно щупальце просунулось в отверстие иллюминатора, сорвав при этом раму. Чудовищный отросток яростно извивался. Мишеля отбросило к перегородке, мы с Уилкинсом, словно пригвожденные, от ужаса застыли на месте.

Джинс без сознания валялся на полу. Первым среагировал Смит. Сорвав с крюка пожарный топорик, он широким жестом дровосека начисто отсек щупальце. Через приоткрытую дверцу я бросился к радиопередатчику, чтобы успеть послать сигнал SOS, пока еще целы мачты антенны. «Отважный» все сильнее раскачивался с одного борта на другой, и я услышал, как какой-то матрос прокричал: «Тонем! Спасайся кто может!» Через иллюминатор я увидел, как от неистовых ударов огромных щупалец буквально вскипает море. И тут случилось *deus ex machina*¹⁴, которое спасло нам жизнь.

Метрах в двухстах от нас из-под воды высунулась громадная плоская голова более десяти метров длиной и словно раскололась вдоль, открыв прожорливую пасть, усаженную белыми острыми зубами. Она раскусила первого кальмара надвое и устремилась к следующему. Рядом вынырнули еще две такие же головы, между вновь прибывшими и кальмарами завязалась битва, настолько свирепая и жестокая, что я до сих пор затрудняюсь сказать, сколько она продолжалась, час или минуту! Так же внезапно море успокоилось: лишь обрывки щупалец и мертвые туши покачивались на волнах. Прошло минут десять, прежде чем мы наконец осознали, что спасены. И тогда, на предельной скорости, мы понеслись прямо на север.

К вечеру слева по борту показался скалистый архипелаг; утесы его на фоне заката напоминали развалины замков. Мы осторожно приблизились. Когда до берега оставалось совсем немного, я заметил между двумя зубуренными скалами подозрительное волнение. Еще через минуту мы разглядели стаю кальмаров и, резко свернув направо, дали полный ход, оставив чудовищ за кормой.

Очень светлая лунная ночь позволяла идти достаточно быстро. Мы чуть не задели одинокого кальмара, дремавшего на волнах, и тут же разнесли его в клочья ракетным залпом. Утром мы заметили впереди какой-то остров.

О'Хара поднялся на полуют, захватив с собой карту, которую набросал по аэрофотоснимкам в инфракрасных лучах. Нам удалось отыскать на ней этот узкий клочок земли, вытянутый с востока на запад и расположенный между экваториальным континентом, который мы оставили позади, и северным материком. Фотоснимки, сделанные с большой высоты, были очень нечеткими, однако на них ясно проступали пятна больших лесов и осевая линия горной цепи. На северо-востоке, за широким проливом, в поле объектива попала оконечность еще какой-

¹⁴ Буквально: «бог из машины» (*лат.*) – случайность, благоприятно влияющая на исход события.

то земли. Я решил обследовать восточный берег первого острова, дойти до западного мыса второго, а затем повернуть к большому полуострову на юге северного материка.

Мы двинулись вдоль южного берега острова. Он был скалистый, крутой и выглядел не слишком гостеприимно. Цепь гор, тянувшаяся в глубине острова, казалась не очень высокой. Ближе к вечеру, добравшись до восточного мыса, мы встали на якорь в маленьком заливе.

Взошло красное солнце, осветив унылое плоское побережье, почти лишенное растительности. Когда в небе засиял Гелиос, мы смогли лучше разглядеть безрадостную саванну, отделенную от воды узкой полосой белого песка. Когда сделали промеры, выяснилось, что неширокий пологий пляж через несколько метров круто обрывается вниз и почти у самого берега глубина достигает примерно восемнадцати метров. «Отважный» приблизился вплотную. Мы легко перекинули помост, и грузовичок съехал на берег. Заменяв ракетную установку более подвижным пулеметом с самолета, мы снарядили в разведку Мишель, Уилкинса и Джинса. Не без тревоги смотрел я вслед машине, скрывшейся за первым подъемом. Хорошо еще, что на примятой траве остались следы шин: в случае чего по ним будет нетрудно отыскать товарищей. Под прикрытием бортовых ракет я сошел на берег и осмотрел ближайшие окрестности. В траве мне удалось собрать десятки любопытнейших образчиков теллусийских насекомых. Следы на песке указывали, что здесь водятся звери и покрупнее. Часа через два шум мотора возвестил о возвращении грузовичка. Из кабины выскочил один Мишель.

– Где остальные?

– Остались там.

– Где это – там?

– Заскакивай, вскоре сам увидишь. Мы кое-что нашли.

– И что же?

– Говорю же, увидишь.

Заинтригованный, я передал командование Смиту и сел в машину. Мы ехали по волнистой саванне с редкими рошицами. Возле одной из них паслось стадо животных, похожих на безрогих голиафов. Еще через час езды я увидел скалу высотой метров десять; на ее плоской вершине стоял Джинс.

Мишель остановил грузовичок у самого подножия. Мы сошли, обогнули скалу и проникли в грот с другой стороны.

– Что ты об этом думаешь? – поинтересовался Мишель.

На стенах скального грота были выбиты ряды странных знаков, удивительно напоминавших санскритский алфавит. Сначала я подумал, что друзья просто решили надо мной подшутить, но патина на камне быстро убедила меня в обратном. Знаков было сотни три-четыре.

– Это еще не все. Пойдем дальше.

– Подожди, только возьму оружие.

С автоматами в руках мы двинулись вперед. Метрах в двухстах от скалы оказалась небольшая, словно вымершая, долина, на дне которой громоздилась гора металлических листьев и скрученных балок – остатки огромного сигарообразного аппарата. Среди обломков бродил Уилкинс.

– Это еще что такое? Самолет?

– Возможно. Но не земной, это уж точно!

Я подошел и протиснулся в щель между нагромождением обломков. Листы обшивки глубоко вдавились в сыпучий песок. Они были из некоего желтоватого металла, который я не признал, но Уилкинс заверил меня, что это какой-то алюминиевый сплав.

Инженер оставил меня скрести основание пластин, а сам направился к тому месту, где должна была находиться носовая часть. Мы услышали его удивленный возглас, потом он позвал нас. Спереди повреждения были не такими значительными, в этом месте странный аппарат

сохранил очертания кончика огромной сигары. В уцелевшей перегородке виднелась дверца без замков. Она легко открылась, и мы проникли внутрь.

В кабине, имевшей форму усеченного конуса, положенного набок, царил полумрак, и сначала я ничего не различал, кроме силуэтов своих товарищей. Постепенно глаза привыкли к полутьме. Я увидел нечто вроде щита управления с такими же знаками, какие были высечены на скале, узкие металлические кресла, порванные медные провода, свисающие с потолка. На рулевом рычаге из белого металла застыла высохшая кисть руки. Она была огромной, черной, все еще мускулистой, несмотря на мумификацию тканей, и имела всего четыре пальца, по-видимому с выпуклыми когтями. У запястья рука была оторвана.

Не стовариваясь, мы склонили головы. Сколько времени эта рука сжимала рычаг управления в последнем, невероятном усилии? Сколько лет прошло с тех пор, как она все-таки посадила корабль на этот затерянный остров? Что за существа управляли кораблем? Может, это были исследователи с одной из планет Гелиоса, может быть, пришельцы из космоса, с отдаленной звезды, а может быть, жертвы, выброшенные на Теллус из своей вселенной – такие же, как мы? Лишь много лет спустя нам удалось найти ответ на эти вопросы, да и то далеко не полный.

Мы рылись в обломках аппарата до наступления сумерек. Ничего особенного обнаружить не удалось: несколько пустых банок, части каких-то приборов, книга с алюминиевыми страницами, но, увы, без всяких иллюстраций, да еще молоток вполне земной формы – вот и все находки. В кормовой части, где должны были помещаться двигатели, громоздились оплавленные ржавые глыбы, среди них был кусок тяжелого белого металла внутри толстой свинцовой трубы. Позднее анализ, проведенный в Нью-Вашингтоне, показал, что это был уран.

Мы сделали несколько фотоснимков и вернулись на корабль. Удивляться скудости находок было нечего: судя по надписи на скале, некоторые члены экипажа спаслись, и, естественно, они забрали все, что могло иметь хоть какую-то ценность. На то, чтобы обойти весь остров, уже не было времени. Назвав его «островом Тайны», мы отплыли к соседнему, расположенному дальше на северо-востоке. Здесь нам с трудом удалось причалить, но выгрузить машину мы так и не смогли. Небольшая часть побережья, которую мы осмотрели, оказалась безводной и голой. Если не считать насекомых, на острове кишели одни плоские гадюки. Впрочем, мы нашли несколько каменных орудий ссви. Исследование южной оконечности северного материка принесло нам куда больше открытий и тревог.

Ранним утром «Отважный» стал на якорь в бухте, защищенной высокими скалами самых фантастических очертаний. Спустить грузовичок оказалось непросто, и, когда Мишель, Смит и я наконец сели в машину и двинулись в путь, солнце стояло уже высоко. Не без труда мы поднялись на плато, простиравшееся на север и восток до самого горизонта. С юга плато обрамляла цепь невысоких гор, к которым мы и направились по саванне с редкими группами деревьев. Здесь был настоящий звериный заповедник: голиафы, «слоны», а также более мелкие животные то и дело попадались навстречу поодиночке и большими стадами. Мы разбудили парочку тигрозавров, но те, к счастью, были настроены мирно: наш грузовичок не выдержал бы столкновения.

В три часа пополудни, когда мы доедали запоздалый завтрак, вдали показалось какое-то странное многочисленное стадо. Когда оно приблизилось, мы узнали ссви из большой красной расы – расы Взлика. Я вспомнил, как тот неоднократно говорил мне, что их племя пришло с юга, отделившись от остальных по непонятным причинам. Было это не так давно, всего за несколько поколений до нашего «перелета» на Теллус. Эта встреча нас огорчила: ссви преградили нам путь к горам, а с учетом их воинственного характера ехать напролом было опасно – дело неминуемо закончилось бы сражением.

Но ссви, по-видимому, нас не заметили; они свернули влево и скрылись за линией горизонта. Мы устроили короткий военный совет. Я был за немедленное возвращение – мы и без того слишком удалились от «Отважного», направившись вглубь неведомой страны. Но Смит

и Мишель хотели проехать еще немного вперед и вернуться лишь на следующий день. В общем, мы двинулись дальше и около четырех часов увидели на юге скалу высотой в три десятка метров: она отстояла далеко от горной цепи. Мне показалось, что ее вершина покрыта зубцами. Подъехав ближе, мы убедились, что эти зубцы на самом деле были башнями высотой метров в десять, расположенными с интервалами примерно в двадцать шагов.

Пространство вокруг скалы в радиусе полукилометра с лишним было совершенно оголено, здесь не росло ни деревца, ни кустика. Между башнями скакали ссви. Казалось, они сильно встревожены, и через бинокль я разглядел, как они показывают на нас пальцами. Не зная, что думать, я замедлил ход.

Внезапно прямо напротив нас, с вершины одной из башен, до которой оставалось метров четыреста, взвился в небо какой-то длинный черный предмет и, описав дугу, с нарастающим свистом ринулся вниз. Гигантское копьё весом килограммов в тридцать врезалось в землю всего в трех шагах от нас. Я резко затормозил, потом, опомнившись, выкрутил руль и дал газу.

– Зигзагами, давай зигзагами! – прокричал Мишель.

Оглянувшись, я увидел в небе с десяток черных молний. Они вонзались в почву вокруг машины, от одной мы увернулись буквально чудом. За моей спиной затрещал пулемет: Смит взялся за дело! Нужно сказать, что в свое время он был чемпионом по стрельбе в американской авиации.

Позднее Мишель говорил, что он в мгновение ока поджег шесть башен. Я ничего этого не видел. Вцепившись в руль, выжав до предела педаль акселератора, я гнал грузовичок по рытвинам и ухабам, каждую секунду ожидая, что огромное копьё вонзится мне в спину. И, честно говоря, мы были на волосок от этого! Когда вокруг уже мелькали первые деревья, стоящие на краю оголенной зоны, сзади послышались удар, треск и скрежет лопнувшего металла. Я резко вильнул в сторону.

Минут через десять, когда Мишель сменил меня за рулем, я увидел, что дротик пробил бронированную крышу и прошел у Смита между ног; наконечник его засел в большой банке консервированной говядины, пригвоздив ее к полу. Не останавливаясь, мы отпилили древко и вытащили наконечник: треугольный, с зазубринами, он был выкован из стали!

Ночью мы сделали короткую остановку и за едой обсудили случившееся.

– Странно, – сказал я, – что эти ссви знакомы с металлом, но еще более странно то, что сталь у них – отличной закалки! Судя по всему, это и есть тот народ, от которого отделилось племя Взлика. Это может означать лишь одно: еще несколько поколений назад они тоже были в каменном веке. Конечно, ссви очень умны, но подобная скорость прогресса просто поразительна!

Мишель задумался:

– А не связано ли это как-то с нашей находкой на острове?

– Возможно. И у них есть катапульты – точнее, баллисты, – бьющие на пятьсот с лишним метров!

– В любом случае, – проговорил по-английски Смит, – я разрушил им как минимум шесть башен.

– Ну да... Давайте уматывать отсюда. Как-то здесь небезопасно.

Мы ехали всю ночь. Разумеется, я и до этого пережил на этой планете немало тревожных ночей, но ни одна из них не шла ни в какое сравнение с этой! В небе стояли все три луны, и, казалось, вся фауна Теллуса собралась на данном клочке земли. Сперва нам пришлось пробиваться сквозь целые стада «слонов», привлеченных светом фар. Потом перед нами возник вышедший на охоту тигрозавр, которого мы встретили очередью из пулемета, впрочем не причинившей хищнику никакого вреда, – он перепугался, должно быть, не меньше нашего. Трижды нам преграждали путь голиафы, коих мы вынуждены были объезжать, дважды мы

останавливались, чтобы поменять прокушенные гадуками шины. Все же еще до рассвета мы увидели сигнальные ракеты, взлетевшие с палубы «Отважного», и с зарей были уже на борту.

Глава 5 Опасность

Спустя несколько дней мы достигли устья Дордони без особых приключений, если не считать выхода из строя двигателей, из-за чего мы сутки были вынуждены идти под парусами. О своем возвращении мы известили Кобальт-Сити и поэтому не особенно удивились, когда в месте слияния Дордони с Илем нас встретило каноэ, в котором сидели Мартина, Луи и Взлик. Они поднялись на борт, мы взяли каноэ на буксир и спокойно дошли до Порт-Леона. Мы отсутствовали больше месяца! Нечего и говорить, как я обрадовался встрече с Мартиной. Сколько раз за это путешествие я думал, что больше никогда ее не увижу!

Луи протянул мне последнюю радиogramму, пришедшую из Нью-Вашингтона. Я прочел ее с удивлением, потом передал американцам. Бирабан перевел им ее. Суть можно было резюмировать так: по непонятным причинам Нью-Вашингтон медленно погружался в море, и, если скорость погружения не уменьшится, самое большее через полгода остров полностью уйдет под воду. Словом, правительство посылало нам сигнал SOS.

Совет собрался в присутствии американцев. Сразу же взяв слово, Джинс сказал по-французски:

– В Нью-Вашингтоне у нас есть французский крейсер, два миноносца, грузовоз и небольшой танкер. Помимо этого, мы располагаем шестнадцатью пригодными для вылетов самолетами, в том числе четырьмя винтовыми и тремя вертолетами. Но нет ни топлива, ни мазута. Можете продать нам немного? Желательно с доставкой на место.

– Ни о какой продаже не может идти и речи, – ответил мой дядя. – Прийти вам на помощь – наша элементарная обязанность. Проблема лишь в транспорте. Из кораблей у нас есть только «Отважный», а он, увы, слишком мал!

– Есть еще корпус «Победоносного», – заметил я, – и, главное, прицепные баржи, которые, полагаю, будет нетрудно переделать в нефтеналивные суда. Как по-вашему? – спросил я у наших инженеров.

Этранж ответил не сразу:

– На изготовление цистерн уйдет от десяти до двенадцати дней. Как минимум столько же – на специальное противопожарное оборудование. Итого – месяц. Две цистерны, десять на три на два метра, дадут в общей сложности сто двадцать тысяч литров. Половина – мазут, половина – авиационный бензин.

– Мы бы предпочли побольше мазута и поменьше бензина.

– Это можно. Каковы наши точные запасы?

– Шесть миллионов литров, – сказал я. – Я пока приостановил добычу, так как все резервуары полны.

– А расстояние от Порт-Леона до Нью-Вашингтона?

– Примерно четыре с половиной тысячи километров.

– Да, – проговорил я, – но это напрямик, через открытое море.

– Если мы доверим вам «Отважный» и несколько наших парней, как думаете, вы доберетесь? – спросил дядя у Джинса.

– Даже не сомневаюсь. Ваше суденышко превосходно!

– Что ж, тогда можно рискнуть.

Месяц спустя «Отважный» отплыл, ведя на буксире баржу со ста сорока пятью тысячами литров горючего. Как позднее рассказал Мишель, плавание прошло абсолютно спокойно: ни кальмаров, ни других морских чудовищ они не встретили.

Нью-Вашингтон оказался едва возвышающейся над водой равниной с двумя усеянными домами холмами. Прибывших встретили залпами из орудий боевых кораблей. Весь город, расположенный прямо на берегу моря, был расцветен флагами. Оркестр крейсера сыграл сначала «Марсельезу», затем американский гимн, и малютка «Отважный», провожаемый удивленными взглядами морских офицеров, проскользнул в порт. Мазут сразу же перекачали в баки аргентинского танкера, который немедленно снялся с якоря. Бензин на грузовике отправили на аэродром.

Мишель был принят президентом Нью-Вашингтона, Линкольном Дональдсоном, после чего проследовал на «Сюркуф», офицеры и моряки которого пришли в восторг, узнав, что вскоре они снова смогут увидеть кусочек Франции!

Для жителей Нью-Вашингтона настала напряженная пора: чтобы демонтировать и погрузить на суда все, что можно было спасти, люди не покладая рук работали от зари до зари. Потом вернулся «Порфирио Диас», и первый конвой – норвежский грузовоз, «Сюркуф», и два эсминца, до предела нагруженные людьми и оборудованием, – отплыл на материк.

Об их отбытии Мишель предупредил меня по радио. В ответ я сообщил ему, что мы договорились со Взликом, который после смерти своего тестя стал верховным вождем племени: ссви уступят американцам территорию, которая в действительности принадлежала черным ссви, но на которую у племени Взлика были права, и часть их исконных земель, от Дронны до Неведомых гор. Кроме того, я получил для нас самих длинный коридор, до самого устья Дордони, рядом с которым мы намеревались построить Западный порт. Все эти дни мы тоже не сидели без дела. У подножия гор мы построили для американцев дома на землях, действительно принадлежавших ссви, главным образом по ту сторону Дронны, как раз напротив нашего маленького поста Хром.

И вот первый конвой прибыл. Наблюдательный пост в устье Дронны сообщил о его приближении рано утром, когда корабли были еще на подходе. Грузовое судно и крейсер «Сюркуф» из-за слишком большой осадки стали на якорь на самой Дронне, а эсминцы поднялись по Илю. Потом, большим караваном, составленным из крупных лодок, мы отбуксировали переселенцев к их новым владениям. Было решено, что американцы удовлетворятся пока землями ссви, отложив завоевание территории сслвилов – ее нужно было именно завоевывать – до лучших времен.

Мишель вернулся на самолете незадолго до прихода седьмого, последнего конвоя. Остров к тому времени почти полностью затонул, но в Новой Америке уже вырос один город и семь деревень, а на полях созрел и был убран первый урожай. Город – Новый Нью-Вашингтон, как его в шутку называли американцы, – насчитывал пять тысяч жителей.

Население Новой Франции тоже увеличилось за счет шестисот моряков с «Сюркуфа», шестидесяти аргентинцев, пожелавших жить в «латинской стране», и полусотни канадских французов. Последних сначала отпугнул наш коллективизм, пусть и распространявшийся только на промышленные предприятия, но вскоре они убедились, что никто не мешает им ходить в церковь, если так подсказывает им сердце. Норвежцы – сразу же после катастрофы они подобрали в море пассажиров тонувшего норвежского лайнера, и теперь их было человек двести пятьдесят – обосновались, по их собственной просьбе, в нашем небольшом анклав близ устья Дордони. Там они построили рыболовный порт. Нации жили не вполне изолированно друг от друга, и международные браки были обычным делом. К счастью, у американцев оказалось гораздо больше женщин, чем мужчин, и многие моряки с «Сюркуфа» нашли себе жен еще в Старом Нью-Вашингтоне. Спустя год после Великого Исхода, когда у меня уже родился первенец, Бернар, Мишель женился на восемнадцатилетней красавице-норвежке, Инге Унсет, дочери капитана норвежского грузового судна.

Мы помогли американцам смонтировать заводы. Они, в свою очередь, уступили нам часть своих станков и четыре самолета. Вместе с двумя американскими коллегами я обнару-

жил на их территории, но на землях ссвивов, значительные нефтяные месторождения. Еще через пять лет мы основали Объединенные государства Теллуса. Но прежде нам еще пришлось отвоевывать земли у ссвивов, и был момент, когда мы сами оказались на волосок от войны с американцами!

Боевые действия развязали ссвивы. Как-то вечером около сотни их воинов внезапно напали на небольшой американский пост и истребили десять человек из двенадцати, составлявших гарнизон. Двум американцам удалось спастись, унесшись прочь на машине. Как только об этом стало известно, в воздух поднялись два самолета, но отыскать убийц не удалось: равнины опустели, а леса покрывали слишком обширные пространства. Легкая колонна, снаряженная американцами для миссии мщения, понесла большие потери и вернулась ни с чем. Тогда, учитывая наш богатый опыт, они обратились за помощью к нам и к нашим союзникам ссви.

То была самая странная война, какую только можно себе представить! В центре ехали на грузовиках мы и американцы, над нами кружили четыре или пять самолетов, впереди летел вертолет-разведчик, а вокруг гарцевали существа иного мира, вооруженные луками и стрелами! Кампания была трудной, не обошлось без потерь. Быстро поняв, что в очередном бою они сразу же будут разбиты, ссвивы начали опустошать приграничные районы, отравлять источники и колодцы, совершать налеты на Новую Америку, на территорию ссви и даже на Новую Францию, пробираясь к нам через горы.

Эсминцы обнаружили на побережье и обстреляли две деревни ссвивов, самолеты разбомбили еще несколько селений, однако все это ничего не дало. Но когда мы углубились во вражескую территорию, перейдя даже будущую границу Новой Америки, ссвивы решили, что настал час решающей битвы. На рассвете к нашему лагерю, сразу со всех сторон, галопом устремилось более пятидесяти тысяч воинов. Джинс, командовавший экспедицией, немедленно вызвал авиацию, и с аэродромов Нью-Вашингтона и Кобальт-Сити тотчас же взлетели самолеты. При скорости в тысячу километров в час они должны были долететь достаточно быстро, но долго ли мы смогли бы продержаться? Ситуация выглядела критической: пятьсот американцев и триста французов, пусть даже хорошо вооруженных, и пять тысяч ссви против пятидесяти тысяч свирепых врагов, вооруженных луками, легко посылающими стрелы на четырехстах метрах! И главное – невозможно было воспользоваться маневренностью грузовиков: неприятель окружал нас кольцом глубиной в тридцать рядов. Мы поставили все пятьдесят машин, кроме нашего старого бронированного грузовика, в круг, легли за пулеметы и принялись ждать.

Когда ссвивы оказались метрах в шестистах от нас, мы открыли огонь. Не следовало выжидать так долго – нас едва не поглотило этой черной волной. Тщетно автоматы и пулеметы косили врагов, как спелую пшеницу, тщетно ссви посылали в них стрелу за стрелой! Через минуту-другую у нас было уже десять человек убитых и более восьмидесяти раненых, у ссви – сто убитых и вдвое больше раненых. Отчаянная отвага ссвивов наводила ужас, их живучесть казалась просто невероятной. Я лично видел, как один из них продолжал мчаться даже после того, как очередь, выпущенной из двадцатимиллиметрового пулемета, ему оторвало всю руку целиком, и свалился замертво лишь в паре шагов от какого-то американца. Лишь когда ссвивы пошли на приступ в третий раз, наконец подоспели самолеты, но вступить в бой уже не могли: все смешалось в невообразимой свалке. В этой фазе сражения Мишель получил стрелу в правую руку, а я сам – в левую ногу, чуть ниже колена; впрочем, оба ранения оказались легкими. Как только враг был отброшен, самолеты принялись поливать его пулеметным огнем и забрасывать ракетами и бомбами, обращая в беспорядочное бегство. На открытой равнине ряды ссвивов расстроились, и мы преследовали их на грузовиках, расстреливая в упор, в то время как Взлик, во главе своих ссви, настигал и истреблял одиночек. Кое-где враг еще

пытался переходить в контратаки, и вечером мы нашли один из наших грузовиков, в котором были только трупы, сплошь утыканные стрелами.

Уцелевшие ссвипы бежали под покровом темноты. Вместо них нам пришлось сражаться с десятками тигрозавров, привлеченных запахом крови, и в этом бою мы потеряли еще шестерых. Наши общие потери составили: убитые – двадцать два американца, двенадцать французов, двести двадцать семь ссви, раненые – сто сорок пять американцев, восемьдесят семь французов и девятьсот шестьдесят ссви. Ссвипы, по самым грубым подсчетам, оставили на поле боя не менее двадцати тысяч своих воинов.

После этого истребления американцы построили целую цепь фортов вдоль своей границы, защиту которой облегчало то обстоятельство, что она пролегла по гребню естественного сброса, протянувшемуся от моря до самых гор, почти на семьсот километров. Два следующих года прошли спокойно, в мирном труде, но мы с сожалением увидели, что американцы все больше замыкаются в себе. Мы почти не общались, за исключением единичных случаев – как тот экипаж самолета и мы, – а если и встречались, то лишь для обмена сырьем или промышленными изделиями. К тому времени американцы открыли у себя угольные шахты, менее богатые, чем наши, но с лихвой покрывавшие все их нужды.

К тому же среди нас мало кто говорил по-английски, ну и все такое. Обычай у нас тоже были разными. Они с подозрением относились к нашему коллективизму, хотя он был крайне умеренным, и называли наш совет диктатурой. Кроме того, у американцев сохранялись глупые предубеждения против «туземцев», предубеждения, которые мы ничуть не разделяли: в наших школах училось более двухсот детишек-ссви.

Зато с норвежцами у нас установились превосходные отношения. Мы поставляли им материалы, необходимые для постройки рыбацких судов, а они в изобилии снабжали нас всеми дарами моря. Уцелевшие земные рыбы размножились в невероятном количестве, да и теллузийские были просто великолепны на вкус.

«Героический период» закончился, и, чтобы больше не давать американцам повода для критики, мы реорганизовали наши институты. После долгих – в чисто французском духе – дискуссий было решено, что отныне Новая Франция будет состоять из:

- 1) государства Кобальт (5000 человек), со столицей Кобальт-Сити (800 человек) и городом Порт-Леон (324 человека);
- 2) территории Западный порт, с одноименной столицей (600 жителей);
- 3) территории Нефтяных скважин, где осталось всего 50 человек;
- 4) территории Больё-Шахтерский, расположенной у Волшебного озера, с городом Больё (400 человек) и Северным портом (60 человек). Таким образом, население Новой Франции достигло почти шести тысяч человек. В Порт-Леоне, Больё и Западном порту были свои муниципальные советы.

Центральное правительство состояло из пятидесяти депутатов парламента, избираемых всеобщим прямым голосованием, и несменяемого совета, состоявшего из семи человек: в начале ими были мой дядя, Мишель, Этранж, Бевен, Луи, кюре и я. Парламент имел право вносить законопроекты, назначать министров и утверждать их решения. Совет, помимо законодательных прав, имел право вето, приостанавливавшее любые решения сроком на шесть месяцев. В случае объявления чрезвычайного положения, вынесенного не менее чем двумя третями голосов, совет сосредоточивал всю полноту власти в своих руках сроком на полгода; при необходимости этот период мог быть продлен. Образовались три политические партии: коллективистская, во главе с Луи (двадцать семь мест в парламенте), консервативно-крестьянская (двадцать семь мест) и либеральная, во главе с Этранжем (десять мест). Последней, в обязательном порядке – по доброй французской традиции, которая гласит, что править должно меньшинство, – доставались все министерские портфели.

Изменения в управлении никоим образом не отразились на нашей жизни. Если завод, машины, шахты и корабли по-прежнему оставались народной собственностью, то земля во все времена принадлежала обрабатывавшим ее крестьянам.

Мы расширили сеть рельсовых и шоссейных дорог. Американцы последовали в этом нашему примеру. У них было больше, чем у нас, паровозов, зато нам удалось создать мощные электродвигатели. Самая длинная железнодорожная линия связывала Кобальт-Сити с Западным портом, проходя через Порт-Леон.

Наши отношения с американцами продолжали портиться. Первая серьезная размолвка произошла из-за канадского эсминца, на котором служили главным образом канадские французы. Решив поселиться с нами, последние, разумеется, захотели привести к нам и свой корабль, что вызвало множество затруднений. В конечном счете мы оставили американцам все вооружение и перепрофилировали эсминец в быстроходное грузовое судно. Вторым поводом для недовольства послужил наш отказ совместно разрабатывать нефтяное месторождение, расположенное на землях ссви близ горы Тьмы. У американцев имелась и своя нефть, пусть и залегающая глубже, да и потом, как мы знали, ссви не очень-то обрадуются присутствию американцев на своей территории. И вот 5 июля 9 года теллусийской эры произошло открытое столкновение.

В тот день около дюжины ссви захотели, согласно договору о праве беспрепятственного прохода, пересечь восточную оконечность американской территории, которая в этом месте врезалась в их собственные земли. Они направлялись к нашему посту Больё-Горному, чтобы обменять дичь на стальные наконечники для стрел. Словом, они проникли в Америку и уже были видны с нашего поста, находившегося на другом берегу в верховьях Дронны, когда трое вооруженных автоматами американцев остановили их и приказали повернуть обратно – требование совершенно абсурдное, так как до Больё по прямой оставалось метров сто, а до границы в обратном направлении – километров пятнадцать. Глава ссви Авитхц ответил им по-французски, что он думает об этом. Придя в ярость, американцы дали три автоматные очереди, убив двух ссви и двух ранив, в том числе Авитхца, которого они захватили в плен. Остальные ссви под градом пуль пересекли Дронну и сообщили обо всем командиру нашего поста, Пьеру Лефрану, который, чтобы разобраться во всем на месте, вместе со ссви спустился к реке. И горько об этом пожалел, так как с противоположного берега ударила автоматная очередь, убив еще одного ссви и ранив самого Лефрана. Взбешенные, его товарищи ответили десятком ракет, которые подожгли и превратили в развалины ферму на американском берегу.

По счастливой случайности мы с Мишелем проезжали в это время неподалеку. Погрузив Лефрана и раненых ссви в грузовик, я погнал машину напрямик в Кобальт-Сити.

По прибытии я сразу же побежал в дом совета, который, срочно собравшись вместе с парламентом, проголосовал за введение чрезвычайного положения. Лежа на носилках, Лефран рассказал о случившемся, и ссви подтвердили его слова.

Мы еще спорили, не зная, что предпринять, когда пришла радиограмма с поста Понт-о-Ссви на Везере: наблюдатели отчетливо слышали грохот боевых барабанов, и по всей территории ссви поднимались дымные столбы сигнальных костров: каким-то непонятным способом Взлик был уже извещен о случившемся и теперь собирал своих воинов. Можно было не сомневаться, что в подобных обстоятельствах на его сторону встанут и другие племена.

Зная мстительный и совершенно беспощадный нрав наших союзников, я тут же подумал об изолированных американских фермах, расположенных вдоль границы, и о том, во что они могут превратиться через пару часов. Я незамедлительно отправил к Взлику на вертолете курьера с посланием, в котором просил подождать один день, а сам вместе с остальными членами совета бросился на передающую радиостанцию, чтобы связаться с Нью-Вашингтоном.

События набирали ход. Когда мы прибыли, радист протянул мне новую радиограмму: американский эсминец обстреливал Западный порт. «Отважный» и «Сюркуф» отвечали. На

всякий случай совет отдал приказ о всеобщей мобилизации. Самолеты с полными баками и боекомплектом были готовы взлететь по первому сигналу. Установив связь, мы обратились по радио к американскому правительству с просьбой приостановить военные действия и дождаться прибытия полномочных представителей. Американцы согласились, и мы узнали, что бомбардировка нашего порта прекратилась. Впрочем, на эсминце, полагаю, были только рады выйти из боя: радиоуправляемая ракета с «Сюркуфа» разворотила им всю носовую часть.

Мишель, мой дядя и я незамедлительно сели в самолет и уже через полчаса были в Нью-Вашингтоне. Переговоры начались бурно. Американцы вели себя заносчиво, и Мишель вынужден был им напомнить, что без нас они давно уже были бы съедены морскими чудовищами или умерли от голода на своих оставшихся без горючего кораблях. В конце концов была создана комиссия для расследования, в которую вошли Джинс, Смит, мой дядя, я и брат Взлика, Исси. Оба американца, проявив благородство, признали вину своих соотечественников, которые были приговорены к десяти годам заключения каждый. Ссви в качестве компенсации получили десять тысяч стальных наконечников для стрел.

Странная штука, но после этой стычки, едва не кончившейся трагически, отношения между нами сразу улучшились. К концу 10 года они были уже настолько дружественными, что мы выступили с предложением основать Объединенные государства Теллуса. Конференция от 7 января 11 года собрала представителей американцев, канадцев, аргентинцев, норвежцев и французов.

Была принята федеральная конституция. Она предоставляла каждому государству широкую автономию, но предусматривала федеральное правительство, резиденцией которого стал новый город Унион, выстроенный в месте слияния Дордони и Дронны, там, где мы когда-то убили первого тигрозавра.

Окружающая территория площадью двести квадратных километров была объявлена федеральной землей. Самым сложным оказался вопрос об охотничьих угодьях ссви. Тут американцы показали всю свою несговорчивость. Лишь после долгих споров был принят закон о неприкосновенности земель наших союзников, а также других племен, которые примкнули бы к нам в течение ближайших ста лет. Все будущие колонии, основанные на новых местах, считались федеральными землями до тех пор, пока их население не достигало пятидесяти тысяч человек, после чего они переходили в разряд государств с правом установления своих собственных законов.

Затем, 25 августа 12 года, состоялось первое заседание федерального парламента, на котором мой дядя был избран первым президентом Объединенных государств Теллуса. Впервые развернулось федеральное знамя, полуночно-синее полотнище с пятью белыми звездами, символизирующими пять государств-основателей: Новую Америку, Новую Францию, Аргентину, Теллусийскую Канаду и Норвегию. Двумя официальными языками стали английский и французский. Я не стану входить в подробности принятых тогда законов, они действуют до сих пор, и вы их прекрасно знаете. Скажу только, что армия, флот, авиация и производство оружия были целиком переданы в ведение федерального правительства. Заглядывая далеко вперед, мы оставили за ним еще и атомную энергию, которая когда-нибудь появится у нас на Теллусе.

Глава 6

Начертанный путь

С тех пор прошло уже пятьдесят лет, но Теллус по-прежнему вертится! Годы президентства моего дяди – все семь лет – ушли на организационные работы. Мы расширяли железнодорожную сеть, скорее для будущих поколений, нежели для себя, так как общая численность нашего населения не достигала и двадцати пяти тысяч душ. Впрочем, нас становилось все больше и больше. Природные запасы были неисчерпаемы, поля давали великолепные урожаи,

и семьи становились все более многочисленными. У меня одиннадцать детей, и все они живы, у Мишеля – восемь. Средняя семья в первом поколении состояла из шести человек, во втором – уже из семи. Одновременно мы констатировали поразительное увеличение человеческого роста. На нашей старушке Земле, согласно статистике, средним считался рост метр шестьдесят пять. Примерно таким же был средний рост французов. А сегодня для Новой Франции эта цифра поднялась до метра семидесяти восьми, для Новой Америки – до метра восьмидесяти двух, а для Норвегии – до метра восьмидесяти шести! Только аргентинцы и их чистокровные потомки в этом отстают – метр семьдесят один.

При следующих президентах, американце Кроуфорде и норвежце Хансене, главные наши усилия были направлены на развитие промышленности. Мы построили авиационный завод, способный не только выпускать обычные модели, но и разрабатывать новые. Здесь, на Теллусе, американскому инженеру Стоуну удалось осуществить идею, которую он вынашивал еще на Земле, и его самолет «Корнет» побил все рекорды высоты.

Мы стали также и исследователями. Остаток своей жизни я провел в бесконечных экспедициях, составляя геологические и топографические карты, в одиночку или с двумя американскими коллегами, чуть позднее – с тремя моими старшими сыновьями: Бернаром, Жаком и Мартеном. Я облетел всю планету, плавал почти во всех океанах, побывал на бесчисленных островах и многих континентах. А какие великие открытия мы делали! Впрочем, и техника у нас была такая, о какой ни Колумб, ни Васко да Гама не могли даже и мечтать! Я задышался в шестидесятиградусную жару на экваторе, замерзал на обоих полюсах, сражался или заключал союзы с красными, черными и желтыми ссви, противостоял кальмарам и гидрам, которые по-прежнему внушали мне непреодолимый страх. И всегда меня сопровождал Мишель, а дома, порой по несколько месяцев, ждала Мартина. Я не хочу приписывать славу всех этих открытий себе одному: они были бы невозможны без мужества и находчивости моряков или летчиков, которые участвовали вместе со мной в экспедициях! О неоценимой помощи Мишеля не стоит и говорить, да и без абсолютной преданности моей жены я бы, вероятно, не перенес ту ужасную болотную лихорадку, которая приковала меня к постели на целых полгода по возвращении из третьей экспедиции. Мартина трижды сопровождала меня, без единой жалобы разделяя со мной все тяготы и опасности путешествий.

И я был не один такой! Страстное стремление к открытиям овладело всеми нами. Что сказать, допустим, о беспримерном подвиге Пола Брингера и Натаниэля Готорна, которые вдвоем на машине отправились на юг, объехали по побережью весь «Старый материк», разбили автомобиль за семь с лишним тысяч километров от Новой Франции и все-таки вернулись пешком, пройдя все эти тысячи километров среди голиафов, тигрозавров и враждебных туземцев? А что сказать о приключениях капитана Унсета, свояка Мишеля, который со своим сыном Эриком и тринадцатью матросами за семь месяцев и двадцать дней совершил первое кругосветное плавание на борту «Отважного»?

Через двадцать лет после первого визита мы с Мишелем еще раз побывали на острове Тайны. Там ничего не изменилось, только песок еще больше занес обломки странного аппарата. Снова войдя в кабину, где высохшая черная рука все еще сжимала рычаг управления, мы увидели на полу свои собственные следы, сохранившиеся в закрытом помещении.

На обратном пути мы посетили город катапульта. На сей раз с нами был сын Взлика, Ссиу, и с его помощью нам удалось вступить в переговоры с красными ссви, знающими сталь. Их вождь показал нам высокие примитивные домны, где ее выплавляли, и согласился рассказать нам легенду.

Пятьсот с лишним теллусийских лет назад к песчаной отмели чуть южнее теперешнего поселения ссви пристала «лодка, которая шла по воде сама». Из нее вышли три странных существа. Будучи атакованными, они защищались, «метая язычки пламени». «Не короткие стрелы, которые делают „бум“, как у нас, – уточнил вождь, – а длинные голубые язычки пламени».

Через несколько дней ссви застигли их ночью врасплох и захватили в плен. Из-за этих существ в племени поднялся яростный спор, уже никто и не помнит, по какому поводу, но половина красных ссви откололась и ушла на север. Это были предки Взлика.

Чужаки освоили язык ссви и научили их плавить металл. Дважды они спасали ослабленное племя от нападения сслвилов, «метая язычки пламени». Казалось, они все время чего-то ждут с неба. Потом они все умерли, но перед смертью написали большую книгу, которая, как реликвия, хранится вместе с другими принадлежавшими им вещами в священной пещере.

Я попросил описать пришельцев. Вождь не смог этого сделать, но отвел нас в храм. Там очень-очень старый ссви показал нам образцы наскальной живописи: на них были изображены три двуногих черных существа с головой и телом, похожими на человеческие, но с очень длинными руками, свисающими чуть ли не до земли, и всего одним четко прорисованным глазом посреди лба. Если изображенные рядом ссви были взяты в правильных пропорциях, рост этих существ должен был достигать, по моим расчетам, двух с половиной метров.

Мы попросили показать нам их вещи: то были три книги с металлическими страницами, похожие на ту, что мы нашли на острове Тайны, несколько более понятных инструментов и остатки оружия, которое «метало язычки пламени». Это оказались три трубки семидесятисантиметровой длины, расширявшиеся на концах и плакированные изнутри платиной. Обрывки проводов на других концах, должно быть, соединяли трубки с исчезнувшей частью. Вероятно, эти существа не захотели оставлять слишком мощное оружие в руках дикарей.

И наконец, мы увидели книгу, написанную на пергаменте, толщиной примерно в пятьсот страниц, испещренных такими же знаками, что и металлические книги. Когда я посетовал, что вряд ли кто-либо сможет их разобрать, старый ссви заявил, что книга написана на их языке и он умеет ее читать.

После долгих колебаний ссви взял книгу и, держа ее, вероятно, даже вверх ногами, начал декламировать:

– Тилир, Тилир, Тилир! Тем, кто придет слишком поздно, привет! Мы надеялись до последнего часа. Теперь двое уже мертвы. Мы никогда больше не увидим Тилир. Будьте добры к ссви, которые приняли нас хорошо...

Тут Ио – так его звали – умолк.

– Дальше я не умею, – добавил он.

Мне удалось узнать от него, что первые строки книги, выученные им наизусть, передаются от жреца к жрецу вот уже много поколений и что слово «Тилир» должно было послужить своеобразным паролем, если бы на Теллусе высадились соотечественники чужаков. Он признался мне также, что книга была двойной: первая ее половина написана на языке ссви, а вторая – на языке пришельцев. Как бы то ни было, это давало бесценный ключ к расшифровке, и я тщательно скопировал всю книгу.

Сколько раз я потом предавался фантазиям, склоняясь над потемневшими от времени страницами со странными буквами! Сколько раз я забрасывал повседневные дела, чтобы с помощью Взлика приступить к переводу! Но мне никогда не хватало на это времени. С трудом разобрал отдельные фразы, я разжег свое любопытство, но так и не удовлетворил его.

В книге шла речь о Тилире, чудовищах, катастрофах, льдах и страхе... Теперь она хранится в городе Унионе, где мой внук Анри и внук Взлика, «очеловеченный» ссви Хои, пытаются ее перевести. Существа, которые написали эту книгу, прилетели с ближайшей от нас внешней планеты, названной нами Арес, что соответствует древнему Марсу нашей старой Солнечной системы. Быть может, я еще доживу до того дня, когда наши внуки разгадают эту тайну. Но им бы лучше поторопиться!

Нами начертан путь, по которому предстоит идти вам.

Мы решили все проблемы, какие только нужно было решить.

Двух наиболее важных мы, правда, даже и не коснулись. Первая – это проблема сосуществования на одной планете двух видов разумных существ. Тут может быть лишь три выхода: уничтожение нас – для нас это, естественно, самое худшее; уничтожение ссви – чего мы никоим образом не хотим; и, наконец, самое разумное – признание за ссви полного равенства, что влечет за собой их присоединение к Объединенным государствам Теллуса. Американцы пока противятся этому, для меня же этот вопрос вообще не стоит. Ссви – такие же разумные существа, как и мы, а кое в чем они даже нас, возможно, и превосходят. Взять хотя бы математический труд Хои – лишь немногие из нас его понимают!

Второй проблемой является сосуществование в пределах одной солнечной системы двух разумных рас, если, конечно, неизвестные существа с острова Тайны действительно явились с Ареса. Если они вернуться на Теллус раньше, чем мы сумеем покорить космос, мы, вероятно, еще обрадуемся тому, что имеем ссви в союзниках!

Эпилог

Вот и весь рассказ. Дневники я только что сжег. В небе сияет Гелиос. Соль уже закатился. Из моего дома на окраине Кобальт-Сити я вижу поля, где колышется все еще зеленая пшеница. Из школы вернулся мой правнук Жан. Вдалеке пролетает самолет, кругом тишь да гладь. На улицах ссви разговаривают (по-французски!) с горожанами.

В Кобальт-Сити теперь двадцать пять тысяч жителей. Из моего окна видна расположенная на вершине горы Мон-Пари обсерватория, где моему дяде посчастливилось завершить изучение Ареса с помощью большого телескопа, который мы все-таки перевезли сюда более сорока лет тому назад.

Мимо прошла внучка Мишеля, Мартина, как две капли воды похожая, пусть она и блондинка, на *мою* Мартину. Она и мой внук Клод... Впрочем, это – будущее. Ваше будущее, граждане Объединенных государств Теллуса...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.